

Дарья Аппель

Дети Балтии

Охота на Аспида

Дарья Апфель

Дети Балтии. Охота на Аспида

«Издательские решения»

Аппель Д.

Дети Балтии. Охота на Аспида / Д. Аппель — «Издательские решения»,

ISBN 978-8-38-155181-6

Начало 19 века. Время, когда облик Европы перекраивался в очередной раз. Время славы и крови, гибели королевств и создания Империй... Честь и подлость, слава и позор, любовь и смерть, добро и зло – всё поставлено на кон. Выжить должен лишь один...

ISBN 978-8-38-155181-6

© Аппель Д.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ 1	6
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	17
ГЛАВА 4	23
ГЛАВА 5	29
ГЛАВА 6	37
ГЛАВА 7	42
ГЛАВА 8	48
ЧАСТЬ 2	59
ГЛАВА 1	59
ГЛАВА 2	66
ГЛАВА 3	71
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Дети Балтии Охота на Аспида

Дарья Аппель

© Дарья Аппель, 2018

ISBN 978-83-8155-181-6

Created with Ridero smart publishing system

ЧАСТЬ 1

ГЛАВА 1

Рига, ноябрь 1796 года.

За окном шёл мокрый, неверный ноябрьский снег, плотно покрывая черепичные крыши Старого города. День постепенно гас, казалось, толком и не начавшись. Наверное, вся Рига вместе со своими бесчисленными башнями, колокольнями, кораблями, стоявшими в порту, чугунными балюстрадами и домом генерал-губернатора, покроется снегом по колено, утонет в нем и превратится в точку на бескрайней равнине, такой же пустынной, такой же terra incognita, как и места, лежащие к востоку от этого богатого военного и торгового города. И только тогда станет понятно, что Рига – это Россия, а не уютная Ливония, мало чем не отличающаяся от крошечных германских княжеств, где снег бывает только на Рождество.

Катарина-Александра-Доротей, младшая и любимая дочка военного губернатора Риги Кристофа фон Бенкендорфа, занимавшего со своим немаленьким семейством дом-крепость близ Даугавы, снова скрылась от бдительных глаз гувернантки, почтенной фройляйн Эмилии фон Бок. Та снова придиралась к ней, а Дотти – так звали эту девочку, высокую, немного нескладную, рыженькую и чуть конопатую, – ненавидела, когда её отчитывают за то, что она снова “вела себя не так, как следует вести себя порядочной барышне из приличной семьи”. Она скрылась в библиотеке, но здесь ей было скучно. Много книг – но в них нет ни картинок, ни красивых букв, половина вообще на какой-то латыни или чём-то ещё столь же непонятном. Разве что здесь самое большое окно во всём доме и можно понаблюдать за нагруженными провизией служанками и горожанками, возвращающимися с рынка. Дотти хотела разыскать брата Алекса, чтобы, как обычно, он показал ей, как смешно разговаривает гувернантка, передразнил бы все её ужимки. Но вспомнила, что он с Константином, её вторым братом, уехал вчера учиться в некую Мариеншулле, в Байройт – если посмотреть на карту, то окажется, что это далеко от Риги. Очень далеко. Их посадили в экипаж и увезли. Она хотела тоже уехать с ними, но ей сказали, что в пансионе этом могут учиться только мальчишки. Это ужасно – всё интересное в жизни выдуманно только для мальчиков. Девочкам полагаются глупые длинные платья с корсетами и фижмами, клавишины, книксены, ленты и чепцы. Девочкам много чего нельзя – бегать, часто ездить верхом, фехтовать и сражаться на палках, лазить на крыши и в колодцы, перескакивать через изгороди, воровать яблоки и груши в соседском саду, стрелять, ругаться, говорить “чёрт возьми”, громко смеяться, драться с мальчишками, даже если они обидно обзываются.

Доротей уселась на подоконник. Всё одно и то же. И так всегда. От мрачных раздумий её отвлекла фройляйн Бок, сказавшая: “Немедленно идите обедать! И не дуйтесь, это вредно для кожи!”

За обедом было много народу. Мама ела, как всегда, мало. Отец много говорил, о Германии, о пансионе, о каких-то назначениях и реляциях, в общем, ни о чём интересном. Их уже сажали за “взрослый” стол при условии, что они хорошо ведут себя, теперь, как обычно, младшей дочке барона Бенкендорфа было страшно скучно. Если бы здесь сидел с ней Альхен, её старший брат, они бы пинались под столом ногами, шёпотом обсуждали, кто как выглядит и как говорит, чтобы потом передразнить их тайком от взрослых. Был бы Жанно фон Лёвенштерн – то же самое, но он тоже в каком-то там пансионе, причём уехал туда ещё раньше, чем братья. Да и еду сегодня дают противную – картофельную подливу. Они вообще едят слишком много картошки и капусты, это невкусно, хотя фройляйн Бок утверждает, что очень полезно.

Гувернантка вообще часто жалуется, что Дотти мало ест, всё грозитя папеньке рассказать, ставит её перед зеркалом и говорит: “Посмотрите на себя, вы напоминаете скелет, обтянутый кожей, а всё из-за чего – из-за того, что вы никогда не доедаете до конца! Вы заболаете, подурнеете, на вас не будут смотреть кавалеры. Худоба не нравится никому”. Нет, это несосно. И обед скучный. И разговаривать нельзя. И смеяться. Ничего нельзя.

– Почему вы такая грустная? – прошептал сидящий рядом с ней молодой щеголеватый человек, которого она начала разглядывать от нечего делать. Он ей напомнил Маркиза Карабаса, как нарисовано в книжке про Кота В Сапогах. Пока тот ещё не стал маркизом, а был бедным сыном мельника. Да и на кота он тоже чем-то был похож – то ли формой глаз, то ли вальяжными жестами, то ли медленной улыбкой, то ли каким-то мурлыкающим голосом.

– Мне скучно, – призналась она честно.

– Странно, что вас берут на такие обеды. Они же для взрослых, а вам... Сколько вам лет? – продолжал спрашивать он, рассматривая её как-то странно, пристально, не прекращая улыбаться.

– На Рождество будет десять, – сообщила она. – Вернее, не на само Рождество... Через три дня.

– Как интересно. У людей, рождённых в большие праздники, бывает необычная жизнь. И у вас, юная принцесса, тоже будет.

– Я не принцесса, – проговорила Дотти, уткнувшись носом в тарелку. – Я баронесса.

– Если захотите, то будете даже королевой, – продолжил он, а потом взял под столом её руку и пожал крепко. – Но боюсь, что я ваше имя знаю, а вы моё – нет. Меня зовут Ойген.

– Какое смешное имя, – хихикнула девочка. – А как ваша фамилия?

Молодой человек не обиделся на “смешное имя”. Очевидно, он его таковым не считал.

– Я граф фон Антреп, – отвечал он. – И в Риге недавно.

– А я давно... Давным-давно. С рождения, – нашлась юная баронесса. Её удивляло, что фройляйн Бок ни разу не одёрнула её за то, что она болтает, хихикает и ничего не ест.

– И как вам этот город?

Доротея пожала худенькими плечиками. Что она может отвечать, если ей не с чем сравнивать?

– Я жил в Париже, Берлине, Риме, Вене, Копенгагене, Амстердаме, Петербурге... – продолжал Ойген фон Антреп. – Все эти города хороши, когда бываешь там проездом, дня на два. Но потом привыкаешь и уже не замечаешь красот. Начинаешь видеть несовершенства. И они пересиливают то, чему ранее восхищался...

Граф говорил, как по-писанному. И с ней – как с большой. Но Доротея не знала, что ему ответить. Кроме Риги она нигде не была, а упомянутые им города знала только по урокам географии.

– А вы военный? – спросила она, разглядывая его более пристально.

– Совсем нет, – усмехнулся он.

Дотти не поняла, как так можно. Её отец, дяди, друзья и приятели отца – все были офицерами. Братья и кузен мечтали быть военными. В её представлении все мужчины должны были носить форму и шпагу. А этот Антреп... Вообще какой-то странный. Откуда он родом? Говорит вроде бы по-немецки, но с каким-то иноземным, не рижским выговором, ей приходится внимательно слушать, чтобы понять.

– А вы предпочитаете, наверное, военных? – продолжал граф Ойген, глядя ей прямо в глаза и думая: “Лет через пять она превратится в златоволосую красавицу и выйдет замуж за того, кого укажет папенька, то есть за какого-нибудь остзейского свиновода. Жалко”.

Она снова пожала плечами. Какие-то забавные вопросы он задаёт. Странные...

Потом его сосед слева отвлек его, и Антреп, подарив ей очередную кошачью улыбку, отвернулся. После этого разговора у девочки щёки ещё долго пылали. Почему? Непонятно. И говорил с ней, как с большой фройляйн, а не как с девчонкой. Долго говорил...

– Поздравляю, у тебя появился жених, – сказала ей перед сном Мари немного завистливым тоном.

– Какой ещё жених? – Дотти посмотрела на сестру, улыбающуюся как-то криво.

– Фройляйн Бок под большим секретом сказала мне, – зашептала старшая из девочек, косясь на дверь. – Что тот кавалер, с которым ты говорила сегодня, хочет на ком-нибудь жениться, поэтому и приехал сюда, и к нам пришёл в гости.

– А нам с тобой не рано замуж? – с сомнением в голосе спросила Доротейя.

– Он подождёт, пока мы войдём в возраст, – старательно повторила Мари услышанное от гувернантки, всегда относившейся к ней с куда большей благосклонностью, чем к её сестре.

– Как понять “войдём в возраст”? – немедленно задала вопрос её любопытная сестрёнка. Мари возвела свои красивые голубые глаза к потолку:

– Откуда же я знаю! Вот у фройляйн и спрашивай, она всё расскажет.

– Ты всегда так говоришь! – сердито воскликнула Дотти. – Нет, чтобы самой спросить.

– Если мне можно было это знать, то мне бы объяснили. Значит, нельзя, – рассудительно проговорила её старшая сестра. – И тебе, кстати, тоже.

Дотти показала ей язык и легла в постель. Жених! Странно. Ей нужно в него влюбиться, значит? А что для этого нужно? В сказках, когда герои влюблялись, то “теряли сон и покой”. Хотели увидеть “предмет обожания” во что бы то ни стало. И целовались. Но вот что интересно – все эти влюблённые герои – мужчины, молодые люди, прекрасные принцы и благородные рыцари. А что же делали женщины? Они только ждали, пока им признаются в любви и скажут: “Поехали со мной, красавица!” А потом свадьба и “пир на весь мир”. Доротейя пыталась представить, как Антреп скачет к ней на коне, встаёт перед ней на колени и говорит: “Я люблю вас. Будьте моей женой!” Что тогда ей сказать? Сразу “да” или позвать родителей с гувернанткой? А потом он её поцелует... Дотти понятия не имела, как это – целоваться. Помнится, горничные шептались: “А Мартин меня поцеловал!” – “По-настоящему?” – “Да”, и Дотти тогда хотелось спросить, разве можно целоваться не по-настоящему, но Лизхен сразу замолкла при виде “младшей фройляйн”. Ну вот, Антреп признается ей в любви, просит замуж, она соглашается, и он целует – как, в щёку, троекратно, как обычно целуются при встрече с родственниками или подругами, как целуются *maman* с *tante Catherine*? Или в губы, как русские на Пасху? Или вообще будет целовать её в руку? Она предположила последнее. А дальше? О, дальше свадьба... И ей будут все завидовать – и Мари, и Рикхен, и Лиза, и Софи, и вообще все! Мари – особенно. С ней же он не говорил. Значит, выберет её, ту, которую более-менее знает. “Имя у него только некрасивое”, – подумала Доротейя, – “Ойген. Звали бы его хотя бы Кристианом, или Магнусом, или даже Гансом. Когда мы поженимся, я буду его звать по-другому. Ведь у него же, наверное, это не единственное имя...” Потом мечты сменились более реалистичными мыслями – а вдруг он на неё не посмотрит, выберет какую-нибудь взрослую барышню или даже Мари... Та красивая, на *maman* похожая, а Дотти худая, рыжая, конопатая – её даже дразнили из-за этого, хоть она была не особенно рыжей. И вести себя не умеет. И смеётся громко. И в тарелке ковыряется. Какая из неё графиня фон Антреп? Впервые в своей жизни маленькая Доротейя фон Бенкендорф осознала свои несовершенства и расстроилась из-за них. “Ну ничего”, – решила она, закрывая глаза. – “Я буду хорошо учиться, научусь, наконец, играть на фортепиано, который стоит в голубой комнате. И он снова придёт, услышит то, как я играю хотя бы *Die Gräffen*, и спросит у фройляйн – ‘Кто же играет эту божественную музыку?’ – а она и ответит, что я. А Мари будет кланяться и пялиться на него, а он даже и не посмотрит...”

Через четыре месяца упражнений она умела играть гораздо более сложные пьесы, чем “Три графа”. Фройляйн Бок умела исполнять только самое простое, поэтому фрау Юлиана

фон Бенкендорф, Доттина мать, сама взялась за обучение младшей дочери, в которой замечала быстрый ум и сообразительность, способность всё схватывать на лету.

Фрау Юлиана, лучшая подруга великой княгини Марии Фёдоровны, настолько близкая к русской принцессе, что придворные сплетники шептались о том, что она-де является её незаконнорожденной сестрой, статс-дама и жена военного губернатора Риги, мать его четырёх детей, удачно совмещала в себе ум и красоту. Но в красоту сама не верила. Она чувствовала, что стареет, часто ощущала себя больной – и это неудивительно; она беременела каждый год со дня своей свадьбы; это очень подрывает здоровье. И сейчас, глядя на свою тонкую и хрупкую дочь, старательно играющую сложный этюд, Юлиана с грустью думала – и её эта участь не минует. Век женщины короток. Антреп связался с ней, минуя мужа, который был вообще против того, чтобы начинать думать о будущих партиях для девочек уже сейчас, и слышать ни о какой помолвке его любимицы с 28-летним графом не желал, хоть тот был и богат. Баронесса же считала эту партию вовсе не плохой. Подождать только года два-три, пока она не созреет физически – и можно будет выдавать замуж...

Этих трёх лет у неё уже не было.

“Немилость” – это слово поселилось в доме Бенкендорфов ещё перед Рождеством и повторялось так часто, что Дотти его запомнила навеки. В ноябре умерла Старая Императрица – в Риге об этом узнали довольно быстро. Дотти знала Екатерину Великую по портретам, она казалась вечной – ведь она вззошла на престол, когда её папа был ещё мальчишкой не старше её самой, а отца она считала очень старым! Так что даже странно, что Екатерина Вторая умерла именно сейчас. Вместо неё теперь будет править Цесаревич Павел. Или “Пауль”, как его называли в их семье – отец и мать его близко знали. Вот он-то и “высказал немилость”. Причём почему-то не к отцу, а к татап. И поэтому ей нужно уехать. Фрау Юлиана давно чувствовала себя неважно, испытывала некие смутные боли, и решила поехать полечиться в Дерпт. Там – морские купания. Там – хорошие врачи. В день отъезда она зашла в комнату Дотти, где та боролась с французской грамматикой, и сказала, не глядя на неё: “Ты едешь со мной”.

...Дотти мало помнит, как умирала её мать, а умирала та долго и мучительно.

В день смерти матери, 10 марта 1797 года, приехал Антреп, в блестящем камзоле, в бело-снежном парике с косицей, перевязанной чёрной атласной лентой, вошёл в комнату больной, отклонялся, встал на колени у постели. Дотти, переписывающая набело письмо, которое татап хотела отослать государыне ещё тогда, когда могла писать самостоятельно, вздрогнула при его появлении.

– Пойди-ка сюда, Доротея, – проговорила слабым голосом мама. – Встань сюда, рядом с графом.

Она послушалась. На суженого своего смотреть почему-то боялась. Сейчас он не напоминал ни маркиза Карабаса, ни кота. Перед ней стоял взрослый, очень красивый, мало знакомый мужчина.

– Соедините руки, – приказала умирающая женщина. – Я благословляю вас на будущий брак.

Девочка вновь ощутила его рукопожатие – твёрдое, сильное, уверенное. Он был гораздо выше её. И от него пахло какими-то приятными сладковатыми духами. Так она стала наречённой графа Ойгена фон Антрепа, молодого, образованного человека из хорошей семьи, но с авантюристскими задатками, игрока, повесы и красавца. Его немного пугала участь жениха маленькой девочки, но он, как шутил перед друзьями, решил “воспитать себе жену” – и ждать, пока она не вырастет настолько, чтобы быть ему супругой в полном смысле слова.

...Мать Дотти хоронили на четвёртый день после её смерти, и никто не плакал, даже отец. Все словно выполняли какую-то необходимую церемонию. Дети подходили прощаться с покойной по очереди, абсолютно спокойные. Однако Мари стало потом плохо, и её вывели из кирхи. Дотти никак не удивил вид покойницы – она не помнила мать оживленной, улыбаю-

щейся. Страдальчески сомкнутые губы и плотно закрытые глаза – перед лицом смерти Анна Юлиана выглядела мужественно. Как и всегда.

После похорон матери всем стало понятно, что жизнь никогда не пойдёт так, как прежде.

ГЛАВА 2

Санкт-Петербург, апрель 1797 года.

Дотти и Мари в сопровождении фройляйн Бок отправились доучиваться в Смольный институт благородных девиц.

Институт, в которых сестёр Бенкендорф отправили в сырой апрельский день, совсем не весенний, а серый, тоскливый и слякотный, Дотти не слишком понравился. Какой-то казенный запах дегтярного мыла, голые монастырские стены не обрадовали. Тем более, как она узнала, прогулки дозволяются только временами и в этом чахлам садике. Письма будут вскрывать и прочитывать классные наставницы, за непослушание – понятие, толкующееся очень широко – ставить в угол и лишать пищи. Дотти обрезали её негустые рыжеватые волосы, выдали форменное платье, которое ей было коротковато, и сказали, что они с Мари будут жить в отдельной комнате с фройляйн Бок, которая поможет им приспособиться к институтскому режиму.

Учителя были в восторге от её познаний, особенно учитель музыки. Правда, с новыми одноклассницами отношения сразу не сложились. Девочки шептались: “рыжая... длинная... чухонка” за глаза, а в глаза называли “душкой” и “ангелом”.

Первая дружба у Дотти возникла с одной одинокой девочкой, полькой, тоже живущей “на особых условиях” в отдельной комнате, не в дортуаре. Новая подруга сначала не решалась подходить к ней знакомиться попросту, как все, а ходила вокруг да около, подглядывая за ней. Вскоре Доротея не выдержала.

– Кто там шпионит? – резко произнесла она, в упор разглядывая высокую, темноволосую, длинноногую девочку в таком же куцем форменном платье, которое носила и сама баронесса.

– Я не шпиону, – отвечала та с дерзким вызовом в голосе.

Дотти встретила с ней взглядом и отшатнулась поневоле. Таких пронзительных глаз она никогда не встречала. Их синева напоминала небо в жаркий майский день. Но не было в них безмятежности – сейчас они горели гневом. У девочки был странный выговор.

Незнакомке Дотти бросила небрежно и дерзко:

– И подслушивать тоже нехорошо.

– Вы забываетесь, мадемуазель, – проговорила девочка по-французски, проглатывая звук “л”.

– Собственно говоря, с кем имею честь? – Дотти читала про поединки и пыталась воспроизвести прочитанное в разговоре с той, которая своим взглядом, неправильным французским и прямой осанкой бросала ей вызов.

– Княжна Анжелика Войцеховская, – отвечала она, отчетливо произнося свой титул и имя.

– Я Доротея фон Бенкендорф, – в тон ей проговорила Дотти, – баронесса, – добавила она, немного подумав.

– Про вас здесь говорили. Вы протеже императрицы? Я тоже, но классом младше, – Анжелика кивнула, признав в Дотти “свою”.

– Я понятия не имею, кто или что такое протеже, но ваши девушки – все дуры. Мой брат их побьёт, мне нужно только ему сказать, – в сердцах произнесла Дотти.

– Вы правы, Доротея. Они все из выскочек, поэтому правят здесь бал. Но я настоящая княжна. И поэтому меня ненавидят, – Анжелика сверкнула глазами. – Всеобщая любимица Элен говорит гадости про всех. И даже про учителей и классных дам. Но, конечно, они этого не знают. Я знаю обо всем, что она говорит. Она в курсе, что я давно вывела её на чистую воду. Поэтому со мной не разговаривает. И весь класс смотрит на меня сквозь пальцы. Если вы тоже её не любите – предлагаю дружбу, – горячо проговорила княжна.

– Я принимаю вашу дружбу, – шёпотом отвечала Дотти.

На уроках Дотти была в числе лучших. Музыка ей давалась особенно легко, и вскоре Дотти начали сажать за клавикуорды во время приезда важных гостей. Арифметика шла несколько туго, но так было у всех девочек, кроме m-лe Войцеховской, демонстрировавшей особые способности к точным наукам. Французский даже не считался за серьёзный предмет. Как и танцы. Какие ж это предметы, если одним ты пользуешься почти всегда, а другое – развлечение?

Дотти и Анжелика стали близкими подругами на время учёбы в институте. Анжелика происходила из старинного княжеского рода. По матери она принадлежала к семье известных польских магнатов, князей Чарторыйских. Отец по женской линии был в родстве с Радзивиллами. Девочка была рьяной католичкой. На тумбочке в дортуаре она поставила маленькую фарфоровую Мадонну и молилась на коленях перед ней каждый вечер, прежде чем отправиться спать. Анжелика смутно помнила взрывы и выстрелы за стеной её родного особняка на Староместской улице в Варшаве, ржание лошадей и отблески пожаров, суету внизу, крики и плач матери, домашнюю панихиду по казненному бунтовщикам отцу, а потом долгую и тяжёлую дорогу, приведшую в блистательный Петербург. Анжелика уже давно жила в институте. Ледяной холод утренних дортуаров чуть не свел её в могилу в первые месяцы, но потом она привыкла. Разве что стать серой институтской мышью не удалось – в княжне пробуждалась удивительная красавица, и к пятнадцать годам она приобрела плавность движений и мягкость форм, сохранив гибкость и стройность.

Доротей делилась с Анжеликой всеми секретами. В том числе, и показывала письма Антрепа, который как-то узнал, где она сейчас учится, и много писал к ней. Ни слова о любви или о свадьбе, просто рассказывал про свои путешествия, какие-то случаи из своего детства, анекдоты, рижские новости. И всегда приписывал: “Наверное, вы меня забыли? Эта мысль тревожит меня ежедневно”.

– Завидую, – вздыхала княжна. – У тебя уже есть жених. У меня когда будет, не знаю.

– Ты очень красивая и умная. У тебя будет очень много поклонников, – заверяла её Дотти.

– Меня не выдадут замуж без приданого, – отвечала княжна. – Поэтому я уйду в монастырь.

– Приданое? – переспросила Доротей.

– Ну да, земля, поместья, деньги, семейные драгоценности – Анжелика была удивлена тому, что её наперсница не знает таких элементарных вещей. – То, что твои родители передадут твоему мужу. Без приданого сложно выходить замуж. Даже если ты красивая.

“Интересно, у меня есть приданое?” – задала себе вопрос Дотти. – “Наверное, есть”.

– А где твои земли? Ты же княжна? – проговорила она вслух.

– Их отнял русский государь. По секвестру, – заученно произнесла Анж, тем не менее, горячо сверкая глазами.

– Что такое секвестр?

– Не знаю, – призналась Анжелика. – Но что-то ужасное.

– Почему так случилось? – не отставала от подруги Доротей.

– Мы же поляки. И мы воевали против русских. А потом проиграли. Теперь Польша – это Россия, а у нас земель почти нет, – разъяснила ей подруга.

– Ничего себе, – Дотти впервые в жизни слышала про Польское восстание. – А почему вы воевали против русских?

– Потому что Екатерина Кровавая раздробила нашу страну на несколько частей. Что-то отдала Пруссии, что-то Австрии, а Варшаву себе забрала. И короля Станислава свергли, – объяснила Анжелика так, как объясняли ей самой.

– А твоя семья воевала против России? – спросила Дотти.

Анжелика пожала плечами. Она сама не могла уверенно сказать, так ли это. Судя по тому, что говорили её бабушка, дед, оба дяди и мать, русских и Россию в её семье ненавидели. Старший её дядя, князь Адам, воевал против них, говорят, но он никогда не рассказывал об этом, особенно сейчас, когда числился в свите русского принца Александра.

А Доротея больше ничего и не спрашивала. Она думала – что будет, если вдруг государю захочется разделить Остзейский край? Произойдёт ли восстание? Война? И не у кого было спросить.

... После выпуска Мари и Дотти из одного монастыря были отправлены в другой – в покои императрицы в качестве фрейлин. Госпожа Бок по-прежнему жила с ними, приглядывая за их поведением. Мари и здесь пользовалась успехом. Всегда первая в котильонах и гротфатере, она кружила головы юным офицерам. Однако и женщины любили её, не считая серьёзной соперницей.

Дни Доротеи были однообразны и тоскливы. Петербург в павловское царствование превратился в плоский немецкий город. Император не казался Дотти столь уж страшным, как о нём говорят. Ее брату Алексу, теперь прапорщику Семёновского полка тоже. Они часто виделись, много друг с другом говорили и сошлись на том, что Павел страшен только для слабых духом. И для самого себя.

Балы при Павле весельем не отличались. Дотти вечно стояла за спиной императрицы, видела, что все двигаются, как манекены, сама танцевала, как заведенная – кто-то приглашал её, она принимала приглашение, делала па так, как учили, потом раскланивалась с кавалером и шла на свое место. Люди прекрасно знали об искусственности павловских балов. Император следил сам за всем, как заправский церемониймейстер. Завтра – плац-парад, а послезавтра – церемония мальтийских рыцарей. Люди играли роль марионеток. Будешь своевольно марионеткой – попадёшь в Сибирь. Прямо с бала или парада.

Император даже и забыл, что его супруга имела некую подругу-сестру. Дети этой подруги выросли. Один сын – расторопный худенький мальчик, мечтающий быть произведенным в поручики, всегда одет по форме, не к чему придраться. Говорят, сам следит за всем, не доверяя ни дядьке, ни слуге. Другой тоже милый юноша, но выглядит как-то хило – пусть идет по гражданской. Первая дочь – красавица, вторая – дурнушка. Но так всегда бывает. И да, дети не отвечают за грехи и промахи родителей.

Императрица Мария Фёдоровна была убеждена, что девочек нужно передавать их будущим мужьям так, как в хорошем обществе принято дарить цветы самым близким людям – ещё не распустившимися, в бутонах. Чем раньше, тем лучше. Особенно если девочки сироты. Да, у них есть отец – но что отец! Если нет матери, это и есть настоящее сиротство. Так что императрица взяла на себя обязанности матери и подумала, что Тилли бы её одобрила. Быстрее выдать замуж, чтобы они были защищены, обеспечены и не стали игрушками своих или чужих страстей. И вот ещё одна задача – мужья для девочек Бенкендорф должны быть серьёзными солидными людьми, в чинах. Чтобы за ними, как за каменной стеной. А любовь? Но в пятнадцать лет любовь не имеет никакого значения. И лучше, если они так и не узнают, что это, эти милые девочки. Императрица выписала в дневник имена двух генералов – кавалерийского и артиллерийского. Двойная помолвка и двойная свадьба. Отлично! Жалко, что Тилли этого не увидит... И Мария Фёдоровна при воспоминании о подруге-сестре прослезилась.

При тусклом свете декабрьского утра, когда, казалось, рассвет никогда не наступит в полную силу, и за ночью сразу же появится вторая ночь, а потом – третья, четвёртая и пятая, Дотти смотрела на себя в зеркало. Простое платье, светло-зелёное с палевыми кружевами, шло ей как нельзя лучше. Лёгкие золотые серьги на туалетном столике ждали своей очереди. Дотти позвонила, и дворцовая горничная начала убирать ей волосы вверх, по недавней моде – эта мода создана либо для вечно беременных дам, либо для девочек-подростков. К ней относились и перетянутые под грудью платья, лёгкие корсеты и мягкие туфли без каблучков. Дотти такие

фасоны шли, ибо она как раз была девочкой-подростком, постепенно превращающейся в рослую суховатую девицу, на которую никто не будет засматриваться. Она много думала о своём женихе – так называла она Антрепа, хотя никакой официальной помолвки между ними не произошло. В Петербург он уже второй год приехать не мог – “по обстоятельствам, к сожалению, совсем не зависящим от меня”, как писал он. Но если она этим летом уедет в Ригу, и там они встретятся, и он увидит её... Ведь она выросла – институт уже закончила, уже фрейлина, значит, можно и замуж, ведь не так ли? Антреп исполнит обещание, они пойдут к алтарю...

Но на этот раз юная баронесса фон Бенкендорф готовилась к свиданию со своей нареченной матерью – императрицей. Та должна сообщить ей нечто важное. И девушка мучилась от любопытства – что же именно? Вряд ли это плохая новость. Но и очень хорошего от такой таинственности ждать не приходилось.

...Когда Дотти вошла, то увидела восседающую на кресле вершительницу судеб, одетую в тёмно-синее платье, вместе со своей старшей сестрой Мари, которая то краснела, то бледнела, то подносила к своему хорошенькому личику платок.

– Сядь, Доротея, – ответила императрица, кивнув в ответ на Доттин книксен. – Через месяц Мари выходит замуж. Ее супругом станет Иван Егорович Шевич, генерал, человек надежный и состоятельный.

Дотти припомнила молодящегося генерала-серба в венгерке, всё ещё прекрасно выглядящего и всегда первым открывающего тур мазурки на всех балах. “Но сколько же ему лет?” – девушка слегка поёжилась от догадки.

– Да, Иван Егорович не молод, но это и к лучшему, – ответила Мария Фёдоровна, словно подслушивая её мысли. – Бедной Мари следует ещё привыкнуть к тому, что скоро она будет замужней дамой, но это её не страшит, правда, дитя моё? – обратилась патронесса к Мари.

Та лишь тихонько кивнула.

– Что касается тебя, малютка Дотти, то я также предложу тебе достойного жениха. Он будет рад составить твоё счастье. Знаешь Аракчеева, Алексея Андреевича?

Дотти побледнела. Ещё бы она не знала Аракчеева! Пугающая наружность, напоминавшая ей о картинках с дикарями-троглодитами из “Естественной истории” – это еще полбеды. Но говорили, что он запарывает солдат до смерти. Что не щадит собственных крестьян в дарованном ему щедрой рукой Павла имении. Что он ненасытен и вид крови подогревает в нем низменные желания. Дотти недаром любила слушать то, что говорят шепотом. Это бывает весьма полезно. Да и без всяких слухов Аракчеев всегда вызывал в ней оторопь. И такое чудовище станет её мужем?! Он, а не красавец Ойген? Лучше сразу утопиться в Лебязьей канавке.

– А обязательно ли мне выходить замуж именно сейчас? – произнесла без обычных любезностей побледневшая Дотти.

– Вообще-то, тебе уже пора. Сама понимаешь, при дворе много соблазнов, да и ваша покойная матушка одобрила бы моё решение и выбор, – снисходительно, как глупому ребенку, начала пояснять Мария Фёдоровна.

– Но почему Аракчеев? Ведь... – продолжала Дотти, уже упрямо закусив губу, как часто делала в минуты волнения.

– Алексей Андреевич – надежный, серьезный человек, и вполнину не такой злодей, как болтают завистники, – перебив её, словно боясь возражений, выговорила императрица. – Да, он требователен к подчинённым, но и предан тем, кого полюбит... Я с ним уже говорила – он согласен.

– Никогда, – прошептала Дотти. – Я помолвлена, Ваше Величество. У меня уже есть жених.

– Да, я знаю, что ты переписываешься с этим шалопаем Антрепом. Но ты с ним не помолвлена, и не смей меня обманывать, – гневно отвечала Мария Фёдоровна. – Я знаю,

что несмотря на мои неоднократные беседы с твоей наставницей, ты продолжаешь получать от него письма. Я приказываю собрать их все и передать мне.

– Никогда, – и Дотти бросилась к дверям.

Спустя несколько минут государыня властным жестом распахнула дверь её скромной девичьей спальни, испугав и так уже не в меру потрясённую состоянием своей воспитанницы фройляйн Бок, и в присутствии рыдающей на узкой кровати Дотти и остолбеневшей от ужаса гувернантки начала рыться в столе. Найдя связку посланий, написанных размашистым мужским почерком, Мария Фёдоровна бросила её в камин. Бумага немедленно занялась пламенем, и Доротея, подбежавшая к камину, уже не успела спасти от уничтожения письма своего суженого.

– Стыдись, дочь моя, – твёрдо заявила императрица. – В столь раннем возрасте уже марать свою честь связью со взрослым мужчиной – каково это?

– Я не... – прошептала она.

– Больше ты с ним переписываться не будешь. Забудь о существовании графа фон Антрепа. Я не знаю, что побудило Тилли стговорить тебя за него, но сейчас она бы очень пожалела о своём решении, – сказала Мария Фёдоровна уже чуть помягче. Затем, бросив пронзительный и злой взгляд на дрожавшую, как осиновый лист, гувернантку, отчеканила:

– А вы, фройляйн Бок, за нерадение и пренебрежение собственными обязанностями ссылаетесь за границу. И чтобы ноги вашей не было в Петербурге! Стража! Взять эту женщину!

Два дворцовых гренадёра, немедленно откликнувшиеся на зов, увели несчастную даму, поддерживая её под руки.

– Ваше Величество, – Дотти посмотрела на неё таким отчаянным взглядом, что у той смягчилось сердце. – Но я не могу быть женой графа Аракчеева. Я... я никогда не полюблю его.

– Что ты знаешь о любви, дитя моё? – вздохнула императрица, обнимая её и усаживая на кровать. – Но, впрочем, ты права... Он человек хороший, но немного не вашего круга. К тому же русский. А Кристоф мне писал, что хочет видеть в своих зятях “своего человека”, то есть балтийского немца... С Мари не получилось, о тебе я подумаю.

Тут её осенило.

– Кажется, я знаю, кто точно составит твоё счастье! – воскликнула она. – Да, как же я раньше не догадалась! Второй сын Лотты, он же ещё не женат! И как раз остзеец, да ещё попригожее твоего Антрепа, – и она улыбнулась лукаво. – И уже в чинах, как и Аракчеев.

Доротея не отвечала и не особо прислушивалась к её словам. Её тошнило, у неё болел низ живота – но не остро, а как-то нудно и тупо. В этом она Марии Фёдоровне не хотела признаться. Кроме того, сцена ареста её гувернантки, сожжение писем наречённого, гнев государыни весьма расстроили её. Пусть делают, что хотят. Раз уж ей надо замуж... Неплохо бы уйти в монастырь, как собиралась Анж, ныне пристроенная фрейлиной к великой княгине Елизавете. Но Дотти лютеранка, у лютеран монастырей почему-то нет, в отличие от католиков и православных. Как всё плохо.

– Да, – продолжала говорить сама с собой Мария Фёдоровна. – Кристхен – хороший сын, и у него есть все задатки, чтобы стать хорошим мужем и отцом семейства. У него всё есть – золотое сердце, красота – хотя с лица воды не пить, правда? – богатство, великолепная карьера. О лучшем тебе и мечтать не надо, девочка моя! Завтра же я тебе его представлю, и ты позабудешь о своём Антрепе навсегда.

Доротея кивнула. Ей на самом деле уже давно хотелось в уборную, и она обрадовалась, когда императрица наконец-то ушла, надавав ей массу наставлений, как завтра одеться и как держаться перед женихом, а особенно перед потенциальной свекровью – гувернанткой великих княжон, графиней Шарлоттой фон Ливен. Нужно было выглядеть опрятно, аккуратно, нарядно, но не вызывающе – фрау Шарлотта, или Лотта, как её называла Мария Фёдоровна, не слишком одобряла моды современности, пришедшие из революционной Франции; говорить

не очень много, спокойно, но не зажато и не слишком громко, проявляя выдержанность; и прочая, и прочая...

В уборной Дотти заметила, что все её нижние юбки пропитались кровью. Живот по-прежнему болел. Значит, у неё что-то лопнуло внутри, наверное, от бега и волнения; теперь она истечёт кровью и умрёт. И никакой свадьбы не будет. Ни с кем. Ни с Аракчевым, ни с Антрепом, ни с этим неизвестным “Кристхеном”. И её похоронят... И все будут плакать, когда она будет лежать в гробу...

У Альхена, уже зачисленного в свиту флигель-адъютантом, сегодня не было дежурства и он зашёл к ней.

– Ничего себе! – с порога заявил он. – Тут все говорят, как ты нахамила государыне-матушке. Не ожидал от тебя такого, сестрёнка...

– Альхен. Я умираю, – сказала она тихо, сжавшись в клубок на подушках.

– А что с тобой? – брат осмотрел её, но кроме бледности ничего не заметил.

– У меня кровь течёт, – прошептала она.

– Горлом? – он подумал, что у неё началась скоротечная чахотка.

Она покачала головой, покраснев, потому что ей придётся доверять брату довольно интимные подробности, которые бы и фройляйн Бок не доверила.

– У меня лопнуло что-то внутри. Живот сильно болит. И кровь идёт... оттуда, – призналась она. – И вот... Слушай, когда я буду умирать, не уходи. Мне одной страшно будет.

– Надо доктора хотя бы позвать, – и он, не слушая робких возражений сестры, пошёл за лейб-медиком, который сразу же вывел его из спальни Дотти, а ей объяснил, что это кровотечение абсолютно нормально, означает, что она достигла зрелости, будет повторяться каждый месяц примерно в один и тот же день и совершенно не угрожает жизни. А потом пошёл поделиться новостью с государыней, которая перенесла знакомство Дотти с очередным претендентом на её руку и сердце на три дня.

Претендента этого, про которого в самый последний момент вспомнила императрица, звали Кристофом-Генрихом фон Ливеном, ему скоро исполнялось 25 лет, но несмотря на свой молодой возраст, он был уже генерал-майором и начальником Военно-Походной канцелярии императора Павла, исполняя обязанности первого советника и докладчика по военным делам. Многие говорили, что своей должностью и стремительным восхождением к вершине власти этот красивый, неглупый, но довольно скромный и даже временами застенчивый молодой человек обязан исключительно матери, её влиянию и положению. Те, у кого язык был погрознее, распускали и более мерзкие слухи, памятуя о его приятной, несколько девичьей наружности и о том, что он никогда не был замечен в волокитстве за сколько-нибудь известными в свете красавицами и актрисами. Правде же верили немногие. А она заключалась в том, что судьба вознесла его высоко по необъяснимой прихоти и воле императора Павла, которому он понравился ещё и потому, что весьма спокойно реагировал на его вспышки гнева, строгие ноты в голосе, не бледнел и не краснел, не терялся и всегда сохранял хладнокровие. Такова была его судьба – прийти к власти очень рано. И, надо сказать, надолго.

Впрочем, и мать Кристофа, Шарлотта Карловна, тоже сделалась воспитанницей царских детей и практически членом императорского семейства весьма неожиданно для себя, возвысив тем самым очень древний, но значительно обедневший род своего покойного супруга. Чтобы объяснить, как это произошло, нужно вернуться в 1783 год, когда в дверь скромного небольшого особняка на Купеческой улице Риги постучался один богато одетый господин...

ГЛАВА 3

Рига, апрель 1783 года

Небо над рижскими шпилями хмурилось, обещая зябкую морось. Гражданский губернатор Лифляндии граф Георг Браун, родом из ирландских наёмников на русской службе, был совсем не рад, что решил нанести визит к Frau Generalin баронессе фон Ливен сам, а не вызвать её к себе. Предместье бедное и пользующееся дурной славой, его карета обратила на себя внимание каких-то негодников, чуть не выбивших камнями окна. В такую мерзопакостную погоду даже выезжать никуда не надо было – опять разболются кости... Но приказ Государыни есть приказ Государыни. Его надо было выполнять. “Господин Браун, вы всегда присылаете мне из Риги лучшие апельсины, и я привыкла доверять вашему вкусу и суждению. Поэтому прошу вас подобрать из числа ваших горожанок умную и добродетельную особу, которой я могла бы поручить воспитание своих внучек”, – написала она ему.

В добродетельных особах здесь недостатка не было, но Браун первым делом вспомнил о госпоже фон Ливен, недавно приславшей ему просьбу открыть пансион для девочек из купечества. Высокая, статная, когда-то очень красивая женщина средних лет держалась перед губернатором с воистину королевским достоинством, несмотря на несколько вылинявшее платье, фасон которого устарел лет на 10, стоптанные башмаки и аккуратно чиненные перчатки, указывающие на явную стесненность в средствах. И прошение подала молча, несколько скованно – сразу видно, что делала это впервые.

Потом Браун навёл справки о ней. По мужу Шарлотта-Мargarита фон Ливен принадлежала к роду когда-то славному, лучшему в Курляндии, но растерявшему все принадлежавшие ему земли после присоединения Ливонии к России. Сама она родилась в семье мелкопоместных эстляндских дворян фон Гаугребенов, из “лесных жителей”, как говорят здесь, по образу жизни мало чем отличающихся от крестьян.

Отто-Генрих-Андреас фон Ливен, генерал-майор артиллерии и киевский военный губернатор, умер 2 года назад, довольно неожиданно, не оставив ни жене, ни детям, которых у него родилось шестеро, почти никаких средств. Похоронив мужа в Малороссии и потратив на его похороны половину скромных сбережений, женщина с детьми выехала на родину, в Остзейский край, где и жила поныне, едва сводя концы с концами. Такую историю баронесса поведала в своём прошении, упомянув, что пансион поможет ей заработать средства на приданое дочерям и на образование сыновьям. Тут как раз пришло письмо от императрицы Екатерины, и фон Браун подумал, что неплохо бы дать этой достойной женщине шанс устроить свою жизнь и будущее её многочисленных детей. Сейчас, стучась в довольно обшарпанную дверь, губернатор Риги был уверен, что баронесса фон Ливен немедленно уцепится за его предложение.

...Дверь открыла девушка-подросток, высокая, в одежде, какую обычно носят служанки, со светлой пушистой косой чуть ли не до пояса. Наверное, горничная, – догадался Браун.

– Милая, позови свою госпожу, – обратился он к ней. – Скажи, что я губернатор и хочу с ней поговорить по поводу её прошения.

– Вы говорите про Mutti? Проходите, располагайтесь, она в саду, сейчас я её позову, – проговорила девушка, слегка вспыхнув. Губернатор тоже засмутился – так он принял барышню за служанку? Какой конфуз!

– Простите, fraulein... – обратился он к ней. – Как ваше имя?

– Минна... То есть, Вильгельмина Мария Магдалена фон Ливен, – отвечала юная особа и даже попробовала поклониться. А потом она убежала в сад, где Mutti с помощью младших мальчиков рубила капусту. Минна впервые за всю жизнь устыдилась собственной бедности, которую мама всегда называла “честной”. Неудивительно, что этот важный господин принял

её за служанку – ведь руки у Минны все в цыпках от того, что она стирает на всю семью – прачку Мартину продали 3 месяца назад, чтобы было на что запастись дровами на зиму.

Мать её копалась в огороде, обутая в деревянные крестьянские башмаки. Подол её всегдашнего чёрного платья был обвязан под коленями. Когда дочь сообщила ей о прибытии Брауна, она всполошилась – нужно хоть как-то привести себя в порядок. Неужели на её просьбу последовал положительный ответ? Но раз так, то почему её не вызвали к губернатору письмом и что он делает здесь? Она критическим взором оглядела себя, сыновей и старшую дочь. Вспомнила, что в гостиной пол сегодня еще не метён. И к кофе предложить нечего, и то, кофе у них только цикориевый, а на обед будет одна тушёная капуста с луком...

– Минна, одень воскресное. Отведи Кристхена и Ганса наверх, проследи, чтобы они умылись, и поищи им чистые рубашки. А Грете скажи, чтобы она собрала что-нибудь на стол, – не растерялась фрау Шарлотта и быстрым шагом пошла в дом, в свою тесную спальню, где наскоро умылась, быстро причесалась и переделалась в своё лучшее тёмно-серое платье с белым воротником.

... – Чем имею честь, Excellenz? – спросила баронесса, после того, как Браун наскоро поцеловал ей руку. – Право слово, прошу меня извинить, таковы наши обстоятельства...

– Я вижу, баронесса, – сочувственно произнёс Браун, оглядывая скромную обстановку домика, изразцовую печку, простую деревянную мебель, вытертую обивку дивана, старые часы на каминной полке, чуть поёживаясь от сырого холода – когда дома никого не было, в гостиной не топили, чтобы дрова не расходовать зря. – И несколько в этом вас не виню. Мой визит действительно стал неожиданностью. Недавно со мной связалась наша государыня Екатерина Алексеевна. Ей требуется наставница для великих княжон и она поручила мне задачу найти её среди рижских дворянок. Мой выбор пал на вас. Видя, как вы и в трудных обстоятельствах жизни не теряете своего достоинства, я подумал, что Её Величество будет от вас в восторге...

Фрау Шарлотта не изменилась в лице. Никакой радости, никакого изумления, лишь ледяное спокойствие. Она молчала, а Браун продолжал:

– Ведь это прекрасная возможность обеспечить будущее вашим детям... Насколько я знаю, у вас их шестеро?

– Да, Excellenz, четыре сына и две дочери, – отвечала женщина.

– И каково их будущее, вы об этом думали? – спросил губернатор испытующе.

Тут он увидел трёх мальчишек, входивших в комнату – одного постарше, двум другим – меньше десяти лет. Хорошенькие мальчишки, с длинными светлыми локонами, похожие на пасхальных ангелочков, только очень худенькие. В приличных, хоть и штопанных костюмчиках, но босые. Увидев его, они нестройно поклонились.

– Это ваши сыновья, Frau Generalin? – немедленно продолжал он.

– Да, Excellenz, старший Фридрих, потом Кристоф и Иоганн, – отвечала Шарлотта, опять смутившись. Её выручила Минна, которая, что-то проговорив, увела наверх всех мальчиков, кроме Фрицхена, который убежал на улицу.

– Есть ещё Карл, старший. После смерти моего мужа он остался за старшего, – продолжала женщина. – Нынче он в отъезде, в Грушене – это наше имение в Курляндии. Я поручила подготовить ему землю к продаже. Надеюсь, покупатели найдутся быстро и это поможет нам пережить следующую зиму.

– Насколько я знаю, все ваши сыновья записаны в армию в разных чинах? – продолжал фон Браун сочувственно.

– Да, Ваше Превосходительство. Но я не знаю, смогут ли они начать служить, – вздохнула баронесса. – Я боюсь, что не хватит денег на обмундирование, ведь, как мне говорили, это стоит немалых денег.

– Если вы примете моё предложение, то вполне вероятно, что все они будут устроены в Гвардию. А ваши дочки найдут хорошие партии среди петербургской знати. – он улыбнулся хитро.

– Я не могу вам дать ответ сразу, – к Шарлотте сразу же вернулась твёрдость. – Я надеюсь заработать честным трудом...

– А разве воспитывать детей великого князя Павла – это нечестный труд? – возразил Браун, искренне не понимавший, почему эта дама не отвечает сразу “да”, как сделала бы на её месте любая другая, пусть даже более обеспеченная особа. – Видя, насколько воспитаны ваши собственные дети, я думаю, что вы и чужих детей сможете воспитать так же.

– Боюсь, из меня выйдет неважная гувернантка. Я же совсем не учёная. Я не знаю французского, – грустно улыбнулась женщина, и Браун заметил, что она была не так уж стара – просто жизненные испытания и невзрачный наряд её заметно состарили, и глаза у неё всё ещё красивые – серо-голубые, обрамлённые длинными, загнутыми вверх ресницами, и руки, несмотря на то, что жестки и красны от физической работы, всё ещё выдают её благородное происхождение длиной тонких пальцев и формой ногтей, и фигура у неё подтянута и стройна. Если одеть её в придворное платье, красиво убрать волосы, сняв этот дурацкий чепец – будет очень хороша... Ей ведь ещё нет и сорока.

– Ах, об этом не беспокойтесь. У них будут учителя, – усмехнулся губернатор. – Вам нужно сформировать их характеры, внушить им добродетели, которыми вы сами обладаете... И, – он перешёл на шёпот. – Не забывайте о себе и своей семье. У вас дома так холодно, а дети бегают босиком.

– Увы, – проговорила фрау Шарлотта. – Но обувь нынче стоит так дорого, а мальчики очень быстро вырастают из всего...

– Соглашайтесь, и вы очень скоро сможете купить им сколько угодно башмаков, – проговорил он.

Она вновь замолчала. Задумалась. В словах фон Брауна был свой резон. Они с Карлом продадут это имение – и что? Земля в Западной Курляндии стоит не очень много, Грушен находится в топком месте и людей там почти нет – все переселились ещё пятнадцать лет назад. Они просто проедят эти деньги, а если дети вновь заболеют заразной болезнью, как в прошлом году, и придётся платить доктору? А если с ней самой что-нибудь случится, неужели им всем одна дорога – в приют?

Уже два года фон Ливены живут одним днём. Но долго это не может продолжаться. Старшему сыну Шарлотты 16 лет, он умница, совсем уже взрослый, её главная надежда и опора, – но в его возрасте многие юноши уже начинают делать карьеру, а денег ему не хватает даже на скромную экипировку. Неужели отдать его в богословскую школу, как он уже предлагал ей? “Духовное звание – это верный кусок хлеба, а офицеры получают совсем немного жалованья”, – говорил он рассудительно, она поначалу резко возражала против этой идеи, но недавно всё чаще начала приходить к мысли, что сын прав. А прочие мальчики? Им нужно учиться, продолжить начатое в Киеве образование, но на какие деньги? С девочками ещё грустнее. Минна хороша собой, в апреле ей уже исполнится пятнадцать, но такая жизнь быстро испортит её внешность и вряд ли ей повезёт так же, как повезло в своё время её матери, нашедшей мужа, никуда не выезжая с мызы (которую было бы правильнее назвать хутором) и не имея никакого приданого, кроме того, что сшила своими руками. Катарина ещё маленькая, хрупкая девочка, вечно страдает грудью (вот и сейчас лежала больная), доктор давеча говорил, что ей не подходит здешний климат и может случиться чахотка, но нет денег вывезти её на юг. И на хорошее питание тоже нет, мясо они практически не едят, молоко стоит недёшево, так что дети её явно недоедают – вот и болеют так часто, и фрау Шарлотта, в очередной раз платя в аптеке за дорогую микстуру или толкаясь на рынке вместе с единственной своей служанкой за костями к бульону, всё чаще ловила себя на мысли, что если кто-нибудь из них умрёт, то она вместе

с печалью испытает ещё и облегчение – меньше денег будет уходить, – и поражалась своей чѣрствости, которая никогда ей прежде не была свойственна.

Фрау Шарлотта, конечно же, часто задумывалась, как поправить свое положение. Можно занимать деньги, но с чего отдавать? Пенсия мужа копеечная, хватает только на самую скромную провизию. Просить она не умела и не могла – так её воспитали, отец повторял ей всегда: “Никогда ни у кого ничего не проси, Лотта”. Родня мужа сама бедствовала, тоже была многодетна, и на неё рассчитывать не следовало. У самой Шарлотты родственников почти не осталось. Оставалось лишь молиться Богу. И думать, как заработать деньги самим. Катарина, её младшая дочь, оказалась талантливой вышивальщицей, и фрау Шарлотта думала продавать её работы за сдельную цену. Кроме того, недавно баронессе пришла в голову идея с пансионом для купеческих девиц. Но и для её воплощения в жизнь нужны деньги, равно как и на материалы для вышивания, которым они надеялись заработать... И тут ей предлагают, практически ни с того, ни с сего, столь высокую должность – не Божье ли это чудо? Но что-то мешало ей согласиться с лёгким сердцем на предложение губернатора. Виделся в этом какой-то подвох. И нравы при Дворе её пугали – даже в Ригу проникали определённые слухи о поведении государыни, о том, какие скандалы там случаются, сколько неприкрытой мерзости и разврата творится в Петербурге, в ближайшем окружении императрицы. Если она переедет туда, то кто может поручиться, что её дети не подвергнутся дурному влиянию в незнакомой обстановке? Однако их будущее в Риге было ещё мрачнее...

– Excellenz, – наконец проговорила баронесса. – Я думаю, что недостойна этой милости. Я прошу дать мне возможность зарабатывать своим трудом. Мои дети мне в этом помогут.

Фон Браун уже потерял терпение. Какая строптивая дама! Эти остзейцы все поголовно упрямы как ослы, но эта женщина – особый экземпляр. Даже очевидные факты её не останавливают.

– Фрау баронесса, – начал он. – Вспомните, что вы дворянка. Вспомните, кем был ваш супруг и каков его род. Я предлагаю вам послужить русскому Двору, поэтому и отказываюсь давать вам разрешение на открытие этого пансиона или что вы хотели открыть? Я даю возможность вашим детям сделать карьеру и вести тот образ жизни, который предполагает их происхождение. Ваши сыновья должны служить России в рядах её армии. Вашим дочерям следует выйти замуж за благородных и состоятельных людей. Последний раз спрашиваю – вы поедете в Петербург или нет?

Призыв к дворянской чести возымел на фрау Шарлотту действие. Она кивнула головой. На этом разговор был окончен. Дети его слышали и долго ещё обсуждали, что и как они будут делать в Петербурге. Минна долго вертелась перед выщербленным старым зеркалом, растопыривая полы своего скромного ситцевого платьишка, пытаясь взбить волосы в высокую причёску, как видела где-то на картинке.

– Кого ты из себя изображаешь? – окликнул её старший брат, вернувшийся уже поздно, когда Mutti пошла спать, а Минхен не без труда уложила в постель младших мальчишек, весьма взбудораженных как визитом губернатора, так и перспективой поездки в столицу.

– Знатную фройляйн, вот кого. Ты что, не слышал, что мы поедем в Петербург? Приезжал губернатор Браун. Правда, мама не хочет... Она думает, – и Минхен пересказала то, что подслушала из разговора Mutti с Гретой. – Что вы начнёте играть в карты и пьянствовать, особенно Фрицхен, потому что он озорник, а нас с Катхен соблазнят местные гвардейцы, увезут и лишат чести. Потому что русские развратны, а их царица развратна больше их всех.

– Если кто-нибудь попробует тебя там пальцем тронуть, я ему этот палец отрежу, – и брат посмотрел на неё жестко, и Минна поняла – он не шутит.

... Через два дня Шарлотта фон Ливен уже ехала в Петербург со своей верной служанкой Гретой. В приёмной императрицы её поразила сказочная роскошь, множество слуг – такого

баронесса фон Ливен никогда в жизни не видела, но глаза у неё не загорелись ни при виде лакеев в пудрёных париках, ни когда её проводили в комнату с бархатными портьерами и шёлковыми экранами, сказав, что ей нужно здесь подождать. Грета выступала в роли её компаньонки, её тоже одели в “господское” – по какой-то случайности, наверное.

– Вот красота-то такая! – воскликнула наивная латышка, которая вообще даже представить не могла себе, что хоть раз в жизни окажется в окружении такого великолепия. – Представьте, как мы теперь заживём!

– Не обольщайся, Маргарита, – оборвала её госпожа. – При первой же возможности я откажусь. И даже буду рада, если Её Величеству я окажусь неугодна и она возьмёт другую гувернантку.

– Как же, фрау Шарлотта... – заговорила женщина.

– Маргарита. Ты не знаешь, какие здесь нравы. Здесь же сплошные интриги и зависть. Я не говорю о разврате. И императрица подаёт своим образом жизни, распущенностью, ненасытностью и вседозволенностью самый печальный пример. Мне нужно будет воспитывать великих княжон добродетельными, порядочными, честными особами, но боюсь, что пример их бабки в конце концов сведёт все мои усилия на “нет”.

– Спасибо вам за откровенность, – проговорил женский голос по-немецки. Из-за ширмы вышла дама, лицо которой обе женщины смутно знали по портретам. У женщины были дьявольски-умные светло-серые глаза, она была уже совсем немолода, довольно тучна, но черты её лица не расплылись и сохраняли свою правильность.

– Ваш-ше Величество... – фрау Шарлотта заговорила по-русски с ужасным остзейским выговором, заметно волнуясь. – Простите, Ваше Величество.

– Госпожа фон Ливен, вы именно та женщина, которая мне нужна, – невозмутимо продолжала повелительница четвёртой части суши. – Того разврата, о котором вы говорили, ни вы, ни ваши дети никогда не увидите. Что касается моих внучек, то я уверена, что вы вырастите их по своему образу и подобию.

Фрау Шарлотте-Маргарите-Катарине фон Ливен ничего не оставалось, кроме как поклониться низко и принять царскую милость. Так решила её судьба на оставшиеся 40 лет её жизни. А вместе с ней – судьба её шестерых детей, сыновей Карла, Фридриха, Кристофа и Иоганна и дочерей Вильгельмины и Катарины.

С её детей сняли мерки, одели их с ног до головы, надарили девочкам кучу кукол, а мальчикам – целые гарнизоны солдатиков и целый арсенал игрушечного оружия (хоть каждый из них давно уже умел управляться с настоящим), до отвала закармливали никогда не виданными ими конфетами, фруктами и сладостями и повезли в столицу Российской империи.

Так фон Ливены стали важны, богаты и знатны и быстро забыли о своей бедности, особенно младшие дети, которые вспоминали из этих двух лет только жизнь в деревне, охоту и рыбалку, но не лишения и унижения, связанные с безденежьем.

Карл поступил в полк поручиком, был назначен адъютантом к светлейшему князю Потёмкину, отправлен на юг страны и оказался очень талантливым офицером. Особенно он отличился во время взятия Варшавы в 1794 году, получив за решительную атаку против мятежников золотое оружие. Братья его делали успехи несколько поскромнее, но тоже честно воевали в горячих точках того времени. Что касается девочек, то Минна вышла замуж за своего кузена по линии матери, барона Георга фон Поссе и отправилась жить в Курляндию. Катарина же сделала великолепную партию, став женой младшего сына известного рижского богача, барона Фитингофа, которого Екатерина Вторая звала “королём Лифляндии”, ибо выросла в настоящую красавицу, а положение её матери сделало “вторую ливеновскую девочку” завидной невестой.

А их мать искренне любила своих воспитанниц. Девочки были совсем разные – покладистая красавица Александра, мечтательная и нежная Елена, капризная Мария, получившая

от бабушки прозвище “маленький драгун”, шустрая проказница Екатерина и тихая малышка Анна. К Шарлотте Карловне тянулись и великие княгини, жёны Александра и Константина Павловичей, оторванные в очень юном возрасте от своей родины и привычной среды. Судьбы воспитанниц стали для скромной рижской дворянки не менее близки, чем судьбы собственных детей, которые естественным образом отдалялись от неё по мере взросления, особенно мальчики. Екатерина Алексеевна её очень уважала, так же, как и Мария Фёдоровна, которая сделала её своей близкой подругой, называла на “ты” и “Лоттой”. Павел Первый прислушивался к её мнению. Вознаграждался труд императорской гувернантки весьма щедро – все обещания Брауна были исполнены в точности и даже умножены сторицей. Так, баронесса фон Ливен с нисходящим потомством была сделана графиней; ей дали Екатерининскую ленту, звание статс-дамы, несколько имений в Остзейском крае, а также в Ярославской и Саратовской губернии, богатую ренту в Малороссии, и это не считая бриллиантовых перстней, драгоценных браслетов и медальонов, денежных подарков. Но она всегда помнила, кем была до 1783 года, когда перебивалась с хлеба на воду вместе с детьми; и кем была до 1766 года, когда её взял в жёны один проезжий полковник, какой-то знакомый её отца, и увёз в Киев, по месту своей службы. Поэтому по мере сил эта почтенная дама помогала бедным и незнатным своим соотечественникам “выйти в люди”.

Такова была история возвышения семьи, в которую суждено было войти Доротее фон Бенкендорф, 14-летней протеже императрицы Марии Фёдоровны, сочетавшись браком с третьим сыном фрау Шарлотты.

ГЛАВА 4

Санкт-Петербург, август 1799 года

Медленный августовский закат оставлял на матово-розовом небосклоне размытые сиреневые полосы. За столом на веранде загородного дома, который нанимала на Петербургской стороне княгиня Войцеховская, сидело четверо – сама княгиня, дама когда-то весьма привлекательная, но ныне исхудавшая и пожелтевшая до невозможности, в траурном платье с белой кружевной отделкой, её младший брат Адам – очень красивый черноволосый молодой человек, её второй брат Константин, не похожий на них всех, изящных и тонкокостных брюнетов, тем, что был довольно дородным шатеном с каре-зелёными светлыми глазами, и княжна Анжелика Войцеховская, двенадцатилетняя тоненькая девочка, только-только начавшая превращаться в девушку. Вечер был душный, жужжали комары. За столом говорили по-польски.

– Анеля, иди спать, – приказала княжне её мать своим обыкновенным, вялым и безразличным тоном, которым всегда говорила с дочерью.

– Нет, пусть остаётся, – возразил Адам. Заходящее солнце отражалось в его глазах, делая их огненными. Анж неоднократно замечала этот отблеск пламени в его глазах и иногда боялась своего дядю из-за этого. Если бы он не был к ней всегда добр, добрее, чем её мать, то она считала его злым колдуном.

– Что она может знать? – Константин поддержал сестру, он всегда её поддерживал.

– Она её видела, – проговорил Адам. – Опиши, какова она. – и старший князь выжидательно посмотрел на племянницу.

– Во-первых, она брюнетка... – начала девочка не спеша, радуясь, что оказалась в центре внимания.

Взрослые переглянулись.

– На это наверняка уже обратили внимание, – произнесла Анна. – Они же оба светловолосые.

– Да, обратили, – вставила Анжелика, прекрасно понимающая, о чём идёт речь.

– Кто? Царь? – спросил Адам, нахмурившись.

– Он-то обрадовался, что у них наконец кто-то родился. Это всё его жёнушка. Елизавету она не любила никогда, – отвечал за девочку её младший дядя. – Вот и воспользовалась случаем... А так как тебя видели с Lise чаще всего, то никто не сомневается, в кого девчушка пошла мастью, – и Константин усмехнулся криво. Старшего брата он никогда особо не любил. Всю жизнь, сколько бы он ни помнил себя, младшего князя Чарторыйского сравнивали с Адамом не в его, Константина, пользу. И нынче, когда оба стали взрослыми, он никогда не упускал случая поддеть “нашего книжника и фарисея”, как он звал старшего брата.

– Так Александр её признал? – уточнил Чарторыйский-старший.

Анна кивнула.

– Какое благородство, надо же. Они оба такие благородные, – проговорил он, горько улыбнувшись. – Признаться, меня иногда тошнит от их великодушия. Оказали милость несчастному пленному и заслужили место на небесах...

– Адам! – одёрнула его сестра. – Подумай об Анеле. Мы и так уже...

– А пусть знает, – глаза его сверкнули, свечи на столе разгорелись ярче. – Ей тоже полезно знать, чего стоит благородство москальских государей.

– Интересно, что твой принц запел, если бы родился мальчишка, – спокойно проговорил Константин, видя, как мрачнеет лицом его сестра.

– Сделал бы то же самое, не сомневаюсь, – отвечал его старший брат, наливая себе ещё вина.

– И на русский престол бы сели *Чарторыйские*? – продолжал Константин. – Да ты этого хотел, Жорж Данден, я знаю, как ты обрадовался, когда пришли вести о беременности Элизы. И мама наша была вне себя от радости.

– Но что мы будем делать сейчас, вот в чём вопрос, – произнесла Анна, прервав младшего брата. – Государь уже всё знает. Когда твою дочь понесли крестить, то царь, поглядев на неё – а она очень похожа на нас всех, это уже заметно, – спросил у статс-дамы, державшей младенца на руках: “Сударыня, возможно ли, чтобы у отца-блондина и матери-блондинки родился чёрненький ребёнок?” Принц и принцесса побледнели, как полотно. А эта статс-дама – совсем не дура, хоть и чухонка, – отвечала: “Государь, Господь всемогущ”.

– “Господь всемогущ”... – повторил Адам, пробарабанив по столу своими тонкими пальцами некую мелодию. – В самом деле. Мать мне в Пулавах говорила, что ребёнка могут убить... И, знаете, я склонен ей верить.

– Нашей матери всё время мерещится самое страшное, – усмехнулась Анна. – Она всех мерит по себе.

– Замолчи! – Адам сжал пальцы в кулак и со всей силой ударил о стол.

– Что, думаешь, я не права? – Анна совсем не боялась гнева брата, а вот Анеля слегка испугалась и отодвинулась от старшего князя куда подальше.

– Хватит об этом, – твёрдо проговорил Адам.

Его часто злила собственная семья, “*Familia*”, как говорили в Речи Посполитой. Вся семья, кроме Анели, этой милой девочки, понимающей его с полуслова и, несмотря на юный возраст, никогда не говорящей глупости. Он произнес:

– Великую княжну нужно как-то вывезти в Польшу. И чем быстрее, тем лучше. Всё осложняется тем, что её признали дочерью Александра.

– Ты опять опоздал, – сказал насмешливо Константин. – Почему ты всегда опаздываешь?

– Тебе лучше вообще молчать об этом, Адам, – быстро, скороговоркой продолжала Анна. – Ты представляешь, что этот безумный может сделать с тобой? Со всеми нами? Я боюсь, он уже догадался...

– С каких это пор ты всё время всего боишься, Анна-Мария? – нехорошо улыбаясь, произнёс Адам. – Я помню тебя совсем другой, не такой трусливой курицей... Стыдись. У тебя растут дети, какой пример они почерпнут от тебя?

Анна вскричала: “Довольно!”, резко встала из-за стола и прошла к себе наверх, громко топая каблуками. Анжелика усмехнулась. Она тоже считала свою мать “трусливой курицей”. Адам всегда говорил ей, что та была смелой, дерзкой, решительной и сильной до того, как в хмурый ноябрьский день слуги принесли в Голубой дворец на Староместской изъеденный бродячими псами до неузнаваемости труп Анжеликиного отца, князя Станислава-Юзефа Войцеховского, с табличкой “Предатель”, прибитой гвоздями к груди. С тех пор Анна стала другой. И вообще всё пошло наперекосяк. Анж тогда было всего семь, она мало что помнит. Мама до безумия любила её братьев, особенно противного Анжея, постоянно задиравшего сестру, а с Анжеликой если и общалась, то всегда бесцветным, равнодушным голосом, не глядя ей в глаза. Слава Богу, остальные члены семьи её любили гораздо больше матери, особенно бабушка и старший дядя. Иначе бы она с ума сошла.

– Зачем ты так? – вскинулся Константин после ухода сестры. – Ты что, как будто не знаешь, что она пережила, да?

– Брат. – спокойно произнёс Адам. – Я сидел в Брюссельском тюремном замке на хлебе и воде. Меня пырнули ножом в живот у себя на Родине и я чуть было не разделил участь несчастного Стася. Я сражался под москальскими пулями в Девяносто втором. И, наконец, мы с тобой пять лет живём вдали от родной Польши, униженной и растоптанной русскими сапогами. Но я не превратился в истеричную бабёнку. Как и ты, кстати.

– Она женщина, Адам, – тихо проговорил Константин. – Она мать.

– Она *Чарторьская*, – произнёс его старший брат, и потом обратился к Анжелике:

– Ты тоже *Чарторьская*.

– Я Войцеховская, дядя, – возразила Анж, пристально глядя на него.

– Всё равно. Мы одна семья. *Familia*.

– Что мы будем делать с твоей бастардкой, Адам? – продолжал Константин. – Можно попросить аудиенции с государём... Пусть мать приедет, она умеет говорить даже с настоящими бесноватыми и кликушами. Убедим их всех, что девочка не имеет никакого права зваться великой княжной, Александр пусть откажется от неё...

– Константин, хватит. – оборвал его Адам. – На престол эта девчонка всё равно не сядет. Ни на наш, ни на русский. Мы можем подождать, пока она вырастет, а там решим, что с ней делать дальше.

– Брат мой, ты что, совсем не понимаешь? – вспыхнул младший из Чарторьских. – Ей не дадут вырасти! Просто не дадут!

Адам равнодушно пожал плечами.

– Господь всемогущ, – как-то невпопад проговорил он, глядя на синий сумрак неба.

– Если тебе не жаль Элизы и этой крошки, то подумай о том, *что* мы упускаем... Мать тебе никогда не простит того, что ты не воспользовался шансом, – продолжал Константин. – Ведь она всегда говорила, что нам нужна *кровь королей* в роду.

– Да, родив тебя, меня и сестёр непонятно от кого, – холодно возразил Адам. – Из её многочисленных любовников королём был только один. И тот – Понятовский.

Константин покосился на Анжелику. Он считал её совсем ребёнком и стыдился того, что в её присутствии они обсуждают других взрослых. Так не делается.

– Ты хотя бы об Анельке подумал, – тихо и серьёзно произнёс Константин. – Говоришь такие вещи в её присутствии.

– Если бы в мои двенадцать лет кто-нибудь говорил при мне такие вещи, я не надеялся столько глупостей, – вздохнул Адам. – Так что пусть слушает. Что касается упущенного шанса..., – он посмотрел на племянницу оценивающим, пристальным взглядом. – Я думаю, мать прекрасно понимает, *что* вырастет из нашей с тобой юной родственницы.

– Что из меня вырастет, дядя? – подала голос юная княжна.

– Красавица, перед ногами которой будет лежать целый мир. Все короли. Все императоры. Даже сам Папа Римский, – без улыбки сказал Адам Чарторьский. – А сейчас, действительно, тебе пора уже спать.

Анжелика, пожелав всем *bon nuit*, ушла к себе наверх.

...На следующий день она узнала, что её дядю отправили послом в Сардинию. Сардинского королевства уже не существовало, король кочевал по всему Аппенинскому полуострову, и назначение князя Адама казалось всему свету мягким вариантом опалы. Зная это и испугавшись, что опала может распространиться и на неё, Анна Войцеховская уехала с дочерью и младшим братом Константином к матери в Польшу. И больше не появлялась в Петербурге, пока Адам не вернулся из Италии, что произошло ещё очень нескоро.

Павловск, июль 1800 года.

В Павловском дворце, в синей комнате императрицы Марии Фёдоровны, часы пробили полдень. Чай давно остыл, но ни сама государыня, ни богато одетая дама, сидящая напротив неё, не притрагивались ни к чашкам, ни к угощению. Они смотрели друг на друга, не решаясь сказать ни слова. Одной было стыдно, другая находилась в настоящем шоке от услышанного только что. Наконец, молчание было разбавлено самой императрицей.

– Пойми, Шарлотта. Это нужно сделать. Чтобы не было скандала в семье, – государыня Мария Фёдоровна сама не понимала, почему не может просто взять и приказать своей верной служанке, наставнице её девочек, сделать то, что сделать могла только она, графиня Ливен.

– Ваше Величество. Вы уверены, что именно это необходимо? – уточнила женщина, слегка побледневшая лицом, когда узнала, что ей придётся сделать. За 17 лет она привыкла себя считать преданной слугой Российской короны, готовой ради своих венценосных благодетелей на что угодно. Чувство это не диктовалось исключительно благодарностью за все те милости, которые были оказаны ей и её детям, за высокое положение, которое полунищная остзейская баронесса нынче занимала в свете. Нет, в глубине души она считала всех их – её многочисленных подопечных, Марию Фёдоровну и даже Павла Петровича – кем-то вроде своих родственников, своей семьи. И любила их так же, как любят родственников – безусловно. Но сейчас её царственная подруга заставляет пойти Шарлотту на то, что она, как мать, бабушка, да и как просто честная христианка, пойти не может ни в жизнь.

– Лотта. Когда она вырастет, будет слишком поздно, – Мария Фёдоровна старалась не глядеть в стальные глаза графини. – И потом, они, эти поляки, смогут воспользоваться моментом.

– Я не понимаю, – тихо проговорила Шарлотта. – Её уже признали великой княжной, дочерью Александра Павловича.

– Признать-то признали, – жестоко улыбаясь, возразила её повелительница. – Но от этого кровь её чище не станет. И, Лотта, я не понимаю, почему ты так упорствуешь. Ты до сего момента служила нам верно и делала всё, что я тебе поручала...

– А я не понимаю, Ваше Величество, – твёрдо произнесла графиня, выпрямляясь во весь свой высокий рост. – Как вы можете так хладнокровно говорить об убийстве маленького ребёнка? И поручать его мне, той, которая вырастила ваших дочерей?

– Представь, Лотта, – прошептала государыня, решив применить другую тактику уговора – переход на личности. – Твоя невестка рождает ребёнка, который совсем не похож на твоего сына. Что бы ты тогда стала делать?

– Если мой сын признал этого ребёнка, то о чём тут можно говорить? Это его ребёнок, и точка, – невозмутимо проговорила немолодая женщина. – Остальное – пусть будет на совести его жены.

– Но ты же будешь знать, что в жилах этого ублюдка не течёт кровь Ливенов, да? – продолжала императрица.

– Дети не отвечают за грехи и проступки родителей. – не сдавалась фрау Шарлотта.

– Милая моя. Здесь речь идёт о деле государственной важности. Сделай это... Ради нас всех. Ради наших девочек. Ради Никса с Мишелем, – императрица была отличной актрисой, поэтому решила изображать несчастную жертву обстоятельств – возможно, хоть так можно достучаться до этой железной женщины?

– Ваше Величество, – произнесла графиня после нескольких минут тягостного молчания. – Неужели в вашем окружении не нашлось кого-то более жестокосердного, чем я? Я женщина. Я сама мать. Никогда в жизни я не марала свои руки в крови, тем более, в крови невинных младенцев. Если вам нужно так избавиться от несчастной Марии Александровны, выберите другого исполнителя. Клянусь – вашу тайну я сохраню.

– Нет, Лотта. Я долго думала и решила, – это должна быть ты, – покачала головой императрица. – Ты нам практически как член семьи. Ты точно будешь молчать. И на тебя никто никогда не подумает. Я доверяю тебе, как самой себе.

– Я отказываюсь, государыня. Это моё последнее слово, – и графиня, церемонно поклонившись, отправилась к двери.

Но императрица настигла её, схватила под локоть и прошептала прямо в ухо:

– Убийство – значит, тяжкий грех, а гордыня – не грех вовсе? Что-то ты загордилась, как погляжу. Кем ты себя возомнила? Да одно моё слово – и вы все полетите в то же болото, откуда вылезли! Так и сгниёте там, обещаю.

“Она говорит прямо как её муж”, – усмехнулась про себя невозмутимая фрау Шарлотта, в своей жизни слышавшая и не такое в свой адрес. Но, в отличие от Павла Первого, императрица была не из тех, кто легко меняет гнев на милость. Её слова не похожи на пустые обещания хотя бы тем, что обычно Мария Фёдоровна так никогда не выражалась и напрямую не демонстрировала своё неудовольствие. Ладно, если отстранят её; девочки будут очень скучать, но что поделать, если ваша мама хочет убить вашу грудную племянницу, а ваша гувернантка не пожелала брать такой грех на душу. А если это распространится на её сыновей? Или на семьи её дочерей? Графине надо было думать не только о себе. От неё зависело благополучие целого клана.

– Если вы заговорили так, Ваше Величество, то что мне ещё остаётся делать? – фрау Шарлотта аккуратно сняла пухлую руку императрицы со своего плеча. – Вы здесь хозяйка. Вы всем распоряжаетесь.

– Так ты согласна? Отлично, – государыня быстро достала из кармана своего коричневого шёлкового платья флакончик с опиумом. – Вот. Добавь это в молоко, которым её кормят. Девчонка заснёт и никогда уже не проснётся.

– Это подозрительно, – тихо проговорила Шарлотта Карловна. – Если будут делать вскрытие...

– Не будут. Я об этом позабочусь, – уверенно отвечала Мария Фёдоровна. – А что касается смерти... Ты же сама мать, ты знаешь, как часто и внезапно заболевают дети такого возраста.

Она положила флакон с ядом в карман платья своей приятельницы.

– Именно потому, что я мать и должна думать о своих детях, я иду на этот грех. – проговорила фрау Шарлотта. И вышла из комнаты без всякого ритуального поклона.

“Как она додумалась до такого”, – думала графиня. – “Как у неё мысль такая в голову пришла?” Раньше она никогда бы не предположила, что добрейшая Мария Фёдоровна, казавшаяся ей всегда чуть наивной и глуповатой, сможет придумать целый план по убийству несчастного младенца, виноватого лишь в том, что его зачал некий поляк, а не цесаревич? Ведь можно было найти тысячу способов, как выкрутиться из этой ситуации без всякой крови. Ведь родилась девочка, а не мальчик, поэтому вопрос престолонаследия тут не затронут. “Но зная, как вольно русские обходят этот вопрос, неудивительно, что государыня решила на самые радикальные меры”, – подумала Шарлотта, горестно вздохнув. Что за страна, в которой довелось жить ей и её детям?! Никаких законов, один произвол. Нет, с самого начала не надо было соглашаться на предложение Брауна. Как-нибудь всё бы образовалось, они бы нашли средства на жизнь... А сейчас – да, она особа, приближенная к государям, но они приказывают её делать вещи, против которых протестует совесть; её сын Кристоф, нынче первый военный советник императора, вынужден подписывать указы, отправляющие людей в Сибирь или в крепости за самую безделицу, разрушающие карьеры и даже жизни... Но пути назад нет. Да, Ливены слишком привыкли *властвовать*. Привыкли к богатству, к определённом образу жизни. Терять то, что они нажили за 17 лет, будет слишком болезненно.

В самый последний момент у женщины родилась надежда, что яд не сработает, ведь она намеренно капнула чуть-чуть, две капельки. Она даже помолилась, чтобы всё обошлось и все остались живы. И легла спать.

Бог не услышал молитвы этой достойной дамы.

Великая княжна Мария скончалась на следующий день в страшных судорогах, на руках у своей матери, великой княгини Елизаветы Алексеевны, чуть не обезумевшей от горя. Остальные почти не обратили на смерть малютки внимания. Мария Фёдоровна “утетила” невестку

в своей манере, сказав: “Вам не пристало так много плакать. У вас портится цвет лица! Стыдитесь. Когда я похоронила свою *законную* дочь Ольгу, то так не убивалась”. Официальное заключение о смерти младенца – воспаление мозга, вызванное прорезыванием зубов. Слухов и сплетен не было – грудные дети умирают так часто и внезапно, что этим никого не удивишь, и царские отпрыски тут не исключение.

Одна графиня Ливен знала правду. Но никогда и никому её не сказала.

ГЛАВА 5

Санкт-Петербург, декабрь 1799 года

Кончался 1799-й год, снег заметал северную столицу, ветер свистел в печных трубах. Ранним утром, когда рассвет только обозначился на пасмурном небе Петербурга синими сумерками, управляющий военной коллегией граф Кристоф фон Ливен, стоя навтыяжку перед государем Павлом Петровичем, читал длинный и скучный доклад. Его повелитель выслушивал статистические данные несколько рассеянно, глядя на свои пальцы, в окно, куда угодно, только не на красивое, породистое лицо своего приближённого, которое Павел Первый успел уже изучить до последней чёрточки. Ливен ему нравился тем, что скромнен, не ленив, не берёт на себя слишком много и знает своё место, поэтому государь относился к нему с некоей доброжелательной фамильярностью, как дядька – к племяннику или пожилой генерал – к своему юному адъютанту. Читал граф по-русски с этим неистребимым растянутым выговором, который есть у всех остзейцев, даже у тех, кто давно служит России, немного спотыкаясь на некоторых, особо многосложных словах. Этот выговор уже начал раздражать Павла, но не до такой степени, чтобы накричать на графа, виноватого только в том, что маменька не озаботилась его хорошо выучить русскому произношению, в коем сама была не сильна. “В следующий раз пусть читает не он, а, допустим, Петя Долгоруков...», – рассеянно подумал император. Потом, вновь посмотрев на Ливена, Павел Первый вспомнил вчерашний разговор с женой и щёлкнул пальцами.

– Оставь это, Христофор. Я потом почитаю. Скажи мне – ты хочешь жениться? – ни с того ни с сего проговорил государь.

В серо-голубых глазах графа промелькнуло на миг удивление, но быстро погасло. Он привык к таким переходам императора с темы на тему.

– Признаюсь, Ваше Величество, я пока ещё об этом не думал, – отвечал Ливен таким же голосом, которым читал доклад.

Павел воскликнул:

– Ну так подумай на досуге! А тебе кто-нибудь из наших барышень нравится?

– Не могу сказать определённо, – и то, что произнес Ливен, было истиной. Ему вообще не очень нравились “молодые особы его круга”, как выражалась Mutti. Он предпочитал дворцовых служанок, чухонек с Охты, скромных мещаночек из Коломны – “кого попроще”, как сам говорил. С ними не надо много разговаривать, изображать из себя рыцаря Ланцелота, занимать место в ряду многочисленных поклонников. Девушки, не принадлежавшие к “большому свету”, воспринимали его таким, каков он есть. И, что самое главное, связь с ними не грозила скандалом. Скандалы пугали графа, и так считавшего своё положение довольно шатким. Он знал, как рушатся карьеры, и сам поневоле служил орудием разжалований, отставок и опал. Неосторожное слово, не слишком почтительный взгляд, – и ты уже потерял всё, и летишь в кибитке в какой-нибудь Туруханск или Ишим.

– Государыня приготовила тебе невесту – вот и решать ничего не надо. И твоя матушка её одобрит, я уверен в этом, – улыбаясь по-отечески, произнес император.

Кристоф едва заметно побледнел. Его судьба ему не принадлежит – он даже не может сам выбрать себе жену. Правящая династия уже позаботилась об этом.

– Осмелюсь спросить, Ваше Величество, кто она?.. – начал было граф, но тут Павел взял его за руку и повёл в покои императрицы.

– Всё сам узнаешь, – проговорил он по дороге.

Дотти уже полчаса сидела в приемной государыни. Так её мужем станет граф и начальник военной канцелярии императора! Удивительно. “Надеюсь, у него нет в обычае начинать утро с раздачи оплеух всем домочадцам”, – думала она мрачно. Дверь отворилась. Вошел стройный,

высокий, белокурый молодой человек, внешность которого, ещё сохранившая черты мальчишеской неловкости, никак не сочеталась с его громким чином. Он поцеловал руку императрице и поклонился Дотти. Она задержала на графе взгляд. Красивое лицо – все предки Ливенов, первых курляндских аристократов, угадывались в нём. Тонкие руки с длинными нежными пальцами – не похоже, чтобы он был военным. Безмятежно-спокойные серо-голубые глаза со слегка продолговатым разрезом. Чем-то они походили друг на друга, и как всегда, когда улавливаешь в постороннем человеке что-то родное, схожее с собственной внешностью, Дотти сразу же прониклась к графу симпатией. “Да, это совсем не Аракчеев. Вряд ли он поднимал на кого-либо руку в своей жизни”, – подумала она и улыбнулась.

Кристоф же рассматривал свою будущую невесту холодным взглядом мецената, которому его протеже-художник показывает свое новое творение. Да, эта Доротея не слишком красива. Очень худая. Слишком большие руки и ноги. Но ничего страшного, она ещё очень юна, поправится и обретет плавность. Волосы негустые, но интересного цвета, на свету напоминают старое золото. И глаза... Глаза его заморозили. Он ни разу не видел такого зелёного цвета. Одет Доротея со вкусом – пышное платье придает ей статность, а его оттенок подчеркивает рыжеватую искринку в волосах. Полагается быть влюблённым. Но Кристоф не чувствовал ни учащения пульса, ни прилива жара к голове, ни желания смотреть на невесту бесконечно – только спокойное принятие того факта, что им нужно жениться, что через какое-то время официально объявят помолвку, и всё пройдет хорошо. Он назовет её своей женой, и у них появится собственный дом. Дотти улыбнулась вновь. Кристоф понял, что девушка, умеющая так обезоруживающе улыбаться, станет надежным другом, и крепко пожал ей руку.

– Совет да любовь, – промолвила умилённая императрица. И почему она была так глупа, что думала об Аракчееве в качестве мужа для малютки Бенкендорф? Кристоф Ливен – её вторая половинка, это видно невооруженным глазом. Они даже схожи между собою внешне. И будут прекрасной парой. А как красиво они будут выглядеть перед алтарём...

Христофор фон Бенкендорф обрадовался такому выбору императрицы. С Мари пусть делают, что хотят, но вот малютка Дотти благодаря его просьбам и усилиям сделает отличную партию. Он немного знал своего “тёзку”, как он прозвал Кристофа фон Ливена. Мальчик быстро сделал карьеру, но не зазнался ни капли – это дорогого стоит. К тому же богат, знатен и очень родовит, а связи Ливенов Бенкендорфам совсем не помешали бы.

Шарлотта Карловна Ливен, прежде чем дать положительный ответ, долго рассматривала потенциальную невестку. Она знала наверняка, что её решение в этом случае является окончательным, и Мария Фёдоровна обязательно учтет ее мнение.

Эта Бенкендорф-младшая – интересная девица – сразу подметила графиня. Совсем не красавица. Но с лица воды не пить, к тому же явных уродств во внешности Доротеи фрау Шарлотта не заметила: не ряба, не коса, не крива и не горбата. Она ей понравилась гораздо больше Анхен фон Остен-Сакен, девочки из хорошей семьи, черноглазой красавицы, но, увы, довольно своенравной и избалованной особы, на которой чуть не женился её несчастный Фрицхен, погибший три года назад, и, увы, женился Карл... Правда, этой девочке бы чуть поправиться, иначе первые же роды её убьют. Но жир – дело наживное. “Подарить им хорошую кухарку”, – отметила про себя графиня. Фон Бенкендорфы – очень хорошая лифляндская фамилия, приближенная ко двору, так что партия вполне подходящая. Графиня бы не хотела, чтобы кто-то из её сыновей женился на русской, а ведь государь вполне так мог устроить... Выбрали “свою” – это ли не милость? Да ещё девочку, которая, в силу своего возраста, невинна как голубь. Приданое за ней дадут хорошее – графиня Ливен об этом уже справилась у императрицы. Однако Шарлотту Карловну что-то смущало в Доротее. В тихом омуте не слишком обворожительной внешности водятся бесята страстей, которые, если она не будет сдерживать себя, превратятся в полноценных чертей. А в зелёных глазах таятся ум и хитрость, которые, впрочем, можно обернуть на благо. “Надеюсь, она полюбит моего мальчика”, – подумала гра-

финя, не слишком высоко ценившая способности среднего сына, всегда самого тихого и незаметного из её детей, даже во младенчестве он почти не плакал и учился всегда ни особенно хорошо, ни особенно плохо. Умная и хитрая супруга поможет сыну перенести все превратности придворной жизни.

– Благословляю вас, дети мои, живите счастливо, – твёрдо и торжественно произнесла Шарлотта Карловна и по очереди перекрестила будущих молодоженов.

Так, они стали официально женихом и невестой, и спустя три дня состоялась помолвка, прошедшая тихо, по-домашнему. Сразу же после помолвки Доротея приняла решение немедленно влюбиться в своего будущего мужа. Все говорят, что в браке должна быть любовь – и она у неё будет, да такая, что о ней ещё в книгах напишут! Своей подруге Анж, с которой виделась не так часто, как хотела, она описывала внешность и нрав своего жениха во всех подробностях и в самых красочных словах, так, что даже надоела той. Но странно – на расстоянии Дотти любила его до безумия, а стоило им встретиться – строго на два часа по субботам вечером, ибо у графа постоянно была служба, какие-то манёвры, плац-парады и доклады государю – ни следа от этой любви не оставалось. Разговоры с ним шли туго – Кристоф фон Ливен оказался на редкость молчалив и краток в выражениях; иногда, правда, когда речь заходила о военных делах или об охоте, граф раздражался длинными монологами, в которых Дотти не понимала и пары слов, а переспрашивать стеснялась – вдруг ещё сочтёт дурой? Первое объяснение в чувствах между ними прошло так.

Первый раз, когда Кристоф рассказывал об охоте близ Мезоттена, имения его матери в Курляндии, Дотти неожиданно спросила:

– А вам не жалко бедных зверюшек, которых вы убиваете?

Кристофу “бедных зверюшек” никогда не было жалко – с раннего детства он, потомок ливского “короля-охотника” Каупо, внук страстного охотника Карла фон Гаугребена, который даже умер, когда загонял зайцев в лесу близ собственной мызы, научившийся стрелять дробью раньше, чем читать и писать, – делил всех животных на “друзей” и “врагов”. Дикие, неприручаемые звери, живущие в лесу, были “врагами”; собаки, сопровождавшие его с братьями в лес, лошади, на которых он ездил верхом, все те, звери, которые приносили пользу – давали молоко, шерсть и мясо, – “друзьями”. Поэтому он лишь недоумённо пожал плечами.

– Бог создал дичь для того, чтобы человек на неё охотился, – произнёс он, почувствовав себя умнее и старше этой девчонки, к которой и после помолвки продолжал относиться несколько снисходительно, скорее как к младшей сестрёнке или кузине, а не как к будущей жене. В конце концов, что она понимает в развлечениях для истинных мужчин?

– Я понимаю, если бы вам было нечего есть, – проговорила она. – Но так... Зайчики – они же такие милые, и их убивать или оставлять сиротами – зачем? А лисички? Вы рассказывали про охоту на лис – как так можно, в чём они виноваты?

– Лисы душат кур, волки задирают скотину и нападают на людей, а зайцы... – Кристоф надолго задумался, пытаясь придумать, как же вредят селянам и помещикам эти ушастые твари с очень вкусным мясом и мягким, весьма добротным мехом. – Хм... Зайцы грызут всякое. Как крысы. – откуда-то он вспомнил, что заяц относится к семейству грызунов.

– Нет! Крысы противные, а зайчики нет, – она посмотрела на него наивными глазами вчерашней институтки.

– Вы были на охоте, Доротея? – спросил он потом. – Это очень увлекательно. Когда мы с вами поедем в Мезоттен... Или в Зентен, к моему брату, там отличные места, вы забудете всё – так это увлекательно. Уверяю вас. Тем более, как вы говорили, вы любите верховую езду.

Она с ужасом уставилась на него. Её жених нынче предстал перед ней довольно кровавым созданием. Он рассказывал, как сам разделял заячьи шкуры, и она представила его красивые, аристократичные руки по локоть в крови и вздрогнула... А если он заставит её это делать? Какой ужас... Она лишь отрицательно покачала головой.

– Я не умею стрелять, – прошептала она.

– Не беда, я вас научу, – уверил Кристоф, так и не поняв весь ужас, который она испытала в душе, представив, что ей придётся убивать хорошеньких рыжих лисичек и милых зайчат.

– Всё равно, я не смогу никого подстрелить, – продолжила она.

– Не беда, – он приблизился к ней, слегка приобнял за плечи, подумав, что неплохо бы им когда-нибудь уже поцеловаться и начать вести себя как влюблённые, а не как кровные родственники или друзья детства. – Я буду убивать за вас.

Дотти замерла – от смущения, от какого-то непонятного волнения, охватившего её. Он говорил страшные вещи и обнимал её так, как никто не обнимал, этот высокий и сильный молодой человек с всегда холодными, бесстрастными глазами, и она ощущала слабый запах его лимонного Eau de Cologne, дорогого табака и чего-то ещё.

– Вы такой сильный, – прошептала она. – Вы были на войне?

Он кратко кивнул. Когда-нибудь он расскажет ей в подробностях... Но не сейчас. Лучше ей не знать. Это определённо не тема разговора с юной девицей, даже с собственной невестой.

– Мой рара тоже был на войне... Вас с ним и зовут одинаково. Это как-то странно. Я буду вас путать, – она нервно засмеялась. – А у вас есть какое-нибудь другое имя?

– Генрих. Рейнгольд, – перечислил он оставшиеся имена, которыми его окрестили 25 лет тому назад.

Она поморщилась. Имена эти были, на её вкус, лишь чуть-чуть получше Ойгена или Балтазара.

– Знаете, что? – шепнула она ему на ухо. – Давайте я вас буду звать Bonsi.

– Почему именно так? – спросил её весьма удивлённый жених.

– Потому что вы такой хороший – si bon, – хитро и как-то соблазнительно улыбаясь, произнесла Доротейя. – А если переставить слоги – то как раз получится Bonsi.

– А почему бы не звать меня просто по имени? – поинтересовался Кристоф, которому не очень понравилась затея звать его по кличке, как собаку.

– Потому что вы для всех – Кристоф, Кристхен, Христофор Андреевич... А для меня вы будете Bonsi. Только для меня, ни для кого больше, – она обняла его в ответ с сильно колотящимся, непонятно от чего, сердцем.

Он смотрел на неё немного затуманенными глазами. Перед ним была вовсе не юная угловатая девица с веснушками на щеках, а Единственная, которую он был согласен любить до окончания дней своих. В её зелёных глазах уже читалось некое обещание... Обнимая её, он почувствовал свою власть над ней, над её судьбой, телом, душой и жизнью – сладостное, странно-греховное чувство, какое он не испытывал в объятиях тех, с кем делил постель до недавних пор. Тем он был ничем не обязан, как и они ему. Даже их лиц не всегда мог вспомнить. А вот эта Доротейя фон Бенкендорф, его будущая жена, скоро перейдёт в его полную и нераздельную собственность. И разделит с ним жизнь, из которой ещё неизвестно что выйдет – граф Ливен не думал, что в нынешнее время сможет удержать своё высокое положение навсегда, опалы и немилости случались ежедневно. Наверное, это чувство, неотделимое от чувства наслаждения властью и обладания некоей драгоценной собственностью, и есть та самая любовь, о которой все столько твердили, – решил Кристоф и вымолвил по-немецки:

– Я люблю вас, Доротейя. И буду любить вас вечно.

Потом наклонился и поцеловал её – так быстро и жадно, что у неё аж губы заболели. “Вот это и значит целоваться по-настоящему”, – промелькнуло у неё в голове.

– Я тоже вас люблю, – призналась она несколько испуганно, сама не разобравшись, что же ощущает к жениху. – Bonsi.

...Теперь она ждала 12 февраля 1800 года с большим нетерпением, предвкушая будущую семейную жизнь.

К удивлению Дотти, её брат Алекс без энтузиазма воспринял идею ее брака с Ливеном. Более того, на назначенную дату свадьбы – 12 февраля – он не будет в Петербурге: его отправляют с поручением в Мекленбург. Дотти была слегка расстроена тем, что Алекс не увидит ее перед алтарем, выразила ему это, но он только пожал плечами и произнес:

- Ливен, конечно, получше Аракчеева, но тебе лучше вообще не выходить замуж.
- Ты сам прекрасно знаешь, что это невозможно.

Алекс был очень похож на свою сестру, так, что, если бы не разница в возрасте, их можно было бы принять за близнецов. Одинаковый цвет волос – светло-русый с рыжеватым отливом, одинаковые зелёные глаза того чистого цвета, без примесей серого или каревого оттенков, который нечасто встречается у людей, а только у диких животных, некоторая худощавость, не слишком украшавшая Дотти, но придававшая Алексу определённую изящность и мужественность, столь ценимую дамами, высокий рост, длинные пальцы и тонкие, острые черты лица. Несхоже было только общее выражение – Алекс в свои 17 лет уже начал постепенно перерастать подростковую неловкость и угловатость, и был уверен в собственной неотразимости, тем более что женщины и девицы влюблялись в него гораздо чаще, чем в его сверстников, и он чаще мог рассчитывать на благосклонность противоположного пола. Дотти же не привлекала пока восхищённых взглядов мужчин.

Служба у Алекса продвигалась ровным темпом. Он уже готовился к получению первого офицерского чина, но император не спешил, хотя и был в целом доволен им. Шагистика Доттиному брату была откровенно скучна и противна, и он мечтал о переводе в кавалерию, но маршировать по плацу Алексу приходилось нечасто, ибо он ко всему прочему числился флигель-адъютантом и ездил по Петербургу и окрестностям с разнообразными поручениями, иногда возвращаясь в свою тесную, неудобную квартирку на Фонтанке далеко за полночь. Но досуге он занимался черчением – насколько Алекс не любил силлогизмы, настолько же любил чёткость и ровную геометрию рисунков, чертежей и карт. Ну и романы с женщинами – пункт, расстраивающий Марию Фёдоровну и заставляющий Дотти недоумевать. Алекс не умел делать из своих чувств тайны – он открыто ухаживал за объектами своей страсти и, главное, тратил много денег на подарки, причём призывы императрицы к экономии и приличиям не имели на него никакого влияния. Последнее время он пережил краткий роман с актрисой Шевалье, уже вполне солидной дамой, которой нравилась рыцарская преданность этого красивого мальчика и его необузданность в постели, искупающая неопытность.

Дотти выжидающе смотрела на брата. Горничная принесла чай. Алекс положил в него сразу четыре ложки сахара и, не поморщившись, выпил эту приторно-сладкую смесь. Он усмехнулся и продолжал:

– Да, вам тяжело – надо непременно выходить замуж и чем раньше тем лучше. Хорошо, что мне не навязывают какую-нибудь прокисшую каргу в жены.

Дотти подошла к окну и закрыла шторы. Уже вечерело.

– А жаль, что тебя не будет. Как тебе Кристоф? – спросила она.

– Ну, это явно не Аракчеев... Впрочем, ты не боишься, что его матушка будет управлять вами? Я бы на твоём месте поостерегся диктата фрау Шарлотты... – Алекс откинулся на спинку стула.

– Какие глупости! Однако, в твоих словах есть доля истины. Но графиня Ливен вроде бы меня одобрила, – задумчиво проговорила Дотти.

– Тогда желаю счастья. И не забывай обо мне даже в разгар медового месяца – если возникнут проблемы, обращайся, постараюсь тебе помочь, – произнес Алекс, встал с кресла и отправился к двери.

Впрочем, свадьба, о которой так много говорили, чуть было не сорвалась в самый неподходящий момент.

На Новый, 1800 год, государь устроил пышный бал во Дворце на несколько сотен персон. И Дотти, и Кристоф были в числе приглашённых. Юная баронесса блистала в своём бежевом платье, вышитом золотой нитью, с палевыми розами в золотисто-рыжих волосах. Протанцевав первый танец с Кристофом, который, к её разочарованию, оказался не самым ловким танцором, иногда ей даже приходилось шёпотом подсказывать ему, где какое движение нужно сделать, она начала активно принимать приглашения на танец от всех, кто их предлагал, а предлагали многие. Вскоре её бальная книжка была заполнена почти полностью. Со всем пылом своих четырнадцати лет юная девушка погрузилась в атмосферу многолюдного званого вечера. Танцевала она превосходно, и отбоя от кавалеров у неё не было.

Кристоф же откровенно мучился от душной, людной атмосферы, от громкой ритмичной музыки, от необходимости вежливо разговаривать с теми, кому бы в иных обстоятельствах и руки бы не подал, улыбаться и кланяться, как заведённый болванчик. Он ужасно уставал на этой службе. Ежедневно, в пол-шестого, нужно являться к государю, который, казалось, никогда не спит, с подробнейшим докладом, тот всё проверяет и перепроверяет, спрашивает, каковы его, графа, предложения и обрывает, лишь только Кристоф открывает рот, чтобы высказать свои мысли, ругается на самовольного Суворова и прочих неугодных лиц, список которых пополнялся день ото дня, – и так целый день. А потом ещё явиться к разводу, или принимать плац-парад... Недавно началась война с Францией, работы в Военной Канцелярии прибавилось, и Кристоф проводил почти всё своё время там, иногда ночуя в кабинете и заявляясь домой, только чтобы помыться, побриться и переодеться. А тут ещё этот бал... Дорого бы он отдал за то, чтобы сейчас оказаться в своей постели, вытянуться, закрыть глаза и поспать часиков эдак двенадцать. И чтобы никаких людей. И чтобы никакой музыки, шума и этой духоты, от которой у него уже голова раскалывалась...

К дурному самочувствию и ощущению безумной усталости прибавилась некая досада на поведение невесты. Какую гримасу она скорчила после их танца! Да, надо признать, его готовили в солдаты, а не в танцоры, и это очень заметно. Но могла бы она хотя бы вникнуть в его положение, а не пренебрегать им так явно! И все эти юноши, с которыми она так весело танцует – всем улыбается, всем что-то говорит со смешком, и они, все эти паркетные шаркуны, эти *русские свиньи*, богатые наследники, пальца о палец в своей жизни не ударившие, все эти Гагарины, Нелидовы, Долгоруковы, Строгановы, все они до единого трогают, приобнимают, прикасаются к его Mädchen, к той, которая предназначена высшими силами и самим Провидением только ему одному, Кристофу фон Ливену! Это невыносимо.

Граф набрался решимости и подошёл к невесте, поедающей мороженое в компании князя Константина Чарторыйского, “заложника польской короны”, как его все называли, и незнакомой ему красивой черноволосой девочки примерно Доттинового возраста. Кратко кивнув её спутникам, он отозвал её в сторону и прошептал вымученно:

– Вам так весело...

– А вам так грустно, как погляжу? – и его невеста рассмеялась, увидев его унылое выражение лица. – Что ж вы, право, в таком настроении? Ведь это бал, здесь нужно веселиться!

– Понимаете, люди видят, что мы не вместе, и могут подумать..., – начал он издали.

– Так вы не отходите от меня так далеко, вот и всё, – прочитала девушка, уже ища глазами свою подругу Анж, которая махала ей рукой и делала уморительные гримасы.

– Было бы более уместно, если бы вы посидели там, вместе с моей матерью, – и он указал в направлении кресел, на которых сидели пожилые и не танцующие дамы, обсуждая дебютанток, свою родню, нравы в свете, свои хвори.

– Вы шутите? – рассмеялась она.

– Не шучу, – отчеканил он и бросил ей, отходя от неё:

– Не увлекайтесь так мороженым, жабу схватите.

Она показала ему вслед язык, убедившись, что никто не видит, а потом присоединилась к подруге и её дяде, который проговорил так, чтобы Кристоф мог услышать:

– И этот зануда будет вашим мужем, прелестная Dodo? Сочувствую.

Ливен услышал это. Кровь бросилась ему в голову. Хотел было развернуться и дать пощёчину этому поляку, а потом вызвать его на дуэль... Но потом опомнился: дуэль – это конец всему, это такой скандал, после которого не оправиться. Павел Первый поединки ненавидел особенно, сколько офицеров в начале своего правления выключил из-за них из службы! Более того, государь постоянно припоминал, что согласно уставу Петра Великого, дуэлянтов следует казнить, и он, высылая их в Сибирь, ещё милосердие проявляет. Но если оставить слова этого полячишки (к полякам Кристоф, как и многие его соотечественники, относился куда хуже, чем к русским) безнаказанными, то это значит, что он поступился своей честью? Кристоф вздохнул и, попросившись со всеми, кроме Доротеи, уехал домой.

“Во-первых, он не сказал мне это в лицо”, – размышлял граф, видя, как огни столицы проносятся за окном его экипажа. – “Во-вторых, я действительно зануда”.

Прибыв домой, в свою недавно купленную квартиру на Дворцовой, которую только начал обставлять, целиком полагаясь на вкус младшей сестры Катарины Фитингоф, разбирающейся в декоре и мебели лучше всех членов его многочисленного семейства, граф хотел было идти спать, даже разделся и улёгся в свою просторную кровать, но сон, несмотря на усталость, оставил его. Он то и дело прокручивал в голове эту ситуацию, и разнообразные эмоции – досада на себя самого, стыд, ревность, злость, – не давали ему покоя. Так он дал себя оскорбить сопливой девчонке на 12 лет его младше! Он не смог своей властью Старшего, своим мужским авторитетом поставить её на место – так он тряпка, и правы те, кто называл его “девочкой Кристхеном” в детстве. Было бы в нём хотя бы чуть-чуть злости и уверенности в своей правоте, как в его старшем брате Карле, ничего этого не случилось... Возможно, он слишком любит её. Что будет, если они поженятся? Ведь ему никогда не понравятся балы, как и ей не понравится просто сидеть дома в одиночестве.

Он встал, прошёл в кабинет, вынул из ящика стола табак. Закурил. Налил себе коньяка, осушил стопку залпом, как водку. “Нет”, – сказал Кристоф сам себе. – “Нам с ней надо расстаться, пока не поздно. Пусть государыня ищет этой Доротее какого-нибудь вертопраха, я женюсь на... А я ни на ком не женюсь”. Итак, граф принял решение и потянулся за пером и бумагой. Тут у него резко заболела голова и пошла кровь носом – уже второй раз за последнюю неделю, это нехорошо. Он запрокинул голову, подождал, пока кровотечение не остановится, выкинул бумагу, на которую успело попасть несколько капель крови, и приступил к письму. О чём и как писать? Прямо: “Между нами всё кончено”? Или дать ей шанс исправиться, извиниться, пересмотреть своё поведение? После некоторых раздумий граф написал так:

“Вся моя надежда, вся моя радость обратились в чёрную скорбь. В ту минуту, когда вы появились при Дворе, вы живо и весело забыли и одновременно унизили человека, всецело вам преданного, желающего вам только счастья. Вы нашли в свете многих мужчин лучше меня, более подходящих вам: меня это не удивляет! У меня много недостатков, и я не подхожу даме, преданной высшему свету; моё положение и мой нрав заставляют меня вести уединённый образ жизни. Когда вы мне сказали, что не сможете оставить большой свет, я понял, что наш союз во многом принесёт нам обоим несчастье”.

...А потом он всё же отправился в кровать и волевым усилием заставил себя заснуть – уже пробило три ночи, спать оставалось всего ничего.

Утром Дотти получила это послание, и оно её позабавило. Слова жениха она не приняла всерьёз – как можно обижаться на то, что она просто была собой и веселилась, а не слонялась с угрюмым видом по залу и не восседала с чинными старухами в углу! Она дала почитать это письмо Анжелике, на что её подруга сказала:

– Дядя Константин вчера сказал, что твой Бонси – зануда, и я с ним согласна. Видишь, он даже сам это признаёт и пишет, что “ведёт уединённый образ жизни”. И ещё мне кажется – он ужасно ревнивый.

– Ревнует – значит любит, – повторила Доротея где-то услышанную максиму.

– Моя бабушка говорит, что ревность – это не *comme il faut*, – добавила Анж. – Флирт – это часть светского поведения, и твой граф должен это понимать. Если не понимает – значит, не благороден. И ваш союз действительно принесёт вам несчастье.

– Я просто его не понимаю! – воскликнула баронесса, которой это письмо испортило лучезарное настроение. – Зачем я должна сидеть, когда другие веселятся? И зачем он меня ревнует и приказывает мне, что делать? Ведь я ему не жена!

– Да, а теперь представь, что будет, если вы поженитесь, – продолжала говорить Анжелика. – Он же запрет тебе дома, и теперь ты будешь должна вести уединённый образ жизни вместе с ним, хочешь-не хочешь. Ведь он будет твой муж и ты должна ему подчиняться. И знаешь, – княжна перешла на шёпот, – он может тебя даже *бить*. Мне рассказывала бабушка...

Но Доротея не успела дослушать, что рассказывала подруге бабушка, прекрасная княгиня Изабелла Чарторыйская, с малых лет посвящающая любимую внучку в тайны отношений между мужчинами и женщинами, как вошёл лакей и доложил о том, что Дотти хочет видеть её жених.

– Я не выйду, – решительно проговорила она. – Я не знаю, что ему сказать.

– Подруга, – Анж приобняла её за плечи, и Дотти подумала, что несмотря на то, что княжна младше её по возрасту, решительности и твёрдости в ней побольше. – Давай я ему всё передам.

...Кристоф, уже отчаявшийся ждать ответа от невесты, думал было уйти, как перед ним появилась красивая юная брюнетка, которую он вчера видел на балу. По возрасту ей было совсем немного лет, даже меньше, чем Дотти, но она держалась с какой-то недетской уверенностью и взгляд её – а глаза у этой девочки были странными, слишком светлыми для таких тёмных волос, пронзительно-синего цвета, – внушал в нем какой-то необъяснимый ужас.

– М-ше Бенкендорф нездорова и сказала, что выйти не может, – проговорила она низковатым голосом и, упреждая вопросы, ответила. – Я фрейлина великой княгини Елизаветы, княжна Войцеховская. И ваша невеста просила мне передать...

– Что? – прервал он её, пытаясь отвести взгляд от лица этой “ведьмы”, как он уже окрестил Анжелику.

– Она никогда в жизни не перестанет флиртовать и наслаждаться танцами. И она больше никогда не хочет вас видеть, – невозмутимо ответила княжна и вежливо поклонилась.

Кристоф ответил на поклон, развернулся и ушёл в Канцелярию. Он был готов умереть, но виду никому не показал.

ГЛАВА 6

Санкт-Петербург, январь 1800 года.

Вести о размолвке между Доротеей и её женихом распространились, как огонь в лесу. Фрау Шарлотта отнеслась к этому философски – милые бранятся, только тешатся, и, с большим трудом вытащив из среднего сына хотя бы намёки на причины ссоры с наречённой, объявила, что проблема исключительно в нём. “Ей 14 лет, она не знает света”, – твердила многомудрая дама. – “Тебе, Кристхен, нужно полегче относиться к этому. Пока у неё есть возможность, она веселится. Но это ещё не значит, что Доротея станет скверной супругой”. Мария Фёдоровна, однако, сочла, что проблема – именно в Доротее, и отчитала её за фривольное поведение, попутно произнеся целую лекцию об обязанностях жены и матери. Но написать покаянное письмо жениху, который отдалился от Дотти и окунулся с головой в служебные дела, её убедил отец.

– Пойми, малышка, – сказал он. – Вы оба виноваты. Но кто умнее, тот и сделает шаг к примирению. Всё уже обговорено, платье почти пошито, бумаги я все выправил на приданое – зачем отменять? Я грешным делом было подумал, что мамаша его надоумила к тебе придраться и нас же виноватыми выставить, мол, плохо дочку воспитали.

– А зачем ей придраться? – спросила его дочь.

– Ну, мало ли что. Мы же лифляндцы, они курляндцы, например, – пожал плечами Кристоф фон Бенкендорф. – Свекрови всегда найдут, что не так в женах их сыновей. Сколько крови выпила моя матушка, царство ей Небесное, что я в жёны взял “чёрную” немку, даже сказала, что детей от неё своими внуками не признаёт.

– Почему “чёрную”? – полюбопытствовала Дотти.

– Ну, мать твоя, покойница, была не из Остзейского края. Так у нас говорят про пруссаков, мекленбуржцев, гессенцев и прочих. А монбельярцы нас тоже за своих не признают, – объяснил ей отец. – Называют “серыми” и “русскими”.

Доротея вспомнила, что Алекс писал, как его в байройтском пансионе дразнили за рижский выговор и называли “русаком”. Странно всё это. Язык – один, вера – одна, так нет же, всё равно найдут, к чему придраться.

– Так что пиши моему тёзке письмо с повинной, а если он и после него будет строить из себя оскорблённую невинность, я сам с ним поговорю. И с матушкой его – заодно, – решительно проговорил Бенкендорф-старший.

Однако Кристоф уже смягчился по отношению к ней, потому что с его стороны и мать, и сестра Катарина, и даже Карл твердили то же самое, что и его будущий тесть – своей дочери. Но, в отличие от рассудительного и дипломатичного Кристофа Бенкендорфа, они были более настойчивы и жестки. Только брат Ганс его поддерживал и не давил, за что граф был ему более чем благодарен. После того, как он прочитал письмо, в котором Доротея умоляла его простить ей всё, что она по глупости и незнанию наговорила, и начать всё сначала, он решил вновь увидеться с нею. Без посредников, наедине.

...Дотти заметила, насколько же за те недели, что она не видела Vonsi, он переменялся. Глубокие синие тени легли под его глазами. Граф, и так не отличавшийся дородностью, похудел ещё больше, лицо осунулось совсем.

– Боже мой, вы больны? – проговорила она озабоченно. – Если это из-за моего поведения...

– Нет. – тихо проговорил он. – Не только из-за вас. И я не болен. Это так...

– Простите меня, мой милый Vonsi, – девушка взглянула на него своими чудесными зелёными глазами, а потом кинулась ему на шею. – Я сама не знаю, что на меня тогда нашло. Я больше не буду. Никогда в жизни.

Кристоф инстинктивно прижал невесту к себе. Погладил её волосы, уложенные локонами, – мягкие, шелковистые волосы чудесного янтарного оттенка.

– Вы меня тоже простите, – произнёс он.

– Я тогда просто... – начала Дотти, но Кристоф прервал её твёрдо:

– Забудем об этом.

Они посидели в обнимку где-то с четверть часа, молча. “Никому её не отдам”, – твердил себе Кристоф.

– Слушайте, – разбавила молчание его невеста. – Вы не будете меня бить?

Вопрос застал его врасплох.

– Извините? – повторил он.

– Я говорю, вы не ударите меня?

– Сейчас? – недоумённо переспросил граф, думая: “Кто внушил ей такие понятия? Неужели у неё это было принято в семье?”

– Нет, вообще, – задумчиво проговорила Дотти. – Я, конечно, постараюсь вести себя пристойно и не огорчать вас, но мне всё равно страшно, что вы меня побьёте.

Кристоф нервно рассмеялся.

– Я же дворянин, – сказал он, отсмеявшись. – Только особы подлого происхождения, вроде мужиков в деревнях, могут избить женщину.

– Надо было сказать это Альхену, моему брату, – произнесла со смешком Дотти. – Он мне в детстве подножки ставил постоянно. А другой мой брат щипался всякий раз, когда я садилась за клавиш.

– Думаю, вы тоже не оставались в долгу? – произнёс граф, вновь видя в своей невесте проказливую девчонку, какой она была так недавно.

– О, конечно, нет! – воскликнула она.

– Вы никогда мне не играли, – произнёс Кристоф. – Признаюсь, я не большой ценитель музыки, как говорится, мне медведь на ухо наступил и ещё хорошенько потоптался...

Доротея рассмеялась. Так её Бонси может быть остроумным, когда захочет!

– Я вам самое простое сыграю, – проговорила она, раскрывая крышку фортепиано. – Drie Graffen.

Мелодию Кристоф узнал, несмотря на всё отсутствие музыкального слуха. Он даже слова знал – иногда Mutti её напевала в его детстве. Печальная песенка. Про несчастную любовь.

– Спасибо, – сказал он, после того, как невеста исполнила этот старинный романс, так хорошо знакомый и “чёрным”, и “серым” немцам, и даже латышам с чухонцами. – Вы сказали, что эта пьеса называется Drie Graffen?

Дотти кивнула.

– Странно. В Курляндии эту песню поют на ту же музыку, но называется это Graf Und Nonne. Кончается тем, что фройляйн ушла в монастырь, да? – поинтересовался он.

– Нет, – возразила Доротея. – Она утопилась.

– Как грустно. В курляндском варианте девушка хоть живой осталась.

– У меня подруга хочет уйти в монастырь, – вспомнила баронесса.

– Вот как? А почему же так? Тоже несчастная любовь, как в песне? – спросил Кристоф несколько легкомысленным тоном.

Доротея пожала плечами. Она сама не понимала, почему Анжелика хочет уйти в монастырь. Про великого князя та больше никогда не заговаривала. И про приданое – тоже.

– Это какая же подруга? – продолжал Кристоф.

– Вы её видели, – прошептала невеста. – Такая тёмненькая.

– Она полька? – спросил он, нахмурившись.

– Да, а что? – удивилась Дотти.

– Ничего, – отмахнулся граф. – Просто так спросил.

...Было у него одно нехорошее предчувствие касательно этой девочки, княжны Войцеховской.

2 февраля Мари обвенчалась с Шевичем, но Дотти почти не запомнила церемонии и последующего за ней приема – все ее мысли были наполнены собственной свадьбой. Уже сшили платье – воздушное, серебристо-белое, с длинным шлейфом. Императрица подарила ей изящный гарнитур из топазов и изумрудов. Были разосланы приглашения. Юная баронесса считала дни до 12 февраля. Наконец вожделенный день настал – ничем не отличающийся от других, пасмурный, типично петербургский. С утра шёл мелкий косой снег и дул северный ветер. Дотти не помнит, как ей убрали волосы вверх и назад, прикололи фату, затянули корсет и надели платье. Потом отправились в парадный зал Зимнего, где должно было происходить венчание. Кристоф уже находился там – она впервые увидела его в мундире с золотым шитьём, при орденах и звездах, и не могла поверить, что этот блестящий кавалер и милый, любезный, слегка холодноватый Бонси, которого она уже успела немного узнать, – один и тот же человек. К алтарю ее вел отец. Присутствовали, помимо родственников, представители всей правящей династии, в том числе, государь. Наконец они встали вдвоем и пастор произнес их имена.

– В знак вечного союза обменяйтесь кольцами, – произнес этот высокий, сурово выглядящий человек.

Граф взял тонкое золотое кольцо и осторожно надел Дотти на безымянный палец правой руки. Она проделала то же самое. Пастор разрешил им поцеловаться, и Кристоф легко прикоснулся к её щеке. Раздался венчальный гимн, потом началась проповедь, которая очень понравилась графине Ливен – о единстве сердец на земле и на небе. Но молодожены едва ли её слышали и поняли.

Остаток дня прошел для Дотти как в бреду. Она знакомилась со своими многочисленными новыми родственниками, обмениваясь с ними любезными, ничего не значащими словами, ловила на себе их оценивающие взгляды (даже подслушала, как одна из многочисленных кузин новобрачного произнесла тихонько своей подруге на ухо: “Какая молоденькая... зачем так рано замуж выдавать?”), видела умиленные слезы тетюшек, танцевала сначала с Кристофом, потом с Константином, потом по очереди с братьями мужа, и под конец вечера крайне устала. Приём устраивали у брата Бонси, Карла, и они поехали на ночь на квартиру к Кристофу, которую он постарался превратить в гнездышко для влюбленных. Дотти с изумлением увидела просторную комнату с изящной мебелью в нежных тонах, шкаф, полный новых нарядов, но на подробный осмотр нового жилища у неё не оставалось сил. Переодевшись самостоятельно в длинную кружевную рубашку, она легла в необычно широкую постель. Но сон, несмотря на усталость, к ней не шёл. Так теперь она графиня Ливен! А этот ровный, любезный человек, этот белокурый тонкий юноша – её муж. Она теперь может пользоваться правами и привилегиями замужней дамы – подбирать слуг, распоряжаться финансами, на вечерах и балах не сидеть в ряду ожидающих приглашения на танцы барышень, а участвовать во “взрослых” разговорах. Более того, она не просто графиня Ливен – она жена политика, имеющего вес при дворе. Возможно, чин её мужа как-то повлияет и на неё. Дотти сознавала, что теперь её детство окончательно прошло, сейчас она волей-неволей обязана взрослеть, хотя ей иногда до сих пор хочется поиграть в куклы, когда теперь неизбежны собственные дети.

Дотти уже приготовилась засыпать, как в дверь постучали.

– Это я, *ma chérie*, – произнес Кристоф. Дотти открыла дверь. Ее супруг без лишних предисловий обнял ее и повел к кровати. В последующие минуты юная графиня фон Ливен могла наблюдать диковинные метаморфозы, свершившиеся с ее всегда благовоспитанным, сдержанным Бонси.

Кристоф повалил её на кровать, лёг на неё всей массой и проник слегка дрожащими руками ей под рубашку. Он начал гладить ей ноги, потом грубовато схватил за грудь – Дотти слегка вскрикнула от неожиданной боли и неловкости. “Что ты делаешь, *mein lieben?!*” – про-

шептала она, пытаясь отстраниться от мужа, но он не слушал её. Лицо Кристофа покраснелось, он прерывисто дышал и потом проговорил, словно во сне: “Я люблю... хочу тебя, ты прекрасна, Dorchel” – и начал стягивать с нее сорочку, покрывая её тело жадными быстрыми поцелуями, словно опасаясь, что Дотти убежит от него. Его юная жена ощущала неловкость и дрожала в его руках, как испуганный зверёк, но это только разжигало похоть графа. “Я больше не могу, милый, отпусти меня”, – вновь прошептала она, но муж заткнул ей рот рукой, резким движением развёл ей ноги и вошел в неё.

Дотти было больно, но, впрочем, не слишком сильно. Она невольно вскрикнула, на глазах выступили слёзы. Кристоф, закрыв глаза, с отрешённым выражением лица и улыбкой неземного блаженства на тонких губах, продолжал быстро двигаться над ней, и Дотти мечтала, чтобы пытка закончилась поскорее. Наконец он застонал, словно от резкой боли, и оторвался от неё, в изнеможении рухнув рядом.

– Тебе было сильно больно, *meine liebe*? – проговорил он утомленным голосом.

– Немного... – отвечала Дотти тихо, рассматривая большое кровавое пятно, расплзающееся по простыне, – а тебе, Бонси?

– О, мне было хорошо, как никогда, – отвечал Кристоф. Потом он, словно опомнившись, встал, оправил рубашку и ушёл за ширму, где долго гремел тазом для умывания. Пожелав супруге доброй ночи, он направился в собственную спальню. Дотти, обрадованная тем, что Кристоф вылил на себя не всю воду и не надо будить горничную, с неким отвращением смыла с себя следы первого соития. Потом скатала простыню с противным пятном и легла на чистой стороне.

Ей не очень понравилось произошедшее. Никто ей заранее ничего не объяснил, а агрессия мужа – да, теперь уже мужа, надо привыкать к этому слову – откровенно испугала её. “Хорошо бы, чтобы *этого* больше не было”, – подумала она, засыпая.

Её супругу было очень стыдно за своё поведение. Ведь он хотел подождать, подготовить её! Нет, вино и предшествующая свадьбе ночь разгула, которую ему устроил его старший брат, набрав где-то каких-то балерин, кажется, итальянок, совершенно снесли ему крышу, и он накинулся на эту тоненькую девочку, как дикий зверь. Но она такая соблазнительная именно в своей невинности... У неё такие красивые ноги, пусть худенькие, но ровные и длинные. Грудь, правда, небольшая, но Дотти ещё растёт, года через два-три её фигура оформится. Карл вчера говорил в компании, собравшейся на “мальчишник”: “Мой брат берёт в жёны девочку и собирается воспитать себе жену!” Потом пошли скрабозные шутки о том, как именно он собирается “просвещать” Дотти. Гадко вспоминать... Нет, в следующий раз он исправит свои ошибки и будет с ней нежным.

...Во вторую ночь он старался с ней быть осторожным и ласковым. Дотти в этот раз было не больно, но не слишком приятно. Потом муж чаще приходил к ней только поспать – ничего большего не требовал, ибо очень сильно уставал. Эта его усталость беспокоила юную графиню, но служба – есть служба, она понимала, что бесполезно просить его пораньше приходиться домой и побольше отдыхать. Иногда она думала об Антрепе, и гадала, сильно ли он огорчился, что переписка прекратилась, и знают ли уже в Риге, что она вышла замуж за среднего графа фон Ливена. Шальная мысль временами приходила к ней в голову – а что, если попробовать написать бывшему жениху? Теперь-то она от государыни не так зависит, обойдётся без последствий. Но что-то её останавливало... Потом она оставила эту мысль, облик её первого детского увлечения померк в памяти, и она стала считать, что её первой любовью был именно супруг.

Через 20 лет она вспомнит о графе. Наведёт справки. Окажется, что Антреп был зарезан в кабачке “У моста” в “весёлом квартале” Риги через три месяца после её свадьбы. Вплоть до самой смерти он писал ей письма, уже на имя графини Ливен, но Кристоф, не распечатывая, отправлял их в камин – государыня уже рассказала ему о “пустом детском увлечении вашей супруги, которому, впрочем, нельзя потворствовать”. Антреп был слишком упорен

и настойчив для “пустого детского увлечения”, и Бонси, которому надоело всё это, написал, чтобы тот оставил в покое его жену, а если не оставит, то Кристоф “найдёт способ избавиться от его докучливого внимания”. После этого поток писем прекратился.

С замужеством Доротея перестала числиться фрейлиной, но во дворце бывала часто – надо было навещать свекровь, да и государыня хотела её видеть рядом с собой. Кристоф же пропадал на службе, и часто появлялся дома тогда, когда она уже спала. И даже когда государь давал ему свободные дни, граф не был избавлен от неожиданных посетителей.

Так, в Гатчине, куда переехал Двор по весне, молодожёны одним сонным субботним утром нежились в кровати и говорили о всякой ерунде, точнее, говорила Дотти, а граф Кристоф её только слушал. Он был счастлив тем, что наконец-то может отдохнуть в объятиях любимой хотя бы несколько часов. Проговорив о том, как они летом поедут в Дерпт купаться, Дотти взялась за книжку с намерением прочесть вслух несколько абзацев из романа г-жи Жанлис, которые ей особенно понравились, как вдруг дверь открылась нараспашку.

– Адольф! Я же говорил никого не принимать! – досадливо выкрикнул Кристоф, но вместо камердинера появился флигель-адъютант Абельдиль, толстый, красный и запыхавшийся. Следом за ним – слуга графа, лепечущий: “Не мог, герр Кристоф, вот, говорят-с, со срочным от Его Величества посланием”.

– Говорите, какое у вас дело, – вздохнул граф, обречённо глядя на толстяка полковника, выглядящего так комично, что Дотти аж фыркнула в ладошку.

Посланец Павла Первого переводил взгляд с графа Ливена на Доротею, облегчённо думая, что, слава Богу, не застал их врасплох – ведь, как-никак, у них медовый месяц...

– Ваше Превосходительство! Ваше... – Абельдиль покосился на Дотти, которая уже была готова расхохотаться вслух. – Его Величество просил вам передать, что вы... что вы...

– Кто я? – озадаченно спросил граф Ливен.

– В общем... Ну... Хм... – замялся полковник, помнящий об субординации и не решающийся выговорить слова императора целиком. – Вы такой...

– Какой? – вставила Доротея.

– Его Величество приказал мне передать вам, что вы дурак! – выпалил Абельдиль и вздохнул с облегчением.

Супруги рассмеялись от всей души.

Дело объяснялось так. Император освободил Кристофа от присутствия на утренних плац-парадах, а нынче один полк отправлялся в поход, и государь хотел, чтобы Ливен прочитал напутственный манифест. Забыв о том, что с утра его генерал-адъютант свободен, Павел бросил через плечо: “Ливен, читай, да погромче!” Никакого Ливена, естественно, рядом с ним не оказалось. Разозлившись на отсутствующего Кристофа, государь послал Абельдила с приказанием передать графу высочайшее мнение о его, графа, умственных способностях. Абельдиль Ливена весьма уважал и вовсе не считал дураком, поэтому этот доклад вызвал у него такое смущение. Дотти запомнила этот случай как единственный, когда её муж навёл на себя неудовольствие государя. Но вскоре, буквально через полгода, перед Кристофом фон Ливеном встали проблемы иного рода, разрешить которые можно было только самым радикальным способом...

ГЛАВА 7

Санкт-Петербург, конец 1800-начало 1801 года.

В столице чувствовалось, что грядут большие перемены. К лучшему ли, к худшему, неизвестно, но ясно одно – они неизбежны. О сумасшествии императора Павла поговаривали даже самые верноподданные, даже те, кто прежде так восхищался “рыцарским духом” и “наведением порядка”. В центре Петербурга теперь возвышался мрачный тёмно-розовый замок, словно выкрашенный в этот цвет кровью, окружённый глубоким рвом. “Дому Твоему Подобаает Благодать Господня Во Многия Дни”, – было начертано у него на фасаде. Удивляла скорость, с которой возводилась новая императорская резиденция, и решительность, с которой император стремился туда переехать. Павел резко испортил отношения с Англией и заключил некий любовный союз с революционной Францией, против которой ещё полтора года назад велась война. Кристоф стал совсем пропадать на службе и приходил домой ближе к утру. Недавно на рейде Ревеля показалась английская эскадра – последнее предупреждение “владычицы морей”. Прозвучала даже пара боевых залпов, и все с ужасом ждали начала войны.

Петр Алексеевич фон дер Пален, ставший практически другом семьи фон Ливенов благодаря родственным связям и тому, что своим возвышением и возвращением из опалы был обязан Шарлотте Карловне, рассказывал, что Павел вёл себя как буйно помешанный – его перепады настроения не входили ни в какие рамки адекватности, многие флигель-адъютанты подолгу сказывались больными, чтобы не пасть случайными жертвами монаршьего гнева, а собственных младших детей император чуть ли не в открытую называл бастардами. “Если вы не прикасались к женщине в течение долгого времени, а она при этом продолжает рожать детей, что-то здесь не ладно”, – проговорил он в присутствии своих министров и иностранных посланников, и императрица не удержалась от невольных слез при столь несправедливых и абсурдных обвинениях. Прошел даже слух, что Павел планирует заточить Марию Фёдоровну в монастырь, а сам жениться на актрисе Шевалье – очевидно, по примеру своего прадеда. При этом церемонии становились всё помпезнее, балы устраивались всё чаще, и представители высшего общества чувствовали себя подобно загнанным лошадям. Поговаривали о заговоре, о сонме недовольных, и император сам знал, как его ненавидят, – он боялся собственных детей, собственной жены, поэтому Михайловский замок с его запутанной системой коридоров и странной планировкой комнат должен был служить крепостью, в которой он мог укрыться от собственных подданных. Обо всем этом говорилось и в доме Ливенов, говорилось в открытую – друзья супругов устали бояться и притворяться, словно всё идет как ни в чем не бывало. Дотти впитывала эти разговоры, как губка – с тем, чтобы запомнить их на всю жизнь. Ей самой делалось страшно, она вновь, как в детстве, начала молиться перед сном – не особенно проникновенно, но зато регулярно. Близость катастрофы чувствовалась очень остро.

Зима 1801-го года казалась нескончаемой. Гнилая петербургская оттепель, пришедшая в столицу после крещенских морозов, вгоняла в сон, тяжелила голову. Воздух превратился в жёлтый, душный пар.

В кабинете императора в Михайловском даже днём горели свечи – так было темно. Лёгкий налёт чёрной плесени въелся в потолок – в недавно построенном замке влажность была почти абсолютная, многие его обитатели заболели из-за неё, но Павлу было всё нипочём. Его занимало другое. Генерал Буонапарте недавно предложил ему повернуть одну авантюру, смелую и дерзкую, но вполне осуществимую – завоевательный поход в Индию.

А граф Кристоф стоял перед ним навтыжку, слушая рассуждения о том, как Войско Казачье завоеует за несколько месяцев всю Индию и выгонит англичан из Калькутты, и думал: “Сумасшедший. Как пить дать, сумасшедший”.

– Убрать англичан оттуда будет легче лёгкого, – продолжал Павел Петрович, наматывая круги по кабинету. – Договориться с местными... Они же страдают от притеснений этих милордов, а мы им полную свободу торговли пообещаем. Все сокровища Индии будут в наших руках! Я тебе покажу, как они пойдут. Неси карту.

– Ваше Величество, все наши карты только до Хивы, – каким-то бесцветным голосом произнёс граф. У него резко закружилась голова, зашумело в ушах, и он испугался того, что у него опять хлынет кровь из носа, как сегодня утром. Чувствовал он себя отвратительно с самого утра, даже хотел сказать больным и не идти на службу, но долг есть долг, жара вроде бы не было, просто подташнивало слегка и голова болела, наверное, из-за погоды.

– Ну так неси глобус! – нетерпеливо воскликнул император.

Вооружившись острым карандашом, государь начертил извилистую линию от Черкаска до истоков Ганга. Треугольное очертание Индийского полуострова манило его неизведанностью, сулило невиданные богатства и славу.

– Сможешь описать в подробностях этот маршрут? – спросил он у Ливена.

Тот слабо кивнул.

– Так ступай, принимайся за работу! – приказал тот ему. – И напиши Орлову-Денисову, чтобы казаки немедленно выдвигались.

Кристоф быстрым, неровным почерком написал рескрипты, ругая себя за трусость. “Я всего лишь мальчик для битья”, – оправдывал он себя по окончании работы. – “Меня взяли не рассуждать, а исполнять царскую волю... Но он хочет погубить всё казачье сословие. Какой Ганг?! Они и Киргиз-Кайсацкую степь не перейдут по нынешней погоде. А фуража там вообще нет. Государь казаков погубит, а свалят на меня”. Граф встал, прижался щекой к холодному стеклу, закрыл глаза. Нет, после отправки рескриптов он пойдёт в отставку. Нервы уже ни к чёрту, скоро он тоже начнёт биться в истерике и орать по малейшему поводу на всех и вся, как его повелитель... Что там говорил Пален? “Кристин, ты выглядишь как чахоточный. Или переводись на штатскую службу, или иди в отставку, на вольные хлеба”, – сказал давеча генерал-губернатор столицы, человек, в котором Ливен всегда видел друга. Немудрено выглядеть как чахоточный, если ты по 12 часов в день общаешься с безумцем, которому место в “жёлтом доме”, и подписываешь не менее безумные указы, не смея возразить ему. “Как его ещё терпят...” – подумал граф.

Граф вернулся из дворца необычно рано для себя – в шестом часу вечера. Но он не уселся за стол, а напрямик прошёл в спальню. “Странно”, – подумала Дотти. Поднимаясь к себе, она услышала звуки сдавленных рыданий. Постучавшись в дверь и обнаружив, что она не заперта, юная графиня без спросу вошла в комнату. Кристоф, как был, не переодетый, лежал на постели лицом вниз и горько плакал.

– Что случилось, mein Lieben? – тревожно проговорила Дотти. “Отставка... Ссылают в Сибирь... Кто-то умер?” – пронеслись, как молния, мысли в голове.

Кристоф оторвал лицо от подушки и взглянул на неё отчаянно. Дотти невольно испугалась – её сдержанный, милый, любезный Бонси лихорадочно дрожал, безмятежное лицо опухло от слез, как у маленького ребенка. Он истерично засмеялся:

– Что случилось? Так, ничего особенного. Просто Его Величество сегодня решил завоевать Индию. Через месяц казаки должны уже добраться туда.

– Как – завоевать? – Дотти была растеряна и не знала, что сказать на эти слова.

– Войском казачьим, все просто. Тысяча человек – и всё! Выдвигаться – и точка! Мне надо подготовить рескрипт, отправить приказы, дать всему делу ход – мне, Кристофу Генриху фон Ливену, – граф засмеялся еще громче, его глаза странно блестели и два пятна нездорового румянца выступили на его бледных щеках.

– Продолжаю, – проговорил он уже поспокойнее. – Карт местности нет. Сведений о неприятеле точных нет. То есть, словно англичан не существует в природе, и Индия тем

не нужна. Вот, я пишу рескрипт атаману Орлову-Денисову: “Идите туда, не знаю куда, завоюйте то, не знаю что”, подписываю своим именем – и конец! Это смешно... – Кристоф закрыл глаза.

– Неужели конец?... – повторила Дотти растерянно.

– Не притворяйся душой, милая, – граф впервые посмотрел ей в глаза, и она прочитала в его взгляде ясность безумия. – Я же знаю, ты умнее всех женщин и умнее меня, хоть я – *mein Gott im Himmel* – государственный человек! Его, – он показал рукой куда-то в сторону, – скоро свергнут. Так не может далее продолжаться.

– Но что я говорю тебе?! – испугался Кристоф. – Ты же всем разболтаешь. И я написал рескрипт, который убьет людей и уничтожит казаков. Они не дойдут и до Хивы.

– А вдруг всё обойдётся? Вдруг там благоприятная местность? Вдруг Государь отменит приказ – ты же его знаешь? – Дотти старалась хоть как-то ободрить мужа, но тщетно.

– “Благоприятная”... “отменит”, – передразнил он её. – Это верная смерть, и даже не отряда Орлова-Денисова, а всего Войска Казачьего. Скажу больше – всей российской армии. И страны тоже! Я не подпишусь под этим проектом. Сибирь – наплевать, разжалование – наплевать... Я больше не могу так жить.

Кристоф обессиленно рухнул на подушки. Дотти порывисто обняла его и прикоснулась губами ко лбу – он был очень горячий.

Бонси вновь заплакал, потом пробормотал: “Тибель всего войска – какие пустяки, *mein Gott*... Я готов отправиться на каторгу, но палачом быть – увольте от такой чести. Я не заодно...», и забылся в беспамятстве.

Ночь выдалась беспокойной. Кристоф горел в лихорадке, поминутно требовал воды, бредил об адском огне, крови, которая нестерпимо воняет и не отмывается от его одежды, о пустыне, в которой умирают казаки один за другим... Дотти вместе с горничными и камердинером не смыкала глаз. Поутру позвали за доктором, который констатировал нервную горячку, сделал кровопускание и посоветовал ничем не волновать больного. “Легко советовать, – подумала Дотти – когда он держит всё волнение внутри себя”.

Все затаённые и тщательно скрываемые эмоции, долго сдерживаемые чувства, страхи и тревога воплотились для графа Ливена в тяжёлую болезнь, от которой почти не помогли все обычные средства. В бреду он проговаривал вслух всё то, что копилось у него в душе долгие годы, и ему делалось легче. Когда жар и бред отступали, граф приходил в себя, не в силах сделать лишнее движение от охватывающей его слабости. Он был несказанно благодарен жене, неотлучно сидевшей у его постели, подносящей стакан с водой к его спёкшимся губам и менявшей ледяные компрессы на его голове. О том, что творится во дворце и какая судьба ждёт его, граф даже боялся думать. Хотя о нём никто не забывал. На адрес Кристофа приходили разгневанные послания, суть которых сводилась к одному – сколько можно болеть? “Состояние государственных дел не должно зависеть от того, насколько хорошо вам помогают шпанские мушки и прочие снадобья”, – так гласило одно из посланий. Далее сообщалось: “Если двух недель вам недостаточно, чтобы поправиться, ваш портфель будет передан князю Гагарину”. Без дальнейших рескриптов начальника военно-походной канцелярии проект по завоеванию Индии превращался в ничто, а действующий начальник лежал в горячке, и если болезнь не убьёт Ливена, то ему грозит в самом благоприятном случае отставка. Про неблагоприятный исход событий не хотелось и упоминать... Кристоф прекрасно осознавал всё это и повторял только: “Он ничего не получит, только через мой труп” и просил Дотти писать любезные письма, в которых сообщалось, что ему совсем плохо, ничего не помогает, и он уже исповедовался и причащался.

Болезнь Кристофа пугала Дотти тем, что она не напоминала обычную лихорадку, когда на шестой день наступает кризис, а потом начинается постепенное выздоровление. Кроме постоянного жара и бреда её супруг, казалось, ничем не страдал. Послания из дворца делали ему только хуже. Однако доктор твердил, что непосредственной опасности для жизни нет.

“Болезнь вашего супруга имеет, скорее, душевный, а не физический характер. Уберите источник беспокойства – и он снова будет здоров”, – говорил доктор важным тоном этой перепуганной тоненькой девочке. “Если бы всё было так просто...” – думала она. Но постепенно Кристофу становилось лучше – высказав в бреде все свои страхи, он чувствовал себя заново родившимся.

– Я непременно подам в отставку, – говорил он жене.

Дотти пожимала плечами:

– Я буду только этому рада. Но... знаешь, с больных спрашивают меньше. Мне кажется, нужно ждать и терпеть – что-то будет.

Алекс тоже был в лихорадке, но иного рода – лихорадке нетерпения. Дотти потихоньку поведала брату всё, не скрыв от него свои страхи и догадки.

– Кажется, скоро изменится всё, – многозначительно проговорил Алекс. – И Кристофу не придется подписывать этот злополучный рескрипт.

Внезапная догадка поразила Дотти.

– Ты состоишь в заговоре? – прошептала она.

– Заговор существует, каждая собака если о нём если не знает, так догадывается. Но я не участвую в нём. И не знаю, кто участвует, не скажу наверняка, – Алекс казался отстранённым. – Одно могу сказать: его мне будет не жаль.

– И мне тоже, – промолвила Дотти.

Приезжал фон дер Пален. Граф Петер был необычайно весел, постоянно шутил с Дотти, сообщал городские новости и курьёзы, но когда дело доходило до чего-то серьёзного, то они с Кристофом под предлогом, что им надо обсудить “скучные военные и канцелярские дела”, уходили в его кабинет и запирались надолго, оставляя её одну.

...Кристоф благословил свою болезнь. Она списала всё, сняла с него ответственность за эту злосчастную экспедицию. Сейчас, когда опасность миновала, граф даже не пытался начать выезжать из дома. Доктор действовал в его интересах и тоже говорил, что нужно вылечиться до конца, иначе горячка может повториться и в этот раз оказаться смертельной. Так медик докладывал и государю, весьма негодующему на то, что его военный советник подозрительно долго болеет. Да и по вечерам у Кристофа ещё поднимался жар, правда, бреда больше не было, но сны снились слишком яркие.

После одной из бесед с фон дер Паленом граф пожалел, что не умер от этой болезни. Кристоф тому доверял как доброму дядюшке, почти как отцу – сам граф Ливен-второй имел весьма смутные воспоминания о родном отце, умершем, когда Кристхену едва исполнилось шесть лет, поэтому, как и многие люди, выросшие без отцовского влияния, он инстинктивно искал ему замену в мужчинах значительно старше его. И граф Петер поставил его в страшное положение, выход из которого Кристоф, как человек чести, видел только один. Самоубийство.

В первую их встречу, когда они заперлись в кабинете от глаз и ушей любопытной Доротеи, Пален сказал, глядя Кристофу прямо в глаза:

– Кристхен, я тебе всегда доверял. Ты балт, и я балт. Все видят, что вытворяет этот Бесноватый. Я догадывался, что ты не просто так свалился с горячкой. Я знаю, к чему тебя склоняли.

Граф Ливен усмехнулся горько и отвечал:

– Я готов костями лечь, чтобы не дать этому свершиться. А ведь казаки всё-таки пойдут в Индию. Меня уберут – Гагарин всё подпишет. И прощай, армия. Прощай, Россия.

– А ведь тебя не уберут, Кристхен, – тонко улыбнулся граф Петер.

– Да уж, конечно, – мрачно отвечал его собеседник. – То-то меня замучили посланиями из дворца, мол, нам такие слабые здоровьем не нужны.

– Он не успеет, – продолжал Пален. И внезапно, подойдя к Кристофу поближе, спросил напрямую:

– Ты с нами?

– С вами? – растерянно переспросил граф.

– Есть шанс спасти армию и Россию. Мы собираемся свергнуть Бесноватого в пользу Александра Павловича. Вся Гвардия в курсе. И твой старший брат тоже. Решайся.

Во внешности Палена граф заметил что-то хищное, чего ранее не замечал. Странный этот, фон дер Пален – волосы тёмные, лицо смуглое, а глаза при этом светло-голубые. Вроде бы здоровяк, косая сажень в плечах, но при этом есть в его фигуре что-то гибкое, увёртливое, как у змеи или лисицы. Взгляд – как у дикого зверя. Кристоф вспомнил, что в Риге фон дер Палена давно звали “Der Schwarze Peter” – как пикового валета в известной простенькой, но азартной игре. Граф Ливен знал её немудрёные правила. Тот, кто остаётся со Schwarze Peter'ом на руках, сбросив все остальные парные карты, – проигравший. Вот и он, Кристоф, почти проиграл. Если только он какой-то хитростью не передаст карту другому, не избежит от рокового валета пик, не сбросит с себя это бремя.

Идти в заговорщики ему совсем не хотелось. Измена же, цареубийство, практически отцеубийство, если учитывать, что граф Ливен всем обязан Павлу Петровичу. Но выдавать Палена и его соратников государю Кристоф тоже почитал бесчестьем. Надо найти третий путь. Но какой? И кто подскажет, как поступить? Кому можно довериться?

Он вздохнул. И прошептал:

– Герр Петер, мне нужно подумать.

– Думай, только недолго. И постарайся снова не заболеть, – проговорил фон дер Пален, слегка улыбнувшись.

После ухода главы заговорщиков Кристоф вынул из нижнего ящика стола пистолетный ящик, смахнул с него пыль, раскрыл, полюбовался на пистолеты системы Кюхенрейтера, лежавшие на бордовом бархате обивки. Красивое оружие. И неплохое. На табличке, прикреплённой к внутренней стороне крышки, он прочёл надпись, гравированную причудливым шрифтом, который, кажется, называют “готическим”: “Моему любезному другу, лучшему стрелку всех трёх Остзейских провинций, графу Кристофу Генриху фон Ливену. 6.V.1799. От графа Палена”. “Вот и ответ на мои терзания”, – усмехнулся про себя Ливен. Он прикоснулся к резной стали оружия, погладил инкрустированную позолоченной слоновой костью ручку одного из пистолетов. Вынул его из ящика, насыпал пороху, вставил пулю. Заряжал оружие граф с закрытыми глазами – сколько раз в своей жизни он проделывал эту процедуру! “Как лучше – в сердце или в голову?” – подумал он безучастно, глядя в чёрное дуло пистолета, туда, где притаилась благословенная смерть, на стороне которой всегда лежит истина. Он не выдаст фон дер Палена и не станет изменником. Вот и выход!..

Граф поднёс пистолет к левой стороне груди. Подумал, что не знает точно, где именно находится сердце. Если выстрелит сейчас – он, может быть, и не сразу помрёт. Нет, вернее всего стрелять в голову. Кристоф знал, что люди с простреленной грудью ещё имеют шансы выжить, но ранения в голову почти всегда смертельны. Поэтому он упёр дуло в правый висок и положил палец на курок, не решаясь, однако, его нажать немедленно. “Фрицхен”, – вспомнил он о старшем брате, погибшем четыре года назад, но сшившемся ему почти каждый день. – “Тебе повезло. Почему меня не убили тогда вместе с тобой? Тогда бы всего этого не было...” Словно издали ему послышался голос покойного брата: “Не делай этого, Кристхен. Тебя же закопают, как самоубийцу. И отпевать не будут. И молиться за тебя будет нельзя. Ты даже в ад не попадёшь, а навсегда застрянешь между небом и землёй. Я-то знаю, видел *здесь* таких немало. Подумай о своей жене – чем она-то заслужила? Ты же не трус и не подлец, я это знаю”. Внезапный озноб прошиб графа, дрожащей рукой он отвёл пистолет от виска. Потом аккуратно разрядил пистолет, положил его обратно в ящик. Граф ощущал себя ничтожеством и предвидел своё грядущее бесчестье. Но решиться на самоубийство сейчас не мог. И не потому что беспокоился о посмертной участи своего тела и души. Он понимал, что просто *не готов*

к смерти. Совсем не готов. И да, он теперь не один. От него зависит судьба этого пятнадцатилетнего ребёнка – его жены Доротеи. Надо думать и о ней.

В этот же вечер из дворца прислали записку о пожаловании графа генерал-лейтенантом. Его пронзил ужас, и Дотти это очень удивило.

– Он всё знает... Вплоть до имен и мыслей, – признался супруг ей перед сном, когда они лежали в кровати. – Это такой хитрый шаг, чтобы вернее меня уничтожить. Чтобы мне было ещё больнее падать с эдакой высоты. И я не знаю, что делать. Мне всё известно – Пален вчера сказал, пытался меня тоже вовлечь – и могу сейчас же выложить всё, вплоть до имен и дат. Но не готов, рука не поднимется. И молчать тоже тяжело. Каков бы он ни был, всё же Государь мой... Моя мать меня проклянет, если я хоть боком буду замешан в его крови. Я и так, и так буду убийцей – моего повелителя или моих друзей, останется только пустить себе пулю в лоб.

– А кто тебя заставляет убивать его, доносить на Палена и всех остальных – и вообще, что-то предпринимать? – спросила Дотти, пристально глядя на Кристофа. – У тебя была горячка, лежал без памяти, доктор и я свидетели, ты ещё слаб и никуда при такой сырой погоде не можешь выезжать из дому. Понял? Так и говори всем тем, кто от тебя сейчас захочет каких-нибудь решительных действий.

Она сжала его тонкие длинные пальцы в подкрепление своих слов.

Граф твёрдо кивнул головой, внутреннее восхитившись не по годам прозорливой супругой. Он бы без неё наделал глупостей, как пить дать. Возможно, не выдержал бы до утра, и его мозги сейчас бы растекались кровавым пятном по дорожному штофу обоев, украшающих кабинет...

11 марта Пален вновь пришёл к графу. И не один, а с Карлом, братом Кристофа. И в разговоре с ними впервые всплыло упоминание о *независимом королевстве Ливонском*. О мечте, не дававшей спокойно спать многим остзейцам. Ныне она казалась такой реальной, так легко осуществимой... Только надо было уговорить будущего короля на решительные действия. Это оказалось не так-то просто.

ГЛАВА 8

Сакнт-Петербург, 11 марта 1801 года.

Часы в гостиной пробили восемь вечера. Граф Кристоф, принимавший у себя в библиотеке старшего брата вместе со старшим же товарищем, графом фон дер Паленом, старался не смотреть на своих гостей. Он прекрасно знал, что от него ждут ответа. И ответа положительного. Но графу Ливену было нечем порадовать главу заговорщиков. Он выбрал нейтральную позицию и намеревался держаться её до конца.

– Ну как, Кристхен, ты решился? Ты с кем? – наконец спросил фон дер Пален.

– А можно, я буду сам по себе? – проговорил Кристоф, пытаясь обратить разговор в шутку.

Карл, очень красиво одетый, в черном камзоле с серебряным шитьем, на каждом пальце – по по перстню, прервал его :

– Нет, Кристхен, нельзя.

– Начнём с того, что я давал присягу... – Кристоф помрачнел, поняв, что уйти от ответа не удастся. Особенно в присутствии старшего брата – человека гневного и жестокого.

– Мы все давали присягу. Но если на престоле безумец... Или ты находишь его действия разумными? – подмигнул ему Пален.

– Нет, но что будет, если он разоблачит всех? – этим вопросом граф Ливен в очередной раз продемонстрировал свою хваленую предусмотрительность. Карл даже поморщился, услышав его слова.

– Слишком многих придётся хватать и сажать по тюрьмам, – покачал головой граф Петер.

– С него станется, – парировал Кристоф.

– Именно поэтому мы его и свергаем, – улыбнулся его старший товарищ.

– Но я-то тут причем? И ты, Карл, тоже в заговорщиках? – граф растерялся.

– Всё беспокоишься за свою драгоценную карьеру, крошка Кристхен? Понимаю-понимаю. Я в сочувствующих, если хочешь знать. Заговор свершат офицеры моего бывшего полка, – усмехнулся старший из фон Ливенов.

– Беспокоюсь я не за карьеру. Даже не за себя. За жену. Девочке всего пятнадцать лет! – Кристоф тогда вновь почувствовал жар, в голове шумело от прилива крови.

– Если нас... нет, вас всех схватят. И меня... Что тогда? – проговорил он, попытавшись взять себя в руки.

– Ты такой трус, Кристхен, что даже противно. – жёстко отвечал его брат.

Кристоф начал подбирать слова, чтобы достойно поставить на место Карла, но вмешался фон дер Пален, произнеся:

– Не ссорьтесь, мальчики. Раздор в нашем деле ни к чему.

Потом он обратился к младшему из Ливенов:

– Я понимаю причины твоей осторожности, Кристхен. И твою тревогу за будущее милой Дорхен. У меня тоже есть жена и дети. Но я, тем не менее, участвую и даже возглавляю. Ибо знаю – это почти выигранное дело. Вся гвардия на нашей стороне.

Граф, тем не менее, не давал себя так просто уговорить.

– Наследник знает? – спросил он.

Оба его гостя уверенно кивнули.

– И поддерживает? – продолжал допытываться Кристоф.

Ему подтвердили и это.

– А императрица? А наша мать?

На все эти вопросы ему ничего не ответили.

– Карл, – обратился тогда Ливен к старшему брату. – Ты прекрасно знаешь, что наша мать нас обоих проклянёт...

– Не проклянёт, – оборвал тот его. – Когда узнает, ради чего всё это затевалось.

– Ради России! – воскликнул он язвительно.

– Не только ради России, – улыбнулся Пален.

– Мы остзейцы. Со времен Ништадтского мира и ста лет не прошло... – начал он изда- лека, не дожидаясь вопросов. – Мы служим государям Российским, но не забываем и родину.

– Иными словами, Кристхен, – Карл заговорил прямо, – Не хочешь стать королём Ливо- нии?

Кристоф схватился за голову. Нет, это был сущий бред. Какие еще короли?! Кто-то из них троих явно был сумасшедшим. А, может быть, и все.

– Во-первых, в Ливонии никогда не было королей, – начал он.

– Будут, – твёрдо произнес Пален.

– Но почему выбор пал на меня?

– Потому что ты Ливен, – Пален отвернулся от него и начал рассматривать гравюру с мор- ским пейзажем, висящую на стене.

– Мы потомки одного из немногих остзейских родов, происходящих от исконных жите- лей Ливонии, – пояснил Карл.

– Хорошо, но почему тогда я, а не ты? Не понимаю. Карл, ты старше меня... – проговорил совсем сражённый тем, то ему только поведали, Кристоф.

– Я старше тебя по годам. Не по званию. Не по влиянию. Нужен человек, близкий ко Двору. Это ты, – проговорил Карл, переплетая свои длинные пальцы в замок.

– Тем более, из такого рода. – добавил граф Пален. – Кровь Каупо. Идеальная кандида- тура. Решайся и станешь родоначальником династии. А твоей девочке очень пойдет золотая корона... – подтвердил и дополнил слова брата Пален.

– Бред какой-то, – усмехнулся Кристоф. – Что ж, вы хотите отделиться от Империи?

– Сначала мы образуем королевство. Добиваемся автономии. Далее – посмотрим, – ответил ему Карл.

– Это что же, как поляки? – Кристоф попытался собрать мысли воедино. – Карл, ты же сам подавлял их восстание.

– Нет, мы не будем совершать их ошибок. Мы сыграем на преданности престолу. Упро- чим влияние. Будем добиваться всё большей автономии. Твоя мать и так уж некоторого доби- лась, – бесстрастно произнес Пален.

– Матушка?! – с ужасом воскликнул младший фон Ливен.

– Да, – отвечал его брат. – Хотя бы того, что в генерал-губернаторы нынче назначают местных. И сохранились консистории. И мы, остзейцы, сохранили за собой свои земли – их не раздали всяким Кутайсовым по прихоти государя. И многое другое, по мелочи. Например, сохранение лютеранства как основной религии нашего края. А то Екатерина-матушка в Риге православный собор строить собиралась.

– Этого всего добилась наша мать? – Кристоф сам не верил в то, что говорили ему.

– Не только. И мать твоей жены тоже постаралась в своё время... – задумчиво проговорил Пален. – Ну что, ты теперь с нами?

– Пойдите. Как вы хотите это осуществить? – Кристоф поглядел искусителю прямо в глаза.

– Всё просто, – ответил Петер. – Мы убираем Бесноватого. На престол восходит Алек- сандр. Я становлюсь его правой рукой. И подвожу его к мысли об автономии Ливонии. Мол, мы должны быть сами по себе. И нам нужен король, а также статус королевства – не края, не губернии. Voilà. Тебя коронуют в Домском соборе...

В глазах Палена не было безумия. Чувствовалось, что он всё прекрасно продумал. “Нереально”, – подумал Кристоф. Но на этом свете всё реально. Ведь стал же сам Кристоф в 22 года военным министром, перескочив через три звания – из подполковника в генерал-майоры. С чем чёрт не шутит, может быть, он и вправду станет королём когда-нибудь?

– Подождите, – проговорил он слабым голосом.

– Мы и так уже две недели ждём, – возмутился Карл фон Ливен. – А ты нас всё завтраками кормишь. Имей совесть, брат.

– Замолчи, – оборвал его Пален. – Пусть скажет, что собирается сказать.

Кристоф закрыл глаза. Ему стало опять плохо, похоже, снова поднялся сильный жар. Мысли путались. Вспомнилось – четыре года назад, где-то на пыльных военных дорогах, увязалась за ним какая-то оборванная старуха, цыганка, кажется, а может, и не цыганка: “Погадаю-погадаю, всю правду расскажу”. “Отвяжись, мать”, – со смешком сказал его брат Фрицхен. – “Денег нет”. Кристоф брезгливо одёрнул грязную руку нищенки со своего рукава, кинул ей пару монет, оставшихся в кармане. “На тебе вижу два царских венца”, – выпалила старуха, подобрав деньги. “А над тобой”, – она указала на Фридриха. – “Скоро крест поставят”. Тогда они посмеялись – скупцам такие гадалки всегда предрекают несчастья, а тем, кто расщедритсЯ им на милостыню – все блага земные и небесные. Но эта бродячая “пифия” оказалась права, и над Фрицхеном действительно “поставили крест” в том же году. “Может быть, она была права и в отношении меня?” – подумал в полубреду Кристоф.

Вспомнилось и другое. Он, молоденький флигель-адъютант, сопровождал в 1793 году изгнанного наследника французского престола, брата убиенного короля, в Митаву. Герцог и разговорился с ним, спросив, между прочим, какой у юного поручика герб. Кристоф описал. “Так у вас тоже есть fleur de lys?” – проговорил изгнанник. – “А знаете, что это указывает на *королевскую кровь*? Только те, чьи предки не были рабами и низкорожденными, имеют право на fleur de lys в гербе. Возможно, мы с вами ровня”. Кристоф тогда не воспринял слова герцога д’Артуа всерьёз. Так, праздная болтовня. Нынче граф вытянул перед собой тонкую длинную руку, посмотрел на переплетения синих жил на внешней стороне ладони и на запястье. *Королевская кровь, говорите?* На память пришла и легенда о родоначальнике всех Ливенов, некоем ливе Каупо, первым из своего народа крестившемся от Тевтонских рыцарей и воевавшем против своих же соплеменников-язычников. О нём написано в “Хрониках” Генриха Ливонского, а развалины его замка, прозываемого Трейденем по-немецки, Турайдой – по-латышски, до сих пор виднеются с холмов близ Кремона. Его называли “старейшиной”, “вождём”, “князем”, а иногда и попросту “королём”... Неужели Пален прав? И они, фон Ливены, потомки Каупо по женской линии, имеют все права на несуществующий престол королевства Ливонского?

– Вот что, – сказал он вслух, чувствуя, как перед глазами всё чернеет. – Делайте с ним, что хотите. Я ничего не знаю. Я вообще болею и, мне кажется, сегодня всё заново начнётся...

– Хватит уже притворяться! – закричал на него старший брат. – Ты здоров как бык, ты просто изображаешь из себя больного, потому что трус и ничтожество!

Пален подошёл к Кристофу, положил свою широкую ладонь ему на лоб.

– Карл, не надо. Он и вправду... Оставим его. Он всё равно не сможет служить *нашему делу* в таком состоянии.

...После их ухода граф позвал камердинера Адольфа и приказал пустить себе кровь. “А кровь у меня алая, как и у всех, совсем не голубая. Какой я прирождённый король?”, – думал он, глядя, как тёмно-багровые потёки растворяются в тёплой воде. Нет, эта идея с королевством – безумие. Каждый сходит с ума по-своему, а он постарается сохранить здравомыслие, насколько это возможно в нынешних обстоятельствах.

После того, как Адольф перебинтовал ему руку, в кабинет постучалась Дотти.

– Кристхен, с тобой опять нехорошо? – спросила она взволнованно.

– Сейчас лучше, – он слабо, но ободряюще улыбнулся. – А что это у тебя в руках?

– Опять записка из дворца, – вздохнула она. – А зачем приходил граф Пален с твоим братом?

– Они приходили искушать меня, – ответил граф жене. – Но я не поддался. А что в записке? Можешь мне прочесть?

Дотти сломала печать, развернула её и зачитала:

– “Так как все сроки для вашего выздоровления вышли, ваш портфель будет передан тем, кто в силах нести обязанности свои”. Ой, что теперь будет?

– Всё, что угодно. – мрачно проговорил граф.

Доротею пробрал холодный пот.

– Пойдём спать, – шепнула она.

– Ты иди, я попозже, – Кристоф перевёл взгляд на часы. Половина двенадцатого. “Сегодня”, – пришло ему в голову. – “Всё свершится сегодня ночью”. Потом и сам лёг спать в самом угрюмом расположении духа. “Если за мной придут и я не вернусь домой в течение суток, делай вот что”, – прошептал он полусонной жене. – “Все бумаги из первого ящика стола брось в камин. А сама быстро выезжай к отцу в Ревель. Под девичьей фамилией. Поняла?” Она в ответ пожала его руку. И так и не выпускала его узкую ладонь из своей, даже когда сон заставил её забыть все тревоги и страхи.

Михайловский замок, ночь на 12 марта 1801 года.

Шарлотта фон Ливен уложила своих воспитанников спать сама. Не все с одинаковым покорством ложились в постель, особенно старшие девочки – Мари и Като, которые потом перешёптывались в своих кроватях, надеясь, что их никто не услышит. Никс и Анна заснули сразу же. Мишель и так спал уже большую часть дня. Он болел уже три дня, вечная напасть маленьких детей – воспаление ушей, всю ночь плакал от дикой боли, которую едва облегчали капли и припарки, предписанные доктором. Нынче боль и температура спали, малыш спал спокойно. Пользуясь затишьем, гувернантка написала записку среднему сыну, который из-за болезни уже почти месяц нигде не бывал.

Потом она помолилась за всех, кого знала, за живых и мёртвых. И за покойную – увы, ныне покойную – принцессу Александру, её старшую и любимую воспитанницу, недавно скончавшуюся в родах вместе с ребёнком. “А я всегда говорила – не надо было выдавать её замуж за паписта”, – подумала фрау Шарлотта. Александра Павловна стала женой Паладина Венгерского, сына австрийской эрцгерцогини, сразу невзлюбившей новую невестку за то, что та отказалась переходить в католичество. Графиня была уверена – без яда там не обошлось. Саша была ласковой, красивой, нежной девочкой, не сделавшей никому никакого зла, – и вынуждена пасть жертвой интриг, зависти и ненависти! Как её племянница – увы, отравленная самой фрау Шарлоттой. Графиня Ливен пыталась стереть из памяти, как она капала опий в бутылочку с молоком, пыталась оправдать себя фразами “меня заставили”, “я была всего лишь исполнительницей” и “там было всего две капли – может быть, Мария скончалась вовсе не от этого”. Но не могла изгнать из памяти, что смерть любимой подопечной, равно как и опасная болезнь её среднего сына – некая кара Господа за грех, совершённый ею. “Прости меня, Lieben Herr, если можешь”, – проговорила она шёпотом. Затем легла в постель. Заснула не сразу. Да, приближение старости знаменуется тем, что плохо засыпаешь и слишком рано просыпаешься. А ей, Шарлотте-Маргарете фон Ливен, исполнится летом 58 лет. Немало. “Надо составить духовное завещание”, – подумала женщина. Завещать ей теперь было много чего. Ещё надо подумать, как разделить земли и капиталы, чтобы все остались довольны...

...В её комнате было очень сыро, от дыхания волнами ходил пар. Неудивительно, что все здесь, в Михайловском замке, болеют, особенно маленькие дети. В зеркалах, запотевших от сырости, можно увидеть причудливые отражения. И основатель этого мрачного чертога

видит себя в этих зеркалах удавленником со свёрнутой набекрень шеей... Давеча, за ужином, он говорил о своих предчувствиях прямо. Слишком прямо. Про раскрытую на сцене убийства Цезаря Брутом книгу, которую нашёл на столе Наследника; про злополучные зеркала; про шаги, скрипы и стуки, которые слышит сквозь сон каждую ночь... Неуклюжий толстоватый мальчишка, Ойген фон Вюртемберг, племянник императрицы, вызванный Павлом в Петербург два месяца назад, имел наивность спросить у фрау Шарлотты, что это означают все эти разговоры. Она отвечала резко: “Это не касается ни вас, ни меня”. Принц Вюртембергский ей не нравился, особенно в связи с тем, что его, по слухам, государь хотел сделать своим наследником в обход всех своих сыновей. И женить на принцессе Като, которая в открытую насмеялась над неловкостью, застенчивостью и неотёсанностью Ойгена. “Если это случится”, – подумала фрау Шарлотта. – “Я попрошу отставки и поеду достраивать Мезоттен”. Мезоттен, богатая мыза в Курляндии, была подарена ей не так давно. Графиня там никогда не бывала и наняла итальянского архитектора Кваренги, чтобы тот сделал всё по своему вкусу и в духе последних модных веяний. Она даже не вмешивалась в его работу, только оплачивала по счетам. “Мне нужен дом, в котором можно жить”, – таковы были её единственные указания архитектору. Скоро всё будет готово. И она сможет спокойно окончить свои дни в родных краях. Фрау Шарлотта заснула, и ей снились родная мыза Халликст, покойный отец...

Она проснулась от того, что её дверь кто-то открывает. Резко села в постели – даже голова закружилась. Перед ней стоял граф Пален.

– В чём дело? – отрывисто проговорила она.

– Фрау Шарлотта. Государь только что скончался, – проговорил спокойно граф.

– Апоплексическим ударом, – добавил он наскоро, предвидя её расспросы. – Надо бы государыне сообщить.

Женщина встала с постели, выпрямившись во весь свой рост, позволявший ей смотреть графу прямо в глаза. Она поняла, что произошло, по его лицу, по несколько растрёпанному виду, по странному блеску в глазах. И он узнал, что эта старуха его раскусила и отпираться перед ней нынче не имеет смысла.

– Его же убили! – бросила графиня в лицо Палену.

– Конечно, – с ухмылочкой подтвердил он. – Теперь мы избавились от тирана.

Он приблизился к ней с намерением пожать ей руку, но фрау Шарлотта оттолкнула его от себя резким, сильным движением и, наскоро одевшись, вышла из комнаты.

– Куда же вы? Там повсюду часовые! – воскликнул он ей вслед.

– Я знаю свои обязанности, – сухо проронила пожилая дама, не глядя на царевубийцу.

Внизу лестницы и в самом деле стояли солдаты. При виде графини они сомкнули штыки. “Нашли чем напугать”, – усмехнулась она про себя.

– Ребята, я графиня Ливен, семнадцать лет служу государыне и иду к ней с докладом о состоянии её больного сына, – проговорила она по-русски. – Пропустите меня.

Штыки разомкнулись. Ей отдали честь и пропустили. Графиня несколько раз натыкалась на препятствия в виде стражи, но ружьями, шпагами и саблями её, жену генерала, мать четырёх офицеров, с ранней юности умеющую управляться с оружием, было не испугать. Судя по количеству находящихся в замке солдат, в перевороте участвовала вся Гвардия. “Что же они с ним сделали?” – подумала фрау Шарлотта. В последнем зале, справа от которого находились двери в покои государыни, а слева – в покои императора, собрался, казалось, целый батальон.

– Дайте дорогу, – спокойно произнесла женщина.

Солдат на карауле заколебался, кто-то сказал: “Это что ещё за баба? Гони её в шею!” и присовокупил что-то матерное.

– Вы не смеете меня задерживать! – возвысила она голос. – Я отвечаю за детей императора и иду с докладом к государыне о великом князе Михаиле, которому нездоровится. Не мешайте мне исполнять мои обязанности!

Не предвидя такой отпор от старушки, дежурный офицер поклонился и уступил ей дорогу в апартаменты, пробормотав “Excusez-moi, madame...”

Мария Фёдоровна сладко спала, прихрапывая во сне. Графиня потрясла её за плечо легонько.

– Mein Gott, Лотта, как же ты меня напугала! – испуганно пробормотала государыня спросонья. – Что случилось? Беда? С Мишелем?

Она вскочила с постели, растрёпанная, как ведьма.

– Нет, Ваше Величество. Его Высочеству лучше, он спокойно спит.

– Кто-то другой заболел? Из детей? – не унималась Мария, которую охватили самые страшные предчувствия, тем более, лицо её верной служанки, прибежавшей к ней посреди ночи, было торжественным и скорбным.

– Все здоровы, государыня, – отвечала фрау Шарлотта, стараясь не глядеть на неё.

– Ты что-то скрываешь от меня, – прошептала её повелительница. – Иначе зачем бы ты пришла ко мне в пол-третьего ночи?

– Дети здоровы, Ваше Величество, это истинная правда. Вот только Его Величество чувствует себя очень нехорошо, – тихо произнесла пожилая дама.

– Странно, что с ним? Вечером же был здоров? И как это вдруг... – Мария Фёдоровна села на кровати, немного успокоившись. – А доктор был? Что говорит?

Графиня села рядом со своей госпожой и позволила себе такую вольность, как взять её за руку.

– Государя больше нет с нами, – произнесла женщина, опустив глаза.

– Как это нет? Так значит, он... – перед глазами государыни всё плыло. – Он...

– Он скончался, – подтвердила графиня, чуть было не добавив: “И не своей смертью”.

– Просите Господа Бога принять усопшего в лоно Своё и благодарите Господа за то, что он вам так многое оставил, – вместо откровений произнесла набожная фрау Шарлотта и первая перекрестилась, начав вслух читать Vater Unser.

Государыня посмотрела на неё расширившимися голубыми глазами и тоже встала на колени перед образами, молясь по-русски, но крестясь так, как крестятся лютеране – всей пятернёй, а не тремя перстами. Она была не в себе, путала слова, а потом, произнеся “Аминь”, встала с колен и, вперившись взглядом в погасшие серо-голубые глаза своей служанки, прошептала:

– И что же теперь, я императрица? Надо всем объявить! – и решительным шагом направилась из покоев, даже не удосужившись одеться и причесаться.

– Пойдите, Ваше Величество! Там всюду стража! – воскликнула Шарлотта Карловна. – У них ружья заряжены боевыми патронами!

– Лотта, – торжественно воскликнула Мария Фёдоровна, накидывая на себя поданный ею халат. – Ich Will Regieren! Я выйду к Гвардии! Они присягнут мне! Я коронована... О Господи... – простонала она и лишилась чувств.

На шум сбежались все слуги и домочадцы императрицы, и доктор был тут как тут, вместе с ланцетом, которым распорол вену на пухлой белой руке государыни, чтобы привести её в чувства.

Графиня Ливен сама пошла запира́ть двери, пока все возились над несчастной вдовой, казалось, обезумевшей от потери. За дверью женщина услышала голос великого князя:

– Мама, откройте, – умолял он, перемежая свои слова рыданиями. – Мама, это какая-то ужасная ошибка, этого не должно было случиться.. Откройте мне, кто-нибудь!

– Ваше... – фрау Шарлотта не знала, как теперь называть Александра – “Величеством” или “Высочеством. – Государь. Вашей матери не хорошо. Она без сознания. Не стоит пока с ней видеться...

На её слова ответили рыданием, а потом, судя по голосам, явилась великая княгиня Елизавета и начала что-то тихо, но настойчиво говорить – что именно, графиня не разобрала. Александр Павлович дал себя увести.

Когда государыня наконец-то пришла в чувства, она стала требовать, чтобы её провели к покойному мужу.

– Я должна сама увидеть, что с ним произошло, – твердила она сквозь слёзы. – Мой милый Paulchen, как же так... Ведь не может быть, чтобы так сразу...

Добрая половина её окружения знала, что же на самом деле стряслось с “милым Паульхеном” и не хотела её пускать в спальню мужа, наперебой уговаривая её потерпеть.

– Он убит, – прошептала она. – И вы все знаете об этом. И не смеете меня долее задерживать!

Мария Фёдоровна оттолкнула от себя фрейлин и статс-дам, предлагавших ей питьё, холодное полотенце на лоб, хватающих её за руки и направилась к двери.

– Это невозможно, Ваше Величество, там очень опасно, все вооружены, – отчаялась уговаривать её Шарлотта Карловна, которая и сама чувствовала себя на грани обморока.

– Пусть меня убьют! Пусть! Я должна его видеть! – патетически воскликнула женщина и открыла дверь сама.

Стража её не пускала, и тогда императрица рухнула на колени в истерике, заклиная открыть дверь, за которой два часа назад свершилось цареубийство. Офицеры умоляли её встать, но она лишь отрицательно мотала головой и говорила: “Откройте, тогда встану”. Какой-то лейб-гренадёр подошёл с ней со стаканом воды. Она оттолкнула солдата и выпрямилась. Закричали: “Матушка, не бойсь, мы все тебя любим!” А графиня продолжала, используя весь свой дар убеждения, уговаривать свою повелительницу вернуться к себе, отдышаться, успокоиться. Шарлотта примерно представляла, что может твориться в этой спальне и в каком виде находится тело государя, и меньше всего ей бы хотелось, чтобы Мария Фёдоровна своими глазами увидела обезображенный труп мужа.

– А потом-то меня к нему пустят? – умоляюще спросила императрица.

Все офицеры поклялись, что да, только надо подождать хотя бы полчаса. Успокоившись, государыня ушла к себе в покои. Графиня подумала, что надо бежать к детям, отвезти их из дворца, где убили их отца, и направилась в покои великих княжон. Поднимаясь по лестнице, она увидела своего среднего сына, при полном параде, при шпаге и Аннинской ленте.

– Кристхен, – прошептала она, словно не веря своим глазам. Внезапное подозрение родилось в её сердце. Он болел и не выезжал никуда почти месяц. И тут вдруг здесь, во дворце. Неужели её сын в эту ночь действовал заодно с Паленом?!

– Mutti, – прошептал он, сам в шоке от встречи с родительницей.

– Ты почему здесь в такое время? – строгим, металлическим тоном проговорила его мать, чувствуя, что сейчас совсем расклеится. Теперь и сын её оказался цареубийцей. Das ist zer Schröcklich!

– Я всё объясню, – быстро заговорил Кристоф полушёпотом. – Я...

– Мне не нужны твои объяснения, – бросила гневный взгляд на него мать. – Я всё знаю. — Она начала подниматься по лестнице.

– Что ты знаешь?! – крикнул граф, взбегая вслед за ней.

Мать не оборачивалась и уходила от него всё дальше. Ему захотелось расплакаться, как в детстве, когда она так же наказывала его презрительным молчанием за какие-то проступки. И особенно за ложь. Для него это было хуже любой порки. Вот и сейчас...

– Mutti, – он настиг её, положил руку в белоснежной перчатке ей на плечо. – Послушай, пожалуйста, я и сам...

– Ты убиваешь своего повелителя, а потом оправдываешься передо мной? – она развернулась в гневе и стряхнула его ладонь, как некое гадкое насекомое.

– Мама! – в отчаянии возопил её сын. – Я никого не убивал!
– Не убивал, так позволил другим убить, – бросила она ему, отворачиваясь.

Он встал перед ней на колени и торжественно проговорил:

– Матушка. Я ничего не знал о заговоре. Клянусь всем святым, что есть у меня. До полчетвёртого ночи я спокойно спал, а потом за мной приехали из дворца и потребовали к великому князю... то есть, к государю. Это правда! Спроси Доротею, она тебе всё подтвердит.

Выглядел он несколько жалко. Сердце фрау Шарлотты смягчилось. “Кристин же совсем не умеет врать”, – вспомнила она. И проговорила:

– Да верю я тебе. Вставай, нечего тут устраивать театр. Мне надо собрать детей и вывезти их отсюда.

... У Кристофа отлегло от сердца. Он вытер надушенным платком холодный пот и отправился к государыне. “Весело же начинается день”, – усмехнулся он, как-то успокоившись. А ведь только три часа назад он был уверен, что его отправят не во дворец, а в Петропавловскую крепость...

Дом графа Ливена на Дворцовой Набережной, три часа ночи.

Графу в эту ночь снилась всякая несуразица. Какой-то мрачный застеночек, его распинают на пыточном колесе, шепчут: “Признавайся!”, и главным палачом оказывается фон дер Пален. Тут его старший товарищ и “змей-искуситель” голосом Адольфа прошептал: “Герр Кристоф... Там просят войти... Я уж и так и эдак... Срочно, говорят. Из дворца, говорят-с”, – и граф резко открыл глаза. Слуга тормозил его за плечо, пытаясь разбудить. Дотти тоже проснулась и прошептала, зевая: “Что там, Бонси?” “Плохие новости”, – сказал он, запахиваясь в халат. – “Вероятно, в крепость угожу”.

Тут же в спальню заглянул фельдъегерь и с порога выпалил:

– Ваше Сиятельство, Его Величество немедленно требует вас в Зимний.

– Прямо сейчас? – нахмурился Кристоф. – И почему в Зимний? Государь же в Михайловском?

Глаза у посланника государя были какие-то осоловелые. “Пьян как свинья”, – со злостью подумал невыспавшийся граф.

Фельдъегерь оглянулся. Увидел худенькую девчонку, свернувшуюся калачиком на правой стороне просторной кровати, и замаялся.

– Я не могу здесь говорить, Ваше Сиятельство, – прошептал он, указывая глазами на Дотти.

– Иди сюда, – приказал граф, и посланец сказал ему на ухо:

– Государь очень болен, а великий князь Александр Павлович... то есть, государь послал меня к вам.

– Что?! – граф не почувствовал запаха перегара. – Повтори-ка.

Тот повиновался.

– Передай государю, что я скоро явлюсь к нему, – повелительным тоном произнёс граф Кристоф и отпустил фельдъегеря.

После того, как посланец императора покинул спальню графа, Дотти немедленно спросила мужа:

– Ну, что он сказал?

– Чувь какую-то, – проговорил Кристоф как можно беззаботнее, но у него этого не вышло. – Мол, Павел Петрович ныне сильно болен и вместо него теперь Цесаревич, который требует меня в Зимний.

Дотти посмотрела на него широко раскрытыми глазами.

– И что всё это значит? – пролепетала она.

– Либо кто-то здесь сошёл с ума, либо это такая проверка на верность, – отстранённо отвечал её муж.

– А вдруг государь и вправду болен, и теперь... – осенило Доротею.

– Может и так, – муж как-то странно посмотрел на неё. Он думал: “А если они решили выступить сегодня? И у них всё получилось?” Эта мысль несколько приободряла его, но он был по натуре пессимистом и предполагал ныне самое худшее – государь пустил ложный слух о своей опасной болезни и об отречении в пользу сына, чтобы вычислить, кто в него поверит, и посадит всех клюнувших на приманку в Шлиссельбург или Петропавловку. Курьер, опять же, какой-то странный... Потом граф вызвал Адольфа, приказал запрягать сани, а сам пошёл одеваться.

– Ты поедешь? – спросила Дотти, казалось, прочитавшая все его сомнения по глазам.

– Что мне ещё остаётся делать? – пожал он плечами и отправился в гардеробную, но с порога вернулся, открыл шторы, посмотрел во двор. Спальня выходила на Большую Миллионную. Четыре шага до Зимнего. Если это ловушка...

– Вот что, – обратился он к жене. – Я иду приводить себя в порядок. А ты последи за всем, что на улице делается. Если кто проедет – сразу же кричи мне.

– Я буду вроде часового? – хитро улыбнулась Дотти.

– Да, вроде того, – он поцеловал её в щёку и пошёл переодеваться.

Дотти, которой самой было интересно, чем же все кончится, раздвинула шторы и прижалась лбом к холодному стеклу. За окном чёрная ночь, позёмка метёт по стылой брусчатке, не видно ни зги. В спальне темно, только ночник горит, освещая смятую постель. По улице никто не ходит. Даже часовой, стоявший на страже близ казарм Преображенского полка, забрался в будку спать. Огни везде погашены. Она сладко зевнула, закуталась в халат... Часы внизу прозвонили четверть часа, полчаса, четыре...

– Ну, что там, Дорхен? Никого? – несколько раз спросил у неё Кристоф.

– Никого. Всё тихо, – отвечала она в полусне. Из дрёмы её вывел стук колёс за окном. Девушка встрепелась и крикнула Кристофу:

– Едет, кто-то едет!

Она взгляделась в проезжавший мимо экипаж. Скромная пароконная тройка; но на запятках – офицеры в гвардейской форме, а внутри кареты, кажется, сидит генерал Уваров. Об этом она и доложила мужу.

Кристоф, при полном параде, немедленно прошёл к Дотти и молча поцеловал её в губы, прошептав: “Прощай. Ты помнишь, что надо делать, если я не вернусь?” Она торжественно кивнула и опять легла спать, думая: “Интересно, а фрау Шарлотту мне утром где навещать – в Зимнем или в Михайловском?” Она не верила, что Кристофа арестуют и посадят в крепость. Почему-то ей казалось, что всё окончится очень хорошо. Так и случилось.

В Зимнем графа провели в покои наследника престола. Александр плакал, вытирая лицо платком, а, увидев Кристофа, кинулся ему на шею без всяких церемоний.

– Граф! Моего отца больше нет... Это ужасно, я не готов к такому, – всхлипывая, говорил новый государь.

Нынешний государь зарыдал у него на плече, и Кристоф чувствовал себя совершенно неловко. Что говорят в таких случаях? Внезапно Александр Павлович отстранился и произнёс абсолютно другим, деловым тоном:

– Где казаки?

Ливен вспомнил про безумный проект. Задумался. Потом отвечал:

– Должны быть в двадцати переходах от Хивы.

– Верни их назад, – приказал император, и Кристоф здесь же, в кабинете, уселся писать все необходимые рескрипты и приказания.

– Хоть кого-то я спас, – сказал Александр, подписываясь под приказом о прекращении казачьей экспедиции. – А теперь, Кристоф, езжай в Михайловский, найди там свою мать и попытайся вместе с ней успокоить мою.

Кристоф откланялся и вышел из кабинета. После его ухода Александр снова предался слезам. Нет, он действительно не хотел, чтобы так вышло! Он не хочет править, не хочет садиться на трон, обгаренный кровью собственного отца! Ведь Пален говорил – всё будет как в Англии. Отец отречётся, будет признан невменяемым, его отправят спокойно доживать свой век в Гатчину, а он будет править как британский принц-регент... Но нет. И теперь его руки в крови, которую не отмоешь вовек.

...В семь утра Альхен фон Бенкендорф уже находился в Зимнем, после всеобщей присяги, произошедшей не без заминок из-за того, что новый император всё никак не хотел показываться перед Гвардией. Он был у фрау Шарлотты, которая от нервного переутомления едва держалась на ногах и полусидела-полулежала в кресле. Вокруг были маленькие великие княжны и великие князья. Четырёхлетний Никс заворуженно глядел на фейерверки за окном, а маленькая его сестрица Аннет, увидев Алекса, пролепетала: “Они все радуются, потому что папа умер, да?” – и в её глазах он заметил не детскую печаль. В восемь утра заглянул Алекс, отправленный вместе с другими флигель-адъютантами нести пост у гроба покойного государя, столкнулся со своим зятем и, сгораемый от любопытства, приступил к расспросам, но граф Ливен процедил сквозь зубы: “Иди, куда шёл”, и, бесцеремонно отстранившись, прошёл дальше.

Тело Павла было тщательно загримировано, чтобы скрыть следы борьбы, но всё равно Альхен даже издали заметил кровоподтёки на левой щеке, синяки на шее – его пытались душить шарфом, а висок, в который был нанесён ставший для Павла смертельным удар, был неуклюже прикрыт шляпой.

Никакой скорби и траура в Петербурге не чувствовалось ни в этот, ни в последующий дни – все радовались началу новой эпохи так, словно Пасха наступила в этом году раньше срока. Всё, что было строго-настроено запрещено при Павле – круглые шляпы, жилеты, последняя французская мода – появилось опять. Фейерверки, балы и прочие увеселения следовали одно за другим – все будто бы забыли, что после смерти законного монарха полагается траур. Дотти, как и все её окружение, восторгалась молодым и красивым государем и принимала активное участие в развлечениях – на балах начали танцевать прежде запретный и считавшийся развратным вальс, атмосфера в свете приняла совсем иной колорит, чем ранее. Но иногда она вспоминала о том, что пришлось ей пережить с Кристофом этой зимой, и только благодарила Бога, что всё закончилось именно так – и самым благополучным для её семейства образом.

Начинался новый век. Дотти только минуло 15 лет, и всё для неё ещё было впереди. События мартовской ночи стали первой “игрой вокруг трона”, в которую она была втянута, и юная графиня рано поняла, что такие игры всегда заканчиваются смертельно. Впрочем, это никогда не отвращало её от участия в них впоследствии.

Новое царствование сулило множество перемен. Пален так рьяно стремился получить полный контроль над молодым государем, что тот по требованию матери отстранил его, приказав уехать навсегда в Курляндию и никогда не показываться в столице. Князь Адам Чарторыйский был вызван своим венценосным другом из Италии, утёр ему слёзы и вскоре вошёл вместе с остальными тремя близкими приятелями Александра в состав “Негласного комитета”, готовившего большие перемены в государстве.

Граф Карл фон Ливен летом 1801 года внезапно подал в отставку и уехал с семьёй в имение Зентен, где и жил больше 15 лет. Только младший брат его, Кристоф, догадывался, почему Карл решил уйти, не дожидаясь, пока его снимут. Впрочем, карьеры второстепенных участников заговора никак не пострадали, так что подобный упреждающий маневр со стороны старшего из Ливенов выглядел несколько странно. На вопрос брата, почему он решился оставить блестящую военную карьеру и в 33 года сделаться помещиком, Карл отвечал только: “Я видел дьявола. Когда, Кристхен, ты увидишь его сам, – поступишь как я”. Больше от него ничего

добиться было нельзя. В деревне, как ни странно, Карл не спился, а вполне успешно занялся хозяйством и строительством, начал читать богословские книги и оказывать благотворительную помощь нуждающимся. Но он не забывал про *ливонское дело*. Никогда не забывал.

Граф Кристоф сохранил свою должность начальника Военно-Походной канцелярии. Он отлично ладил с новым государем и вскоре из “мальчика на побегушках”, каким он был при Павле, превратился в правую руку императора по всем военным вопросам.

Алекс фон Бенкендорф продолжал идти по жизни, смеясь. Но это вскоре ему начало надоедать...

ЧАСТЬ 2

ГЛАВА 1

Пулавы, май 1801 года

Издалека княжеский замок светился приветливыми огоньками посреди тёмного леса. Ночь была звёздная, квакали лягушки на дальнем болоте и коростель выводил свою тоскливую мелодию.

Князь Адам Чарторыйский приказал остановить экипаж, вышел из него, посмотрел на ночное небо, украшенное тонким серпом серебряного месяца, различил Млечный путь, зигзаг созвездия Кассиопея, несколько других звёзд... Среди них была и его, заветная, под которой он родился в одну морозную январскую ночь 31 год тому назад, которая вела его по кругу и частенько заводила в тупик. Вот и сейчас она снова вела его в столицу русских царей, к трону, ныне занимаемому принцем с ангельской внешностью, который когда-то назвал его своим другом. А ещё *она* теперь в государынях... Адам закрыл глаза и на мгновение вспомнил её тонкое лицо фарфоровой куклы, мечтательные синие глаза, светлые локоны – и всё остальное, то, что он когда-то так страстно желал, зная, что никогда не получит. Но в конце концов она сдавалась перед ним – как сдавались десятки других. Два года в благословенном Богом краю стёрли из его сердца всё и оставили пустоту. Князь боялся, что нынче всё возобновится – ведь тогда они даже толком не попрощались, он уехал очень быстро, спеша выполнить волю безумного монарха. Он думал, что будет тосковать – ничуть. Эта женщина, эта принцесса, нынче ставшая королевой, стала для него пройденным этапом. Одна из многих. И всё бы ничего, если бы их связь обошлась без последствий. Но последствия возникли. И нельзя сказать, что князь этого не предвидел...

Адам уже знал, что его дочь умерла. Узнав о её смерти, он вздохнул облегчённо – теперь не нужно проворачивать никаких авантюр, на которые намекала мать. Хоть одной проблемой стало меньше.

Торопиться в Петербург князь Чарторыйский не хотел. Ещё в конце марта его настигло известие о скоропостижной кончине Павла. Все догадывались, что смерть властелина не была естественной. Кто-то ему явно помог уйти на тот свет. Это косвенно подтверждало и письмо молодого императора, адресованное князю. В нём содержались такие слова: “*Если бы ты был рядом со мной, ничего бы не случилось*”. Далее Александр уговаривал друга немедленно бросать всё и ехать в столицу. Адам с присущей ему осторожностью не спешил. Под предлогом, что он непременно должен осмотреть Помпеи, князь задержался в Италии ещё на месяц и сделал “крюк”, заехав к родителям в Пулавы. Кто знает, не подстерегает ли его в Петербурге ловушка?

Сам Адам лет с семи, наверное, знал, – он тоже когда-нибудь будет *государём*. И не таким, как его родственник, Станислав-Август Понятовский, поставивший Речь Посполитую в рабскую зависимость от России. А настоящим королём, который принесёт Польше славу и власть над всей Восточной Европой. Князь не сомневался, что ему удастся сесть на восстановленный трон Пястов ещё при жизни. И он сделает всё, чтобы это обещание сбылось поскорее.

Когда он приехал, весь дом спал, кроме его матери, пани Изабеллы. После родственных объятий и приветствий она провела сына на свою половину и заговорила без всяких церемоний:

– Адам, если ты ждёшь того, что теперь тебе будет легче, – то ошибаешься.

– Я ничего уже не жду, мама, – вздохнул он. – Теперь, когда я пользуюсь свободой передвижения, в любой момент смогу скрыться здесь.

– Нет, не сможешь, – надменно улыбнулась эта красивая женщина, не без оснований прозванная в Варшаве “чёрной ведьмой”. – Ты сам впутался во все эти отношения с царской семьёй – теперь расхлёбывай.

– Между мной и *ею* всё кончено, – возразил князь, стараясь не смотреть в тёмно-карие – такие же, как у него, – глаза матери. Взгляда её, презрительного и жёсткого, Адам боялся всегда, сколько себя не помнил. Даже сейчас, когда сам научился смотреть на людей так же.

– Но между тобой и *им* всё ещё только начинается, – усмехнулась его мать. – Готовься к тому, что твою ошибку будут припоминать все, кому не лень. В том числе, и он.

– Он признал эту девочку, – проговорил князь. – И он сам хотел, чтобы это случилось. Александр не любит Lise – по крайней мере, не так, как любят женщину. Иначе...

– Чушь, – перебила его пани Изабелла. – Он испытывал тебя на прочность. Не её – тебя. Один раз ты уже оступился. Девчонку умертвили – много ли младенцу нужно? Я даже догадываюсь, кто это сделал. Концы в воду – так? Но твой так называемый друг – не из тех, кто легко прощает...

– Мама! – возмутился Адам, – Ты же его в жизни не видела, как ты можешь так утверждать...

– Мне и не нужно его видеть, чтобы *знать*, – и в глазах матери он снова прочёл то, что пугало его больше всего. Тьму и бездну. “Что она знает?” – спросил он про себя. Он мог бы относиться к словам матери более легкомысленно, если бы не знал – то, что она говорит, почти всегда бывает правдой. Князь Адам, как человек эпохи Просвещения, не верил в такие вещи, как магия и предвидение, но мать иногда казалась ему настоящей колдуньей. Поэтому он её и побаивался с детства, хоть она ни разу не ударила и не крикнула на него. Ей достаточно было посмотреть на него своими огромными чёрными глазами, чтобы он подчинился.

– Адам, он даст тебе власть. Много власти, – продолжала княгиня Чарторыйская. – Он пообещает тебе всё, чего ты не попросишь.

– Даже Польшу? – тихо спросил Адам.

– Даже Польшу, – подтвердила его мать. – Но ты её не получишь. По крайней мере, из его рук.

– Так мне ехать? – спросил он после минуты молчания, наблюдая за матерью. Она всегда казалась Адаму самой красивой женщиной на свете, хотя, объективности ради, Изабелла не относилась к числу безусловных красавиц. Но недостатки внешности не мешали её успеху у мужчин – и каких мужчин! Русский наместник в Варшаве, князь Репнин; родственник её мужа, король Станислав Понятовский; известный похититель сердец, командир французской королевской гвардии герцог Бирон де Лозэн – все они побывали у изящных стройных ног этой удивительной польки во время оно и все сходились в одном: она неподражаема. И это действительно было так. Адам недаром привёз ей из Италии леонардовский портрет неизвестной дамы с горностаем. Как и все женщины, изображённые великим флорентийцем, Изабелла Чарторыйская оставалась “закрытой книгой” – даже для собственного сына, чего уж говорить о других?

– Поезжай, конечно, раз зовут, – сказала женщина спокойно. – Только будь готов к тому, что врагов у тебя станет в два раза больше, чем раньше. И не стремись вернуть, что было. Ты понял, о чём я?

Адам кивнул. Конечно, он не такой дурак, чтобы рассчитывать на продолжение отношений с императрицей. Это – в прошлом. А что же в будущем?

...Этим же вечером он показал ей картину Леонардо да Винчи, купленную в подарок.

– Я надеюсь, это копия? – спросила княгиня, улыбнувшись.

– Что ты, мама. Это оригинал, – Адам притворно обиделся.

– И стоит сумасшедших денег, – подтвердила она.

– Ты думаешь, оно того не стоит? – князь критически оглядел картину. – По-моему, “Дама с горностаем” по мастерству исполнения уступает только “Моне Лизе”.

Изабелла отошла подальше, взгляделась в светлое, безмятежно-таинственное лицо неизвестной флорентийской красавицы.

– Тебе она никого не напоминает? – проговорила княгиня спустя несколько минут.

Адам пожал плечами. Он не хотел говорить, что эта “дама с горностаем” столь же загадочна, как и его родная мать, – этим портрет и привлёк его.

– Она чем-то похожа на нашу Анж, – продолжала дама, подойдя к полотну поближе.

– Да? Она же совсем девчонка, – небрежно отвечал её сын.

– Давно ты её не видел. Увидишь – не узнаешь, – улыбнулась Изабелла. – Не возражаешь, если я включу эту картину в часть её приданого?

– Это твой подарок, мама, – проговорил князь. – Делай с ним что хочешь, можешь даже сжечь.

– Зачем? Оно будет висеть в Храме Сивиллы, пока не придёт время...

Потом Изабелла приказала слуге унести картину и повесить её в садовом павильоне, где князья Чарторыйские хранили различные ценные вещи, необычные экспонаты, шедевры живописи.

– Ты уже думаешь о приданом Анели? – спросил Адам свою мать, когда они поднялись наверх, в её комнату.

– Ей пятнадцать лет. В её возрасте я уже была замужем, – отрешённо проговорила она. – Мне уже писал Юзеф Понятовский... И князь Сапега. Не считая прочих.

– Князю Сапеге семьдесят лет, – усмехнулся её сын. – И что ты ответила?

– С неё ещё не снимали портретов. Хотя им её внешность на самом деле не важна. Все хотят стать частью “Фамилии”, получить наши богатства и связи, даже если придётся жениться на уродине, – женщина задёрнула тёмные портьеры, сняла с правой руки золотой браслет в виде змеи, кусающей себя за хвост. – По правде говоря, все эти письма были адресованы Анне, но ты знаешь свою сестру – она готова спихнуть Анелю за кого угодно, хоть за истопника Антона. Я взяла на себя труд сочинить отказы всем этим искателям.

– Сама Анж мне писала, что молится, постится и мечтает о монастыре, – вспомнил Адам.

– Все девицы в таком возрасте хотят в монастырь, – возразила Изабелла. – Но не все туда попадают.

– Почему, интересно? – рассеянно спросил князь Чарторыйский.

– Что “почему”? Почему хотят стать монашками или почему не все уходят в монастырь? – уточнила его матушка.

– Ну, положим, почему не уходят, я догадываюсь, – проговорил он с усмешкой, чуть тронувшей его чувственные губы. – Одно дело – читать красивые сказки и возвышенные жития святых, другое – знать, что такая жизнь – навсегда и выхода из неё нет. Откуда в девицах такая мечта?

– Оттуда же, откуда у мужчин мечты о власти и о славе, – в тон ему произнесла мать. – Религия предлагает лёгкий путь стать значимой. Пусть даже придётся отказаться от так называемых “мирских радостей”.

– Но ты по этому пути не пошла... – Адаму казалось, что он сможет выудить из княгини хоть какое-то лишнее откровение. Но тщетно.

– Анеля тоже не пойдёт по этому пути.

– Откуда ты знаешь? – обречённо спросил князь, догадываясь, что мать опять посмотрит сквозь него и ничего не ответит, как бывало не раз.

– Она поймёт, что прославиться можно и другим образом, – проговорила Изабелла. – Как поняла я в своё время.

Адам знал, что мать готовит из своей внучки преемницу. Ту, которую тоже когда-нибудь назовут “маткой Отчизны” и сделают знаменем непокорённой Польши. Ту, которая будет восхищать, соблазнять, удивлять. Ни одна из дочерей пани Изабеллы, как видно, не оправдала её надежд. Ни в Анне, ни в Марине, ни в Зосе не хватало ума, обаяния, стойкости характера, сдержанности. В юной девочке эти качества проявились с самых ранних лет.

...Анж он увидел в оранжерее, рано утром – и не узнал в этой высокой стройной девице свою племянницу.

– Ты загорел, – проговорила она после приветствия.

– Слушай, – сказал он, глядя на неё. – Поедешь со мной в Петербург?

– Бабушка так и говорила, что ты предложишь мне это, – произнесла она, срезая белые розы с куста. – Ой!

– Что такое? – он быстро подбежал к ней.

В ответ Анж показала ему левую руку. Она проколола шипом палец. Как это часто бывает, ранка была пустяковой, но крови много. Алая струя стремительно стекала вниз, по желобам глубоких линий на ладони, на лепестки ароматной розы. Не понимая, что он делает и зачем, Адам вырвал цветок из руки племянницы, бросил его оземь и слизал губами кровь с её пальца, почувствовав металлический привкус.

– Зачем ты так поступил с ней? – спросила она, потом, когда кровотечение прошло, поднимая с пола смятый, покрытый алыми пятнами и пылью, цветок. – Она просто защищалась.

– Да, как же я забыл, – нарочито рассеянно проговорил князь, отирая рот платком. – Красоте нужны шипы. Что, уже не кровит?

Она посмотрела на свою руку так, словно видела её впервые, и пожала плечами.

– Вроде нет. Когда режешься ножом, кровь идёт сильнее, – проговорила девушка, завязывая палец платком.

– Я знаю, – усмехнулся он. *“Интересно, она помнит? Ей было семь лет, она тогда играла у моей постели в куклы...”* – подумал он.

– И как хорошо, когда твою кровь есть кому остановить, – продолжила она. – А цветы я вырастила сама.

– Красивые, – рассеянно проговорил он. – Так ты поедешь в Петербург?

– Если ты пообещаешь представить меня государю Александру, – улыбнулась она.

Адам потемнел лицом. *Её он не получит. Даже если будет просить и угрожать.*

– Я тебя представлю и ему, и всем, кого захочешь, Анж, – нарочито беззаботным тоном произнёс он.

Девушка медленно улыбнулась. Она уже умела добиваться своего, и не сомневалась, что её родственник поступит так, как хочет она.

А князь Чарторыйский, расставшись с племянницей в то утро, уже чувствовал к ней то, что потом станет его проклятьем на долгие годы...

Санкт-Петербург, август 1801 года

Шесть свечей освещало небольшой, скромно обставленный кабинет молодого государя Всероссийского. Князь Адам Чарторыйский сидел напротив своего венценосного друга, подмечая, что тот как-то похудел и побледнел. Несмотря на то, что подданные и придворные были готовы носить Александра на руках, несмотря на многочисленные балы и маскарады, фейерверки и приёмы, веселья и упоения недавно приобретённой властью император не чувствовал. “Дней Александровых прекрасное начало”, как прозвали этот период позже, было прекрасным для всех, кроме самого Александра Первого. И князь отлично понимал, почему.

Он взгляделся в друга —его красивое, безмятежное, румяное лицо, как у сусального ангела совсем не походило на курносый и пучеглазый лик его покойного отца. Внешность у нынешнего самодержца и в самом деле была неземной — а людям многое ли надо? Адам знал, что человеческие создания, несмотря ни на какие максимы и премудрости, пленяются сначала наружностью, и только потом уже умом и сердцем. Вот и Александр стал *желанным монархом* во многом благодаря своей молодости и красоте. Но Адам, как его друг и поверенный, знал — не все качества, которые приписывает Александру очарованная им толпа, присущи его характеру. Далекое не все.

Государь держал в своих белых, пухловатых руках бокал с красным вином, но не спешил его пить. В свете канделябра князь обратил внимание, что напиток отбрасывает алые сполохи на ладонь его друга. “Как символично”, — подумал он. Александр и сам это заметил.

— У меня одна цель, Адам, — заговорил он, поглядев на свою ладонь и вспомнив сюжет повторяющихся снов, которые мучили его уже четвёртый месяц — его руки покрываются кровавыми пятнами, он трёт их мылом, мочалкой, но кровь навечно пристала к его коже, вьелась в морщинки и линии на ладони, окрасила кончики ногтей в свой зловещий цвет... — Дать России конституцию и уйти. Помнишь, мы с тобой говорили о побеге в Северо-Американские Штаты? Я мнил себя тогда юным кронпринцем Фридрихом Прусским, когда он ещё не был Великим, отца — королём Фридрихом-Вильгельмом Первым. Всё было похоже вплоть до мелочей...

“А меня ты считал своим фон Катте и надеялся, что вместо отправки в Италию меня князят на твоих глазах?” — усмехнулся про себя Адам. — *“Но ты не железный прусский король, а я не идеалистичный прусский офицер. Аналогия совсем неверна”.*

— Кроме того, что Фридрих Великий не перешагивал через труп своего отца, — жёстко проговорил государь, глядя куда-то вдаль. — И я не хочу править. Давеча, после моего провозглашения императором, я сказал, что “всё будет как при бабке моей, Екатерине Великой”. Не будет. Я подготовлю страну к тому, чтобы она могла обойтись без меня. А сам уйду. Как мы и говорили... Как ты думаешь, это будет верно?

Адам покачал головой.

— Нет, Ваше Величество. Это будет ошибкой. Никто вас не поймёт, — отвечал князь. — Вы пытаетесь уйти от ответственности. Власть — это и есть ответственность. Тем более, как вы говорили, вас заставили.

Александр поставил бокал на стол резким, порывистым движением. Встал, скрестил руки на груди.

— Я не знаю, что было бы хуже, Адам. Присутствовать в этой спальне самому — или вот так, как я... Мне говорили, что они добьются только отречения... что я буду только регентом. Но этот Пален... Я до сих пор не понимаю, зачем ему всё это было надо. Участие Зубовых ещё понятно. Но человек, обязанный отцу всем? Я удалил его — мать настояла. И его вообще не мучила совесть — он метил во временщики.

— Примите это как испытание, государь, — ответил Адам, которому эти разговоры уже порядком надоели. — Теперь уже ничего не поправишь.

— Поэтому я и буду лучшим из государей, которых знала эта земля, — воодушевился император. — Я сказал, что “всё будет как при бабке”. Но эта фраза предназначалась, прежде всего, для кордегардии, которая обожала её за “вольности” и ненавидела отца за то, что он заставлял их служить как положено. На самом деле, всё будет иначе. И моя бабушка, и отец были тиранами. Я не собираюсь быть самодержцем. Да, может быть, сейчас не все поймут те меры, на которые я готов пойти, чтобы обеспечить благоденствие своих подданных, но потомки возблагодарят меня.

— Вспомните тот “манифест”, который я написал с ваших слов, — осмелился перебить государя Адам. — Миллионы ваших подданных — рабы. Их нужно освободить. Да, для этого

придётся перекраивать всю экономику, всю систему административного управления. Будут недовольные. И кто знает, возможно, ваша смелость будет угрожать вашей жизни...

– Знаешь, друг, – государь сел рядом с князем, положил руку ему на плечо. – Я долго размышлял, почему же отца так не любили. В сущности, он делал правильные и нужные вещи. Исправлял бабкины ошибки. Но он слишком торопился. Как будто знал, что ему отведён очень малый срок. И какими средствами он это делал!

“Шляхта. Павел наступил на хвост шляхте, поэтому и поплатился”, – думал Адам. Он, будучи поляком, отлично знал силу “вольностей дворянских”, в его отечестве почитаемых издревле. В России дело обстоит так же. Хоть короли, в отличие от Речи Посполитой, здесь и не выборные, а вроде как наследственные. Но лишь только царь окажется неугоден местным “шляхтичам”, его свергают. По сути, разница невелика.

– Вы и не повторите его ошибок, если выработаете чёткий план реформ и не будете слишком поспешны, осуществляя их, – проговорил в ответ Чарторыйский. – И вот ещё, – он взглянул в глаза государю. – Освободите Польшу. Как обещали.

– Обязательно, – кивнул государь.

– Вам понадобится сильный союзник на Западе, – князь Адам сел на любимого “конька”. – В моей стране много ресурсов, мы сможем бороться с внешней угрозой, не допуская её до границ с Россией.

– Но как я могу быть уверен в верности поляков русской короне? Твои соотечественники слишком хорошо помнят притеснения Девяносто четвёртого года. – Александр из романтического юноши мигом перевоплотился в хитрого политика.

– Если вы восстановите Речь Посполитую целиком... И назначите в короли *преданного вам человека*... – матовый румянец покрыл смугловатое лицо князя. – И этот человек станет осуществлять свою волю эффективными средствами...

– Да здравствует Адам Первый, польский король, – усмехнулся Александр. – Я всегда знал об этих твоих мечтах, мой друг.

– Ваше Величество, – решил оправдаться князь, видя, что проговорился в главном. – Я всегда был республиканцем, как вы знаете... Но я вижу, что в нынешних условиях Польше нужна сильная власть короля. России – увы, тоже. То, что думает горстка наиболее просвещённых придворных, – совсем не то, что думают все прочие.

– Как же внушить им, что самодержавие есть зло? – озадаченно спросил Александр.

– Начните с малого, – улыбнулся Адам.

“Власть”, – думал князь, уже у себя дома, наигрывая на фортепиано свою любимую сонату. – “Вот я и пришёл к власти”. Княгиня Изабелла, наверное, была не права. Никакой мстительности в поведении Александра в эти месяцы не было заметно. Никакого возвращения к прошлому – все разговоры велись о будущем. Lise редко попадалась князю на глаза и вела с ним себя так же, как и со всеми другими. “При таком государе единая Польша близко”, – задумался князь, закрыв глаза. Соната сменилась мотивом старинного полонеза. “Но и в России я проявлю себя”, – усмехнулся Адам. Выгнав “чухонца” Палена, полезшего во “вторые Бироны” и намеревавшегося, как говорил Никки Новосильцев, устроить при дворе “остзейское засилье”, государь нашёл новых доверенных лиц. Чистых и не запятанных ничем. Относительно молодых – никому из них нет и сорока лет. Знатных и богатых, поэтому просвещённых. Первым был князь Кочубей – малоросс, потомок гетманов, поэтому по закоренелому недоверию его народа и сословия к “панам из Варшавы” посматривающим на Адама Чарторыйского косо. Вторым – умник Новосильцев, англоман, ценитель прекрасного, человек очень образованный и хитрый, как лисица, хоть внешне напоминал, скорее, медведя. Третьим – кузен Новосильцева, романтический Роро Строганов, богатый наследник, которому в отрочестве “повезло” с гувернёром, затащившим его в Якобинский клуб в их бытность в Париже в Восемьдесят

девятом; так, один из первых аристократов России под именем monsieur Ocher'a стал пламенным революционером, бравшим Бастилию штурмом. А четвёртым из всех них был он сам, князь Адам-Ежи Чарторыйский, польский магнат, первый кандидат на варшавский престол, единственный из всех, кто был повязан с государём узами личной дружбы.

Вот эти четыре человека – не какие-нибудь *parvenus*, а настоящие аристократы крови и духа – и собирались превратить Российскую Империю в подобие Великобритании или даже Северо-Американских Штатов. Собирались они частным образом в личных покоях государя, много говорили, пили, курили, спорили, перекрикивая друг друга, и Александр Первый ощущал себя в их окружении первым среди равных. Несмотря на то, что взгляды у всех были разные, как и цели, и между собой эта четвёрка не составляла единой “команды”, никто из них не сомневался – изменения наступят, и наступят скоро, и окажутся самыми благоприятными. Дали были голубы, вымысла и идей – в избытке, государь – молод и прекраснодушен.

Но помимо четверых членов так называемого “Негласного комитета” оставалось ещё множество придворных, которые так же стремились к власти и считали новоявленных “преобразователей” прежде всего временщиками и никем больше, а затеянные ими изменения – несвоевременными и даже вредными. Часть этих людей составила “павловскую партию”, лидером которой была мать Александра, вдовствующая императрица Мария Фёдоровна. Втайне она считала своего сына узурпатором трона и убийцей собственного отца, поэтому общалась с ним крайне холодно и формально.

Он выполнил её просьбу – удалил фон дер Палена и прочих заговорщиков, тех, кто был в спальне государя в ночь на 12 марта. Он полчаса при закрытых дверях доказывал матери, что ничего не знал о готовящемся убийстве отца и что сам в некоторой степени стал жертвой. Внешне смилостивившись над сыном, Мария Фёдоровна в душе оставалась непреклонной. Она поклялась вечно носить траур по мужу, забрала из спальни в Михайловском замке всё его постельное бельё, покрытое бурыми пятнами крови, и заперлась в резиденции, носившей его имя. Даже в монастырь грозилась уйти. То, что обывателями принималось за скорбь, на самом деле было первым ходом в игре, которую желала повернуть эта неглупая женщина, столь же неплохая актриса, как её старший сын. Крики “Ich Will Regieren” в ночь убийства мужа не были проявлениями истерики, как подумали тогда окружающие. Вдовствующая императрица действительно хотела править сама. Лично или как регентша при третьем сыне, маленьком Николае – всё равно. Пример её свекрови оказался слишком заразительным для неё, а воли к власти в этой женщине, которую многие несправедливо считали “глупой курицей”, было хоть отбавляй. Да и сторонников тоже. Но спешить Мария не желала. Нынче все любят её старшего сына – но ничего, это до первой проигранной войны, до первого политического промаха... Тогда на сцену выйдет она. И разыграет свою роль до конца.

Одного не учитывала честолюбивая и властная дама – сын её унаследовал от неё не только ангельскую наружность, но и актёрские способности вкупе с волей к власти. Так что игра оказалась не столь лёгкой, как думала Мария Фёдоровна...

ГЛАВА 2

Мемель, май 1802 года

Император Александр, предпринявший поездку в Пруссию, на свидание с нынешним прусским монархом, чувствовал, что перехитрил всех тех, кто считал, что его воля – в их руках. Князь Кочубей, ведавший иностранными делами, был в шоке – он вообще был не в курсе того, что его повелитель готовил союз с Пруссией. Князь Адам Чарторыйский только спросил недоумённым и несколько злым тоном: “Зачем вам это нужно?”, а государь легкомысленно улыбнулся и проговорил: “Говорят, у короля Фридриха очень красивая жена. Хочу в этом убедиться лично”.

Поездка в Пруссию стала первым официальным визитом русского монарха в иностранную державу. Почему именно в Пруссию? Небесно-голубые глаза королевы Луизы волновали Александра Первого в последнюю очередь – хотя он был по натуре своей эстетом и любил красивых людей. Нет, причины для визита в Мемель были другими. Совсем другими.

Сколько себя не помнил государь, Пруссия считалась если не великой, то очень значительной державой. Имя Фридриха Великого было у всех на устах и до сих пор гремело по всей Европе. Отец Александра брал за образец армии именно прусские войска. Военная мысль в Берлине была на высоте, все военные теоретики были родом оттуда. Кроме того, Пруссия граничила с Россией, и с таким соседом следовало считаться. Вот Александр Первый решил воочию убедиться, так уж велика и несокрушима Пруссия, как о ней описывают.

Предыдущий кайзер был слабым и легкомысленным правителем. Его старший сын, как слышал русский государь, подавал кое-какие надежды и объявил, что пойдёт путём своего великого предка, но, как говорили, диктовать свою волю Фридриху-Вильгельму Третьему мешала излишняя застенчивость и замкнутость. Зато его супруга Луиза из рода Мекленбург-Стрелицких своим обаянием, общительностью и сильным характером отлично дополняла его. Да, и молва о её несказанной красоте уже распространилась по всей Европе.

Итак, Александр, направляясь в небольшой приморский городок с песчаными дюнами, фальверховыми пряничными домиками и церковными шпилями, думал: “С Пруссией лучше дружить. Пусть Адам с Кочубеем этого так не желают. А Англии я всё-таки не верю, что бы они не говорили”.

Граф Кристоф, сопровождавший своего государя в поездке вместе с князем Петром Волконским и князем Долгоруковым, который всю дорогу не замолкая смешил всех своими рассказами, видел за окном кареты почти родные места. Да, он родился не в Ливонии, а в Киеве, но о родном городе помнил только, что там теплее, чем в Риге и что там живёт много русских. Всё это время он беседовал с княгиней Софьей Волконской, ни за что не пожелавшей разлучаться со своим сдержанным и молчаливым супругом, прозванным в свете “каменным князем”, le prince du Piège. Уж на что Кристоф был сдержан и немногословен, но Волконский переплюнул в этом даже его. Жена его, какая-то его дальняя родственница – в девичестве она тоже была княжной Волконской – составляла ему полную противоположность. Софья Григорьевна могла бы считаться красавицей, если бы так много не говорила и не махала руками. Кристоф рассказывал ей об охоте, но она постоянно перебивала его и говорила: “А у нас всё не так...” – и давай описывать, как у них в имении охотятся с борзыми. Наконец женщина утомилась от болтовни и принялась что-то вязать.

“Зачем он её взял?” – думал Кристоф, глядя в окно. Он бы мог взять Дотти, но подумал, что после перенесённой в феврале грудной горячки ей не стоит предпринимать дальних

поездок, да и что бы ей делать с ним здесь? В Петербурге безопаснее... Мало ли что случится в дороге?

По своей молоденькой жене граф особо не скучал. Было много ещё, о чем думать и переживать. Он радовался, что благодаря тем нехитрым мерам, которые он предпринимает каждый раз, когда они остаются наедине в постели, у них до сих пор нет детей. Да ему и не хотелось потомства. Во-первых, он переживал за жену, маленькую и худенькую, выглядящую совсем девочкой в свои шестнадцать лет. Граф слышал, как часто женщины умирают в родах, а его жена природой не очень приспособлена для материнства... Кроме того, Кристоф не очень любил маленьких детей. Он знал, что плодовитость – в их роду, и количество детей у Карла, Минны и Катхен это подтверждало; если он не будет осторожен, то у него родится не меньше. А оно ему надо? А вдруг опала, вдруг с ним что-нибудь случится, куда жена с детьми денется? Надо сказать, Кристоф всё ещё не был уверен, что сможет сохранить своё место под солнцем на долгие годы. И тому была своя причина.

С восшествием на престол Александра Ливен оказался меж двух огней. С одной стороны, новый государь сделал его своей правой рукой по всем вопросам, связанным с армией, назначил старшим генерал-адъютантом, звал его к обеду и ужину во дворце день через день, называл на “ты” и “Кристинен” – как и его убиенный отец. Кристоф, со своей стороны, восхищался государем, хоть до конца его не понимал. По крайней мере, этого императора сумасбродом не назовёшь. Окрики, гнев, истерика, придирчивость – не его методы. Так что граф мог с полной уверенностью называть себя приближённым нового государя и знать наверняка, что в Сибирь его теперь не сошлют и в Петропавловке не запрут.

С другой стороны, Кристоф понимал, что государь никогда не назовёт его своим другом. То, что было в детстве, – не считается. Пусть великий князь во время оно и пытался с ним подружиться – они почти ровесники, между ними – только три с половиной года, но юный Кристинен уже тогда прекрасно понимал, кто он, а кто этот близорукий румяный мальчишка, который никогда не научится хорошо стрелять. Сейчас всё иначе. У государя – свои друзья, те четверо, трое русских и один поляк, с которыми он собирается почти каждый вечер в своём кабинете и говорит с ними до утра. Те – люди совершенно иного склада, чем он, граф Ливен. С ними, наверное, интересно. Кристоф себя интересным человеком не считал. Всё, что он знал – охота и военное дело. Жизнь его до сей поры тоже была весьма прозаичной, и не было в ней ни штурмов Бастилий, ни громких ратных подвигов, ни эпических трагедий, ни роковой любви... Был лишь один год в его жизни, когда он стал “вассалом удачи” – совершенно осознанно, в пику своим старшим братьям, но рассказывать о нём граф бы поостерегся. И тогда в его жизни было гораздо больше грязи, чем славы.

К тому же, Кристоф был ныне связан с “павловской партией”. Его мать, его жена и её семья – все они входили в ближайшее окружение императрицы Марии. Никто из этого окружения не поддерживает грядущих изменений в политике, и меньше всего сама вдовствующая государыня. Таким образом, он, граф Ливен-второй, остаётся связующим звеном между Зимним и Павловском, и ему такая роль совсем не нравится. Для себя Кристоф давно решил, что останется с правящим монархом, но если его снова начнут тянуть в сторону измены?..

Об этом думать совсем не хотелось. Равно как и о том, что ему когда-то внушал граф фон дер Пален. Малиновый закат висел над вересковыми пустошами Западной Курляндии, видневшимися из экипажа. И Кристоф не мог не вспомнить про “кровь Каупо” и “два царских венца”... И про участь Палена, запершегося в своём Гросс-Экау навеки. Тесть, друживший со Schwartz Peter'ом с детства и дружбу не прекративший даже после прошлогодних событий, говорил – граф Петер нынче боится оставаться один в комнатах, периодически уходит в запой и, кажется, постепенно сходит с ума. Немудрено, в его-то обстоятельствах. Потом Кристоф начал думать о более прозаичных и приятных вещах. О том, что неплохо бы заехать во Керстнехофф и провести там недельку-другую отдыха от всех и вся. Но это такие же праздные мечты,

как и размышления о королевской крови фон Ливенов... Граф закрыл глаза и заснул под стук колёс.

Мемель встретил государя Александра со свитой иллюминацией и блеском, парадами и балами. Казалось, пруссаки надеялись на любовный союз, но государь не спешил с этим. Он сначала встретился с прусским королём, оказавшимся длинным худым молодым человеком чуть старше его самого. Лицо у него было несколько лошадиным, со скошенным подбородком, и ничем не напоминало чеканный лик “железного Фрица”. Говорил этот Фридрих-Вильгельм мало, невнятно и почему-то всегда в третьем лице, что сначала несколько сбilo Александра с толку. Потом перед гостями из Петербурга появилась прекрасная королева Луиза со своей сестрой Фредерикой, которая пользовалась не самой безупречной репутацией, чопорной графиней фон Фосс и прочими статс-дамами и фрейлинами.

Королева с первого же взгляда потеряла голову, узрев перед собой настоящего архангела Михаила во плоти. Александр ничем не был похож на её унылого и неуверенного в себе супруга, которого она любила, скорее, потому что его полагалось любить. Она смотрела на *Russische Kaiser*'а во все свои огромные, синие как васильки, глаза – и не могла наглядеться. На обеде, данном в честь него, она расточала всё своё обаяние на это “неземное существо”, как она прозвала государя Всероссийского. Но тщетно. Императору она совсем не понравилась. “И это пруссаки называют “красавицей”? – думал он. Чем-то она походила на *Lise*; “даже тёзки, так-то”, – усмехнулся он. Правда, Елизавета более худа и subtilна. “Один раз можно”, – продолжал размышлять император, мало вслушиваясь в то, что ему силится сказать прусский король и беззастенчиво рассматривая пышный бюст влюблённой в него монаршей особы. Сестра Луизы, “плохая девочка” Фредерика, казалась ему поинтереснее, но опять же, “фарфоровые блондинки” – не его тип... “Если она так хочет – пусть будет”, – решил Александр, слишком избалованный женским вниманием, и после ужина пригласил королеву на танец. Та была на седьмом небе от счастья. Танцевали они оба прекрасно. А потом королева через свою доверенную горничную передала Александру ключ от своей спальни, решив податься во все тяжкие. Тот вздохнул. Он устал с дороги, и перспектива ночи любви с Луизой его особо не радовала. “Вряд ли она может, как *Marie*”, – подумал государь и вспомнил роскошную грудь и бесстыжие чёрные глаза своей любовницы, прекрасной польки, вспомнил, что она вытворяет в постели – словно получила воспитание не в пансионе при цистерцианском монастыре в Варшаве, а в парижском борделе... Да, и еще она никогда не требует говорить о чувствах, не задаёт глупых вопросов, не пытается взять над ним верх, в отличие от Лизы, почему-то возомнившей себя решительнее, умнее и смелее него. Александр не хотел признаваться, но одной из причин, почему он ещё больше отдалился от жены, стало её поведение в ночь на 12 марта прошлого года. Вместо того, чтобы горевать вместе с ним, посочувствовать положению, в котором он оказался, она что-то от него требовала, тащила его к гвардейцам, не давала объясниться с матерью – словом, вела себя так, словно сама была заодно с Паленом. Её поведение называли “решительностью” – а государь называл про себя “пляской на костях”. А *Marie* утешила его у себя на груди...

Глядя на небольшой позолоченный ключик, переданный ему и покоящийся на его широкой ладони, Александр подумал, что не может предать ту, которую любит, ради минутного сомнительного удовольствия с прусской государыней. Луиза обойдётся и без него. И со спокойной совестью лёг спать, выбросив ключ в окно. Заснул он почти мгновенно – как и всегда.

А влюблённая королева, одетая в свой лучший пеньюар с тончайшими кружевами, верно ждала “русского Адониса” до утра – и так и не дождалась. “Я не должна была так поступать”, – горестно думала эта романтичная и несколько наивная дама. – “Он слишком добродетелен и наверняка теперь думает обо мне, как о развратной твари; разумеется, он не воспользовался этим ключом – и я должна была подумать наперёд, прежде чем отправлять к нему Амаль-

хен”. И она плакала от злости на себя и от стыда перед своим поведением. “А если Фрицхен узнает?” – дрожала она от ужаса. Мужа она совсем не боялась, но изменить ему решила в первые и не знала, какова будет его реакция. Для него она свет в окошке, для своих подданных – верная супруга и добродетельная мать. И она нынче ведёт себя ничем не лучше несчастной Фике. Но у той хоть есть оправдание – она вдова, а не мужняя жена. Совесть грызла несчастную королеву, впервые в жизни влюбившуюся в мужчину, который так никогда и не ответил на её чувства даже подобием взаимности.

...Кристоф же сегодня впервые в жизни увидел женщину, которая показалась ему идеалом и божеством. “Наверное, так выглядит сама Дева Мария”, – подумал он, готовясь лечь в постель после утомительного дня светских развлечений. Хорошо, что во время обеда он не сидел рядом с королевской четой – иначе бы не смог проглотить ни кусочка, ибо оскорблять слух богини тривиальным чавканьем он не смел. В Луизе воплотились все его представления о женской красоте, о том, что поэт Goethe, книжку которого как-то подсовывал ему Карл, называл *Das Ewig Weibliche*. И ещё – она чем-то походила на его мать в те годы, когда она ещё не была почтенной матроной, не носила вечного траура и тяжёлых чепцов. Сказать, что Кристоф влюбился в королеву, было бы несколько опрометчиво. Представить себя с ней рядом он мог не иначе, как коленопреклонённым, с глазами, потупленными долу. Если бы ему подарили портрет Луизы, он повесил бы его в “красном углу”, туда, куда русские вешают иконы святых угодников. Странное это было чувство. “Если у меня будет дочь, назову её Луизой”, – подумал он, расстёгивая крючки и пуговицы парадного мундира. – “Хоть это и не наше семейное имя”.

Из раздумий его вывел осторожный стук в дверь.

– Кто там? – воскликнул он раздражённо и удивился, узрев на пороге комнаты камердинера Адольфа, протягивающего ему ключ на цепочке. И какую-то записку в голубом конверте.

– Вот-с, просили передать-с, – проговорил его слуга, хитро взглядывая на своего полуодетого барина.

– Кто просил?

– Не сказали-с, – Адольф потупил свои узковатые, лисиние глаза в пол.

– Или не просили говорить? – усмехнулся Кристоф. От конверта исходил запах сандала и розы. Так же пахло от его сегодняшней партнёрши по вальсу – кронпринцессы Фредерики. “Неужели...” – подумал он. И слегка похолодел.

– Не просили-с, – признался камердинер. – Дама очень красивая. Из благородных, – добавил он.

– Ступай, – приказал ему Кристоф, подумав: “Вестимо, из благородных. Из таких благородных, что я перед ней не выше тебя, Адди”.

Записка гласила: “Вы мне очень понравились, и я бы хотела узнать вас поближе, пока расстояние вновь не разлучит нас”. Не подписано. “Раз есть ключ, значит, где-то есть и замок”, – подумал граф, надев цепочку на своё тонкое запястье. Потом посмотрел на себя в зеркало. “А может, и не она”, – с надеждой подумал он. – “Какая-нибудь фрейлина. Мало ли кто пользуется такими духами”. Против любовного приключения Ливен нынче ничего не имел. Особенно если дама сама проявляет инициативу... Поэтому он застегнул свой мундир обратно, сняв только ордена, и усмехнулся своему отражению.

Выйдя из своей спальни, он вновь окликнул слугу.

– Тебе не сказали, от какой двери этот ключ?

– А как по чёрной лестнице пройдёте на второй этаж, то сразу направо, – ответил, позёвывая, Адольф.

Кристоф отправился в указанном камердинером направлении. Дворец уже спал – “чёрные” немцы всегда рано ложатся спать, некстати вспомнил он. Это у русских в одиннадцать часов вечера только начинается самое веселье.

Ключ легко повернулся в замке двери.

– Господи, Ваше Высочество... – воскликнул он.

Перед ним, на фоне витражного окна, пропускающего тусклое сияние лунной ночи, стояла сама Фредерика. На ней был надет только лёгкий хитон в греческом стиле, сшитый из такой прозрачной ткани, что было заметно – под ним вообще ничего нет. Лыняные, чуть выющиеся волосы ниспадали почти до талии, сливаясь цветом с поясом и аграфом, закрепляющим её наряд на правом плече. Пара трёхсвечных канделябров освещала силуэт и лицо этой очень красивой и смелой дамы. Она была похожа на свою сестру, но казалась более земной, более доступной, более *обыкновенной*. Кристоф стоял у порога и пожирал кронпринцессу взглядом, не решаясь приблизиться к ней.

– Почему я? – наконец спросил он, сглотнув.

Женщина отвечала на немецком:

– Какая разница? Ну, иди же сюда...

Граф развязал пояс слегка подрагивающими пальцами, сбросил с неё легкомысленное одеяние, вдохнул запах розового масла и сандалового дерева – и больше уже не помнил ничего...

...Вернувшись к себе, он вновь посмотрел в зеркало, отразившее его затуманенные глаза, предательский румянец, заливавший его щеки, искусанные, распухшие губы. “Вот что такое власть, Кристоф”, – сказал он себе. – “В этом вся её суть. А власть любит тебя. Всегда любила”. И действительно. Генеральский чин и начальство над Штабом всей армии в неполных 23 года граф Ливен-второй получил так же легко и просто, как нынче вечером взял беспутную свояченицу прусского короля. “В этом вся и суть”, – повторил он себе, засыпая. – “Вся суть...”

...Назавтра были смотр прусской гвардии, маневры и парад; Кристоф, как и его повелитель оказались весьма разочарованы хвалёной прусской выправкой и боеспособностью. Дух “старого Фрица” был куда сильнее в российских лейб-гренадёрах, чем в том, что гордо называлось “прусской армией”.

“Да, с таким союзником мы вряд ли что-то выиграем”, – вздохнул Александр. – “Но если нападут первыми на них, то нам придётся защищать их своими штыками”.

Увы, спустя четыре года так всё и вышло. Но никто об этом ещё ничего не знал...

ГЛАВА 3

Имение князей Долгоруковых близ Луги, Петербургская губерния. Июль 1802 года

– Жара, как в Персии, и даже хуже, – вздохнул Кристоф, вытянувшись на походном коврике и лениво глядя на своего приятеля Пьера Долгорукова, тасовавшего карты. Уже второй день он гостил в имении у князя, пригласившего его пострелять зайцев и “обсудить кое-какие дела”. Кристоф принял приглашение, потому что его заинтересовали “дела”, но покамест они только ели, пили – в том числе, на “брудершафт”, резались в карты, побродили по лесу в поисках дичи, но ничего не нашли.

– А ты был в Персии? – Долгоруков перетасовал засаленную колоду карт, показал графу с хитрой улыбкой на миловидном лице. – Ещё по маленькой?

– Ты же сегодня выигрываешь, – Ливен чувствовал, как солнце жжёт его кожу и предчувствовал, что жестоко обгорит, но отодвигаться в тень ему было неохота. – И в Персии я был. Когда Зубов туда погнал два корпуса...

– Это в Девяносто шестом? – Пьер снял с себя рубашку без всяких церемоний.

– Ага, – Кристоф последовал его примеру. – Пойду ещё покупаюсь. Идём?

– Нет уж, я плаваю, как топор, – усмехнулся Долгоруков. – Я тут побуду, на тебя посмотрю, чтобы не утонул.

Его гость коротко усмехнулся и залез в воду. Здесь было не очень глубоко – в самом глубоком месте графу было по горло; правда, течение сильное. Он поплыл медленно, по-лягушачьи расставляя руки и ноги. Здесь, в этой Каменке, ему нравилось. Такое dolce far niente, как говорят итальянцы. Впрочем, устраивать заплывы на скорость Кристоф тоже был совсем не в настроении, и через десять минут присоединился к Пьеру, бросившему ему полотенце.

– Хорошо плаваешь, – заметил князь.

– Помню, меня лет в шесть брат заманил на глубину, бросил там, хочешь-не хочешь, выплывешь, – проговорил Кристоф, которого вопреки обыкновению потянуло на сентиментальные воспоминания.

– Так и с властью, – заметил его приятель. – Ни тебя, ни меня никто не учил управлять. Повысили до генеральского звания – и давай, выплывай, как хочешь. Методы покойного государя. Я помню, как меня поставили во главе Смоленской губернии. Болотце то ещё. Ну ничего, порядок навёл там. Никто даже не посмотрел, что мне 21 год.

– Да, помню. Я бы не смог, – признался граф.

– Знаешь, в чём секрет? – проговорил Пьер, наливая лимонаду из кувшина, – Надо не бояться на них давить. К ногтю прижимать. Мы, русские, часто только силу и понимаем. Это у вас, у немцев, – цивилизация, дипломатия, все дела. Ты на Москве вообще бывал?

Ливен отрицательно покачал головой.

– Вот там вообще трясина. Все друг другу родственники, куча древних бабок, перед которыми надо подлизываться, обеды эти бесконечные, именины, интриги эти пошлые... Я-то знаю, служил там, на коленях государя молил, чтоб перевёл в Петербург, где вся движуха, – разоткровенничался князь Пётр. – Еле добился этого.

– Думаешь, в Лифляндии такого нет? Есть, – отвечал Кристоф. – Поэтому я тоже на мызе у себя не торчу и в Ревеле не прохлаждаюсь.

– Не, у вас по-другому, – продолжал Долгоруков. – И в Пруссии по-другому. И вообще, пойдём-ка в тень.

– Давай, – с облегчением проговорил граф.

Они уселись на веранде летней кухни, под навесом. Девушка-служанка принесла им закуски и квасу. Когда она уходила, Долгоруков хлопнул её по заднице, и девица кокетливо захихикала.

– За что мне ещё Каменка нравится – девки здесь ядрёные, – продолжал Пьер, и светлогриазе глаза его замаслились. – Хорошо, что ты жену сюда не взял.

Кристоф понимающе улыбнулся.

– Вам, холостым, везёт, – проговорил он со вздохом. – А я вернусь, и меня начнут отчитывать, чего меня так долго нет.

– У тебя жена молоденькая, – удивлённо произнёс князь. – Не должна быть сварливая.

– В том-то и дело, – граф повертел на безымянном пальце обручальное кольцо, которое почти никогда не снимал. – Не нагулялась ещё. Всё-то ей скучно, а вывозить её не могу. Нрав у неё таков, что надо развлекаться постоянно. И развлекать её. А я в шуты не нанимался...

– Заделай ей младенца, пусть с ним нянькается, – отвечал его приятель. – А зачем ты женился?

– Мне приказали. Маме понравилась, – горько усмехнулся Кристоф. – Она так-то неплохая, только маленькая ещё. Со всеми заморочками девиц в семнадцать лет.

– Поэтому я и на Москву боюсь ездить. Не успеешь опомниться, как тебя с какой-нибудь рожей окрутят, – проговорил в ответ ему Пьер. – Ну а в постели как она?

Ливен только руками развёл, не ответив ничего.

– Ага, понятно. Ну я тебе приведу Лушку, есть тут одна такая, – пообещал ему Долгоруков. – И не бойсь, ничего от неё не подцепишь. Портил их здесь только я один.

Разговор зашёл о женщинах. Если верить князю Петру, то у него их было столько, сколько он хотел, а хотел он часто и помногу. Кристоф поделился рассказом о своём амурном приключении с прусской кронпринцессой.

– А, вот такая у них Фике, – проговорил князь. – Если в девичестве и замужестве пруссачки ведут себя скромно, то, когда овдовеют, сразу же пускаются во все тяжкие.

– Она вдова? – переспросил Ливен.

– Да, из тех, что после смерти мужа продолжают рожать младенцев, – откликнулся Пётр, допивая квас. – Я, кстати, полгода назад был в той же спальне, и Фике тоже светила голыми сиськами через простыню... Ты, кстати, видел скульптуру?

– Какую скульптуру?

– Ну, она с сестрой стоит в обнимочку, в таких платьишках, сквозь которых всё просвечивает, – проговорил легкомысленный князь.

– Что, с королевой Луизой? – граф посмотрел на друга так, словно тот усомнился в девстве Богородицы, в существовании Господа или в прочих священных и непреложных истинах.

– Конечно. Думаешь, с таким олухом, как её муженёк, ей сильно весело? Тот, кстати, оказался вовсе не слепым и запрягал эту статую от греха подальше, чтобы особо не волновать подданных. Но я видел, – похвалился Пётр.

– Кстати, про прусский двор, – свернул разговор на другую тему Кристоф. – Вижу, ты, Пьер, там уже свой человек. Удивительно.

Долгоруков пожал плечами.

– С ними нужно дружить, – проговорил он. – Соседи, как-никак. Если будем воевать с французишками, то помогут.

– Ты их армию вообще видел? – отвечал Ливен. – Их же разнесут за две недели.

– Ничего, мы им поможем. – быстро проговорил Пётр.

– Король там идиот, но идиот упорный, – вспомнил граф, поглядев в окно, на дальний лес, освещённый ярким солнцем. – Мне кажется, его просто так не сговоришь на союз.

– Вот это видел? – Долгоруков показал свой кулак. – Я же говорю, силой и быстротой со всем справишься.

– Судя по всему, государь так не считает, – скептически проговорил Кристоф, сложив руки на груди.

– Он так не считает, потому что так не считает Адам Чарторыйский, – хитро улыбнулся Долгоруков, и в его лице появилось что-то от хорька, глаза сузились. – И прочие пшеки. Тот хочет Польшу объединить. Любой ценой. Поэтому Пруссия тому – поперёк горла. Силезию она не отдаст, даже если будут сильно просить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.